Александр Левин

ВРЕМЯ ВЗАЙМЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Антон Фридман — путешественник во времени. Однажды он самонадеянно решил, что готов сразиться со страшным врагом, машиной, которая лишила человечество права выбора, и потерял всех, кого любил. Теперь, постоянно возвращаясь на шаг назад, он пытается все исправить, починить свою жизнь. Умирает, оживает и снова умирает, чтобы опять ожить и попытаться сделать, как было. Только вот… как было?

- Александр Левин
  - ЧАСТЬ 1. СМЕРТИ НЕТ
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
  - Часть 2. Нулевой пациент
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
  - Часть 3. Обитель.
    - ГЛАВА 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8

Александр Левин
Время взаймы

Когда состаришься, научишься

Уважать камни
Если состаришься
Если останутся камни

Хоакин Пасос

ЧАСТЬ 1. СМЕРТИ НЕТ

Глава 1

Цезарь Ларин ненавидел свой новый кабинет. Чертово солнце беспощадно печет спину даже сквозь закрытые жалюзи. Замученный жарой, Цезарь только и мог, что считать минуты до конца рабочего дня, мечтал вставать и размять ноги. Но вынужден был сидеть и делать вид, что внимательно слушает гостью. Та наклонилась, обдав запахом пота и слишком терпких духов, посмотрела на Ларина стеклянными от горя глазами, и выговорила:

- Икиаквиик.

Ларину стало не по себе. Он взмок, как боров, а окно не откроешь - рядом, через улицу, кладут асфальт и воняет так, что хоть топор вешай. Некстати вспомнил, как несколько таджиков в ярко-оранжевых безрукавках гонялись за тощим бродячим псом недалеко от отделения, и загнали его в угол между двумя мусорными контейнерами как раз тогда, когда Цезарь проходил мимо.

- Путешествие сквозь слои, - сказала женщина. - Икиаквиик. Взаимодействие с тонким миром. Понимаете?

Цезарь поерзал в кресле.

- Что вы несете?

Женщина сглотнула. Так, будто ей было больно глотать. Тощая, как мумия, и страшно бледная, она как будто бы держалась из последних сил.

- Именно так это называется в терминологии чукотских шаманов.

Чукотские шаманы вывели Ларина. Причем здесь шаманы? Чтобы не сорваться на грубость, он молчал, и, видимо, молчал долго.

- Вы меня понимаете? - спросила женщина. - Слышите, что я говорю?

Ларин понимал, что в последнее время таких вот персонажей становится пугающе много. Проклятые чипы в головах выходят из строя, и персонажи перестают уметь нормально соображать. И ничего не помогает, разговаривай, или нет, объясняй, показывай примеры - плевать.

Вытер лоб носовым платком и вздохнул.

- Причем здесь шаманы?

- Вы вообще меня слушаете?!

- Гражданка...

Ларин глянул на часы на стене и принялся расставлять точки над «i».

- Спокойнее. Какое отношение чукотские шаманы имеют к самоубийству вашего сына?

Женщина поджала губы. Помолчала. В голове Ларина заскулил несчастный пес.

- Я же вам... Мой муж... - прикусила верхнюю губу. - Мой муж на фоне своего... своего расстройства, - голос сломался, превратившись в полушепот, - впал в параноидальное... Он состоял на учете, ничего не... Я хочу, чтобы вы расследовали его убийство. Он был уверен, что регулирует поток снов, понимаете, как регулировщик на дороге, и не допускает, чтобы кошмары просачивались из бессознательного в сознательное. В терминологии чукотских шаманов подобные практики называются икиаквиик, путешествие сквозь слои. Об этом, я же говорю вам... об этом мне рассказал сын перед тем, тем, как... Как он...

Опять тишина, но того и гляди разрыдается. Нужно с этим кончать.

- Заявление писать будете? - сухо спросил Ларин. Тратить больше времени на эту сумасшедшую было непрофессионально и смешно.

- Что? - опешила женщина.

- Заявление, говорю, писать будете? На кого в суд подадим: на шаманов, на губернатора Чукотки или на производителей оконных рам?

- Что вы...

- А чего вы от меня хотите, гражданка?

Ларин сгреб стопку каких-то бумаг, сложил и стал нервно стучать ей о стол. Отложил. Выдохнул и начал говорить, стараясь, чтобы голос его звучал спокойно, рассудительно и уверенно, хотя терпение никогда не было его сильной стороной.

- Ваш муж умер от рака мозга, состава преступления нет. Сын бросился из окна, состава преступления нет. Чукотские шаманы к этому всему не имеют ровным счетом никакого отношения. Вы...

- Вы должны проверить.

- Что проверить?

- Антон Фридман.

Глаза женщины на секунду прояснились.

- Приятель... знакомый моего мужа, Максим встретил его на этих собраниях. Вы должны его...

Не хватает дыхания, губы, потрескавшиеся, почти бескровные, дрожат.

- ...проверить его. Его фамилия Фридман, Антон. Он замешан, я точно знаю. Я совершенно уверена, что он замешан в смерти моих мальчиков, я знаю. Проверьте его.

- На каком основании? Человек ходит на собрания в церебралку, где ему оказывают психологическая помощь. Тут я заявляюсь к нему и спрашиваю... Что именно, по-вашему, я должен буду спросить? Зачем, гражданин, вы довели сына вашего случайного приятеля до самоубийства? Так, что ли? Или как?

- Вы ублюдок, - выдавила женщина. Так пусто и холодно, без эмоций, что Цезарю снова стало не по себе.

- Я вам говорю, мой... мой мальчик не мог просто взять и...

По щеке скользнула крупная слеза. Женщина мелко дрожала, дышала тяжело, не знала, что еще сказать. Ларин даже опешил, но через секунду, ругая себя за мягкотелость, выпрямился в кресле.

- Вы подключены?

- Нет, в смысле да, но какое...

- Обратитесь к своему нейрооператору, пожалуйста. Вам помогут.

Тишина.

- У вас все? - спросил, и тут почувствовал, что не вовремя прекращается действие обезболивающего. Левый резец раскрошился еще в воскресенье, и Ларина второй день мучила злая зубная боль. Он тронул острые осколки зуба кончиком языка, при этом чуть приоткрыв рот.

- Я не знаю, чем вам помочь. Думаю, вы можете идти.

- Вы мне не поможете?

- Нет, не помогу. Идите. Я сообщу, если мы что-то выясним.

Женщина резко встала, едва не упав, неловко то ли придержала, то ли оперлась на стул и посмотрела на Ларина сверху вниз.

- Что-то еще? - спросил он.

Когда за потерпевшей захлопнулась дверь, Цезарь вынул сигарету и аккуратно поставил ее на фильтр. Курить расхотелось. За годы работы он привык к таким историям, часто люди выдумывали все эти душещипательные подробности, но сейчас что-то тяжелое и холодное зашевелилось внутри... Гадость какая-то, будто бы большая скользкая рыба, подыхая, трепыхалась под ребрами.

Дальше все в штатном режиме: крики из изолятора СЦ и тупой стук дубинки по железным прутьям. Цезарь и имя-то этой сумасшедшей забыл, бумажка с «такая-то, такого-то года рождения» осталась с другой стороны стола, а глаза из памяти никак не шли. Красные, опухшие от слез. Вернувшись домой, Ларин первым делом позвонил бывшей по видеосвязи, хотел поговорить с дочкой, но на звонок не ответили. Следователь допил вино, болтавшееся в холодильнике еще с Нового года, и с

тяжелым сердцем лег спать, не раздеваясь.

***

...Снился город будущего - огромный, утыканный небоскребами, точно иглами. Было пасмурно, и потому невозможно понять, сколько времени или какое теперь время года. Небо покрывали жирные черно-серые тучи, внутри которых нет-нет ворочался гром. Ларин оглядывался, чувствуя преследование, но никого не находил.

Где-то здесь, в лабиринтах железных улиц, таилась угроза. Цезаря преследовал дискомфорт, жгло в горле. В какой-то момент, абсолютно измотавшись, он вдруг понял, откуда тянет опасностью - небо. В небе над странным городом есть что-то.

Оно наблюдает. Оно ждет.

Ларину стало так страшно, как не было, наверное, лет тридцать, с тех самых пор, как они с братом охотились на русалок на холмах у дедова дома, и вот, начав поднимать голову... Цезарь проснулся. Разбудила, - чертовы четыре утра, сиреневые чернила за окном, - проклятая зубная боль. В десну будто ввинтили ржавый болт. Боль пульсировала в висках, комната плыла. Сил подняться с кровати у Ларина не было. Он некоторое время полежал так, глядя в облезлый белый потолок, и опять закрыл глаза.

Через секунду за окном стало невыносимо светло. Цезарь повернулся на левый бок, спасаясь от наползающего утра, и обнаружил себя на посреди улицы, затопленной народом и заваленной огромными рекламными голограммами. Реклама была везде, куда ни повернись. Ларин не удивился. Так уже бывало, когда сон и реальность на пороге пробуждения смешиваются и становится непонятно, где что.

Навстречу шел невысокого роста, средней комплекции человек в черной куртке наподобие кожаной. Сознание Цезаря мгновенно выделило этого человека из безликой толпы. Левая часть шеи у человека была вроде железной, и из правого рукава торчали стальные пальцы. Человек куда-то торопился или что-то искал. Ларин посмотрел на него и каким-то невероятным образом понял - это и есть Антон Фридман.

Глава 2

Вместо положенных двух месяцев раздолбанный челнок по гравитационной нити волокло почти полгода. Оказавшись на твердой земле, Фридман еще долго не мог прийти в себя. Голова опухла, ноги были ватные. А вдобавок ко всему, надо полагать из-за последней стычки в отсеке для амнистированных, что-то случилось с контактами в протезе. В порту Антон долго смотрел на свою ладонь, сжимал и разжимал кулак, проверяя, слушается ли его проклятая железяка.

Монорельсовый поезд сначала протащил его над сиреневой бездной, в которую как ни вглядывайся, не увидишь нижние уровни, потом нырнул в лохматый желтый туман и вынырнул с другой стороны, доставив к цивилизации. Его встретил неспокойный дребезжащий муравейник средних уровней, над ним возвышались Башни, величественные, полыхающие в лучах восходящего солнца, а внизу, где больше никто не живет, была холодная мгла, из которой вдалеке, как чьи-то уродливые пальцы, торчали тонкие трубы фабрики снов.

Людей в городе стало чертовски много. Фридман так и не успел к этому до конца привыкнуть. А сойдя на шестьдесят седьмом уровне, уже на платформе понял, что кое-что еще изменилось: горожане стали подозрительно обходительными. Им как будто бы и правда было не плевать на окружающих, и поэтому обычно тоскливые серые улицы теперь кажутся какими-то болезненно приветливыми. Люди улыбались, кивали, а иногда даже останавливались, чтобы вроде как справится о делах случайно встреченного соседа или коллеги. А ведь раньше они даже отказывались признавать, что где-то рядом есть еще кто-то живой.

По дороге через центр Антон никак не мог отделаться от странного ощущения тревоги. Смотрел на милых и ухоженных зомби и пытался понять, что ими на самом деле движет. Они с такой охотой приняли этот новый порядок вещей, что становилось горько, до тошноты противно и страшно. Неужели никто и правда не понимает, что это все уже было? Мы двести лет предупреждали друг друга, что так вот и случится, смеялись, меметизировали страх, а теперь...

Дело прояснилось при встрече с Лапшой. Встретились они в небольшом кафе на первом этаже громадного делового центра в самом что ни на есть «элитном» районе шестьдесят седьмого.

Город сверлил Фридмана сотнями красных зрачков камер наблюдения, заставляя чувствовать себя так, будто ты совсем голый, а сотни людей смотрят, ловят каждое твое неловкое движение, и смеются, и тычут пальцами, а укрыться негде... Антон отогнал секундное наваждение, пожал протянутую пятерню здоровой рукой и сел за столик.

- Что за дерьмо, старик? - спросил.

- Какого хрена люди так лебезят перед друг другом?

Лапша - толстяк с неаккуратной бородой и старомодным сканером вместо правого глаза - шумно втянул протеиновый коктейль из трубочки. Старый друг, как и сам город, казался еще более подозрительным, чем обычно. Во-первых, Лапша-то уж точно раньше никогда в такие места не заглядывал, считая, что это ниже его человеческого достоинства, а на сейчас сам пригласил именно сюда, даже не удивившись тому, что видит на экране коммуникатора лицо Фридмана, а во-вторых, встретиться согласился неохотно и теперь постоянно оглядывался, будто ожидая преследования.

Вытер рот двумя пальцами и изрек:

- Все, что мы можем сказать, a priori может быть только бессмыслицей.

- Чего? - Антон быстро мотнул головой. - Ты так шутишь или что?

Лапша усмехнулся.

- Все-таки нужны подробности? Система репутации. На ней теперь все завязано. С низким средним баллом современный человек не может считаться полноценным. Ниже семи - и Сингулярность не выдаст разрешение не то что на ребенка, но даже на прием пищи. У тебя, например, такого разрешения пока нет.

Антон сглотнул.

- Чего?

Похолодел. В голове безумным калейдоскопом пронеслись события, которые и забросили его на другой край галактики.

- Эта... оно... работает?

А дальше голос поломался, превратившись в визгливый шепот:

- Мы же победили, Лапша...

- Опасности нет, - ответил бывший друг. - Сингулярность полностью перепрограммирована.

И смотрит пристально, будто ожидая, что Антон... что?

Фридман выдохнул, кое-как взял себя в руки.

- Ох-ох, брат. А на своих ошибках мы учиться не хотим, да?

Но вышло жалко. Без страха не получилось, в горле встал

ком. Чтобы унять позорную дрожь в руках, Антон решил продолжать строить из себя ковбоя, потянулся и хотел взять с тарелки Лапши кусок органического заменителя.

- Что у тебя, картошечка?

На лице Лапши не дрогнул ни один мускул.

- Стой. Не трогай.

Антон на несколько секунд замер в нелепой позе, а затем вернулся на место, почему-то и правда передумав.

- Я же сказал, у тебя нет разрешения. Тебе необходимо будет пройти тестирование.

Фридман не знал, как реагировать. В желудке заурчало. Пока летел с чертовых куличиков на окраине Млечного Пути, он и забыть успел, какие на вкус нормальные заменители. Пришлось помолчать. Не так-то просто было заставить пальцы не дрожать.

- Ну, старичок, тогда давай к делу, ладно?

Фридман сжал кулак.

- Я понимаю, что ты, может, не сильно-то и рад меня видеть, но больше за помощью мне обратиться не к кому, сам понимаешь. Мне нужно в сеть, Лапша. Помоги мне.

Лапша молчал, сверлил взглядом.

- Эй, Эдди, ты можешь мне помочь?

- Нет.

- Слушай...

- Я не могу, Антон. Город изменился, все изменилось. Мы не можем...

- Лапша.

- Эдуард.

- Эдуард. Ладно, хорошо. Я все понимаю, рейтинги, хорошо. На кой хрен ты согласился встретиться, если не можешь помочь?

- Ты социально неблагополучный элемент, преступник, и я оказываю тебе психологическую поддержку. За это я получу баллы.

- Правда?

- Да, так и есть.

- А если я встану и вырву тебе кадык?

- Осторожно, Антон. Рой следит за тобой с самой первой минуты.

- Да срать я хотел и на рой, и на всю проклятую безумную машину, которую вы какого-то воскресили после... Мне нужна твоя помощь. Ты издеваешься, что ли? Какая система репутации? Эта дрянь сожрет вас, нас всех.

Осекся. Нужно было взять себя в руки.

- А зачем тебе в сеть, если так? - спросил Лапша.

Опять гляделки.

- Лапша, ты все прекрасно понимаешь. Или что? Удалили травмирующие воспоминания, сидишь на окситоцине?

Но тут вдруг что-то случилось. Лапша и с места не сдвинулся, не шелохнулся даже, но Фридман знал, на что способен старый приятель.

Людей вокруг размыло: они превратились в шевелящееся и что-то бормочущее месиво из теней.

- У тебя есть сорок секунд, чтобы убраться отсюда, брат. Если помехи продлятся дольше, мне конец. Я активирую тебе бету, откроешь меня у себя на острове, там оставлю инструкции, расскажу, где найти толковых ребят.

- Спа...

- Молчи, сказал же. Вставай и делай ноги. Большая часть старых коммуникаций поломана. Ты ее не найдешь. Она уничтожена вместе с враждебными программами Сингулярности. Но ведь не слышишь меня, да? Пробуй. Поймают - я тебя не знаю, а если уж что, то первый сдам с потрохами.

Антон усмехнулся, - чем ближе опасность, тем дальше беда - встал и быстро пошел прочь.

***

Ромашка смотрит на него так, будто видит впервые и будто ей совсем не нравится то, что конкретно она сейчас видит. Коридор Первого логистического центра. Они девять этажей молча спускались на своих двоих. Просто взяла и пошла к лестнице. Антону пришлось сделать над собой усилие, чтобы последовать за ней без споров. Будем спускаться пятьдесят, сто пролетов? Серьезно? Зачем?

В коридоре светло и приятно пахнет. Людей нет; на самом деле их нет не только здесь. Город рассыпается, милая, дурацкая Лана, людям больше не нужен город, и ты это знаешь не хуже меня. Остатки системы, змеи, пожирающие сами себя, из последних сил делают вид, что... что? Тсс. Об этом не говорят. Мы с тобой тоже не говорим.

Не говорим - и правильно делаем. У нас все в порядке. Экономика который год показывает небывалый рост. Никому нет дела ни до каких прав.

Фридман смотрит на Ромашку и ругает себя за то, что все-таки нарушил тишину.

- Что ты сказал?

В голосе металл. Он не уйдет, не сдвинется с места, пока не получит ответ. Так уж она устроена.

- Ну прекрати, малыш, пойдем.

- Что. Ты. Сказал.

- Ты сама все прекрасно понимаешь...

- Нет, не понимаю. Повтори.

- С кем и зачем ты собралась бороться? Головой подумай, пожалуйста, а не...

- А не?..

Изгибает бровь. Глаза сухие и страшные.

- Договори. Головой, а не...

- Света.

- Чем я обычно думаю, Антон?

Фридман злится. Ему неприятно. Ясно же - чиновники просто стараются показать, что еще зачем-то нужны. Как могут, так и пытаются. Все эти новые поправки на самом деле не стоят и выеденного яйца, ничего не будет работать и никто никого не притесняет. Все самые важные решения уже приняты. Приняты не людьми. Но поди объясни этому воину за социальную справедливость, что война давно закончилась.

- Пошли, хорошо? - Антон старается быть дружелюбным.

- Пес с ними!

- То есть тебе правда кажется, что это нормально? Сегодня у меня опять отнимают базовые права...

Дрожит, медленно вдыхает и выдыхает.

- А что будет завтра? Ты понимаешь, что говоришь? Все кончилось? Остались одни идиоты, хорошо, нормальные люди подключены и спокойно ходят под себя в башнях. Нет смысла говорить о правах на руинах? Что еще? А когда они завтра придут за мной, эти идиоты, что ты будешь делать?

Фридману не хотелось отвечать честно. Не хотелось говорить, что Платформа Действий не работает лет пятьдесят как, а если разобраться, то и не работала никогда. (Нельзя воевать с войной и угнетать угнетателей). Фридману не хотелось напоминать Ромашке о том, как она была рада поправке 51, не хотелось спрашивать, чем в таком случае женщины или третий пол на ее взгляд, отличаются от верующих и почему последних мы заклеймили с вящей радостью?

- Ты же понимаешь, что это крючкотворство? Уберем вот то, введем вон то? Давай без эмоций. Ну что мы можем сделать?

- Бороться.

- Конечно, ага. Еще раз. С кем и зачем? Ты ведь понимаешь, что...

Бесполезно. Выключилась, ничего больше не услышит. Будет бороться.

- Я буду бороться, Антон.

Будет сражаться.

- Я буду сражаться.

***

...Фридман давно не спал, на такое в той дыре, куда его выслали, не хватало ресурсов, а память, все, что осталось после экстренного погашения кредита, он в последний раз сливал восемнадцать лет назад.

Проще говоря, сейчас спать было опасно. Проклятая мусорка, особенно без помощи регулировщика, может сожрать тебя с потрохами. Но другого выхода нет.

- Ты как, парень?

От белобрысого азиата с уродливым узором сетевого кода на лице невыносимо несло «открывашкой». Он наклонился к Антону чересчур близко и спросил:

- Готов встряхнуться?

- Готов.

- Спрошу еще раз. Точно готов? Ну, сам понимаешь... Спросить-то я должен.

В подвале, куда Фридмана привели инструкции Лапши, воняло сыростью и мочой. (Антон наказал себе больше никогда - и никогда значит никогда, старик - не возвращаться на свой остров, который стал похож на жуткое цифровое кладбище). Следуя за азиатом, имя которого уже и забыл, Фридман успел увидеть семь или восемь комнат, где в огромных креслах, не дающих возможности пошевелиться, в старомодных шлемах виртуальной реальности болтались такие же бродяги, как он сам.

- Эй, браток, ты на связи?

За все годы на регалитовых рудниках в голове Фридмана не было такого раздрая. Память пробиралась в сознательное, как вирус, как мерзкий мороз в остывший, брошенный хозяевами дом. Аватара Ромашки стоит, безвольно свесив руки вдоль тела, словно забытая ребенком кукла... Сейчас защиплет в глазах. Фридман сжал алогидролевую клешню, строго посмотрел в стеклянные от кустарных ноотропов глаза оператора и, стараясь придать голосу металлические нотки, сказал:

- Мне нужен именно сон. Больше никаких вопросов.

- Имплант у тебя старый, перегруженный... ну, я предупреждал. Может быть, есть смысл спокойно умереть, я почищу память, найду то, что тебе нужно, и верну, а так - хрен его знает, выберешься ли. Ты ведь...

- Не тяни. Твоя задача прошить сраный чип и пустить меня в верхний мир. Все. Дальше я как-нибудь разберусь сам. Уяснил?

Азиат хмыкнул и что-то быстро прошептал себе под нос.

- Чего?

- Ничего. Как скажешь, говорю. Друзья Эдика - мои друзья, - и резиново улыбнулся, что сделало его лицо похожим на жуткую восковую маску. - Закрывай глаза, браток. Сейчас все будет.

***

...Икиаквиик. Тащило сквозь чужие сны: миллионы осколков. Влажные фантазии, извращения, потаенные желания, глубинные страхи. Когда-то, сорок лет назад, пятьдесят лет назад, этих слоев было в сотни раз больше, тогда большая часть населения Земли еще нуждалась в том, чтобы спать. Тогда не было регулировщиков и не было народа верхнего мира.

Тогда люди еще взаправду боялись смерти.

- Антон, Антоша, где ты? - звонкий, детский голосок. Вот она, бежит навстречу, словно только и делала, что ждала его у окна, как с войны. Бежит, стрижка под мальчика, волосы неровно торчат в разные стороны. Глаза большие, худенькие плечи.

Фридман вдруг понимает, что одет в военную форму. А Ромашка подбегает, не успевает он и опомниться. Бросается на плечи, впивается губами в его губы, отрывается точно через силу, будто сражаясь с мощным магнитом, что-то шепчет, опять целует. На некоторое время мозг отключается. Нет никакой разницы, никакой чертовой разницы, сон сейчас или явь. Она рядом. Здесь, с ним, в руках, теплая.

- Ромашка...

В этот момент исчезает крыльцо, исчезает девушка, все исчезает.

- Ромашка...

Еще через секунду Фридман обнаруживает себя где-то далеко за пределами города, внизу, в нищих районах у разбитых железных дорог. Стальное серое покрывало тумана, пыль забивает нос. Здесь жили проклятые. Люди, которые отказались лечиться от самой главной болезни. Антон оглядывается - никого.

Над пустой дорогой, на погнутых перилах, на которые будто бы рухнуло с неба что-то тяжелое, мигает желтым одноглазый светофор. Но в окружении есть что-то неуловимо знакомое, он раньше был здесь, но когда и при каких обстоятельствах - хоть убей.

И откуда здесь электричество?

Впереди - строение, барак или что-то такое, длинное и невысокое, всего два этажа. Антон понимает, что ему нужно туда, в подвал.

Глава 3

Дверь автопилотируемого электромобиля открылась. Механический голос сказал:

- Вы прибыли на место назначения. Спасибо за использование услуг Первого логистического центра. Оплата будет списана с вашего личного счета. Удачного дня!

Было жарко. Я вылез из машины, огляделся. Затем почти инстинктивно поднял голову, приложив ладонь козырьком ко лбу и все равно сощурился от яркого солнечного света. Далеко в небе, над городом, как хищные птицы, кружили маленькие черные точки - полицейские дроны.

И то, что я не могу разглядеть их с такого расстояния, совсем не значит, что они не видят меня. После погромов контроль усилен согласно правилам. (Правда лично я никогда не видел этих правил). Террористическая угроза третьего уровня - убивать вас мы будем только ради вашей же безопасности.

Но мне бояться нечего, нет, сэр. Ведь правда? Просто парень, обычный такой житель второго уровня, просто входит в старое, давно подлежащее сносу здание в нежилом районе у ненужных железных дорог и не возвращается. Кому какое дело? Нет никакой опасности. Нужно только убедить себя в том, что никакой опасности нет.

Над перекрестком, метрах в двадцати от того места, где меня высадили (это граница покрытия службы такси), на последних соплях висел горящий красным светофор, а с другой стороны дороги была брошенная автозаправочная станция, старая, еще бензиновая. Мое такси исчезло быстро и беззвучно, я даже не сразу понял, что остался совсем один. Непривычное, но нужное, отрезвляющее чувство. Ты один. На многие километры вокруг нет никого, ты свободен. Но... скрип качелей? Серьезно!? Где-то здесь есть жилой двор, детская площадка? Стало совсем не по себе. Я проглотил ком, сунул руки в карманы и пошел за маячком.

Тихий жалобный скрип провожал меня четыре квартала. Скорее всего, это в моей голове. Может, частично заблокированное кружево из последних сил включает какие-то стоп-сигналы - эге-гей, товарищ, остановись, пока не поздно! - но я точно знаю, что назад дороги нет. Поздно. Поворачивать некуда. Я могу все исправить и исправлю.

Согласно координатам, которые дал мне Лапша, мне нужно именно сюда. Оказался у строения, длинного и невысокого, всего

в два этажа, с пустыми глазницами побитых окон. В голове что-то произошло. Без полного подключения не могу объяснить, что конкретно - я просто вспомнил, что через сорок лет здесь организуют притон, где белобрысый кореец будет вставлять людям в головы паленые импланты и сжигать их мозги, уверяя, что чистит память не хуже корпораций. Ему, дураку, и невдомек, что «этажом» ниже, в сырых и темных лабиринтах канализации - гравитационная аномалия. О ней никто не знает. Лапша нашел ее первым. Мне туда. Один шаг - и начну все сначала. Все исправлю. Починю свою жизнь.

***

Скрип никуда не делся, всегда был со мной.

Вот он - теплая осень, яркое полуденное солнце. В нашем дворе осенью бывало красиво; красно-желтыми листьями устелен асфальт; тут яркая горка, турник, качели, разноцветный грибок над песочницей, похожий на зонтик. Качели раскачиваются туда-сюда, как будто ребенок спрыгнул с них только что, секунду назад.

Вот он, этот скрип.

Но во дворе никого нет. Я смотрю на детскую площадку из окна на третьем этаже бетонной коробки, которую привык называть своим домом. Мне нужно называть какую-нибудь коробку домом, мне так спокойнее. Я смотрю вниз, во двор, и не могу понять, что конкретно изменилось, чего не хватает.

- Тебя зовут Антон Фридман.

В горле першит, приходится его прочистить. Сердце ухает в висках. Мне не хочется боятся, но липкий дурной страх не спрашивал моего мнения. Сижу прямо на полу в сыром и темном подвале, где стоит такая вонь, что даже глаза слезятся. Пахнет отходами, гнилой водой и, кажется, горячей смолой.

- Сейчас шестьдесят... восьмой... примерно шестьдесят восьмой год по старому календарю, и, если бы не все это дерьмо, тебе бы сейчас перевалило за седьмой десяток. Да, где-то так.

Яркий двор тает, как акварельный рисунок, и я больше его не вижу. Остается только подвал, где в нескольких метрах от того места, где я уселся, в воздухе висит, не двигаясь, будто нарисованный, султан густого серого дыма.

- Инъекция микроскопических роботов в твоей крови не дает организму изнашиваться, - продолжаю я. Не понимаю, нужно ли говорить именно это. Перед моим лицом, сантиметрах в тридцати, висит голографический экран, на который транслируется запись обращения.

- А нейронное кружево... если ты знаешь, что это...

Вырывается грустный смешок, долго молчу. Затем мы с

двойником на экране одновременно поднимаем головы и смотрим друг другу в глаза.

- Цифровая прослойка твоего интеллекта делает за тебя всю умственную работу. Твое сознание рационализировано, все в порядке. Годов с сороковых... Знаешь, что самое смешное, Антон?

Появилось такое чувство, будто на меня кто-то пристально смотрит сзади. Но оглянуться смелости не хватило.

- Человек сто лет ошибался, считая, что его мозг похож на компьютер, а теперь так оно и есть.

Опять давлю из себя невеселый смех. Инстинктивно дотрагиваюсь до шеи. Закрываю и открываю глаза.

- А еще...

Что еще сказать?

- А еще смерти нет. Смерти... такой, какой ты ее знаешь... или знал, или будешь знать... Проклятье... Короче, она теперь другая, старик. Я говорю все это на случай, если временная линия или типа того, если время изменится, и ты попадешь в какую-нибудь параллельную вселенную. Просто важно, чтобы ты ничего не забыл. Нельзя забывать.

Шаги? Я вздрогнул, по спине пробежали холодные мурашки. Замереть, замолчать и прислушаться. Нет, показалось. В горле жутко пересохло.

- Время ускорилось. В среднем сутки теперь длятся около девятнадцати часов. Случилось это десять или пятнадцать лет назад, кажется, сразу после запрета. Но ты привык. Все привыкли. Хотя ученые говорят, что жизнь станет еще быстрее. Они, если нашим ученым можно верить, говорят о каком-то аномальном гравитационном поле...

Я замолчал, облизнул губы.

- Типа огромный мыльный пузырь накрыл половину планеты. Не знаю, как правильно объяснить...

Начала гудеть голова. Лапша предупреждал, что «дырка» негативно действует на самочувствие, сказал, что нужно терпеть.

Сказал: «Не тяни, Фридман». Сказал: «Мы не знаем, чем это может кончиться».

- Я не спал лет шесть и даже забыл, каково это... что конкретно ты чувствуешь, когда сознательное выключается, но сознание продолжает существовать... Умные люди решили, что среднему гражданину просто-напросто не с руки больше тратить время на сон, его, времени то есть, и так всем не хватит, чтобы дожить, поэтому кружево сводит к абсолютному минимуму потребность в отключении жизнеобеспечения организма. Эта штука умная, приятель. Умнее тебя, умнее нас всех.

Я вдохнул - проклятая вонь - и, дрожа от напряжения,

выпустил воздух.

- Но постоянно бодрствовать мы не можем, правильно? Здесь и применяют смерть. Ты можешь умереть когда захочешь, а затем вернуться, или смерть могут прописать тебе врачи. Кружево переводит все бортовые системы в режим гибернации - и все, нет человека. Именно то, что тебе, что нам с тобой нужно.

Краем глаза замечаю движение, резко оборачиваюсь, чувствуя, как схватило сердце, но ничего и никого не нахожу. Это все в твоей голове, приятель. Посмотри на пол и увидишь мокрые детские следы.

Посмотри.

- Есть две причины, по которым ты оказался в этом вонючем подвале.

Я быстро провел пальцами левой руки по ладони правой, включая 360-градусную панораму.

- Много лет... тебя мучило, не давало жить, ты пытался забывать, трусливо продавал память, но это всегда возвращалось. А теперь есть решение. Твой друг - Лапша, Эдик, - он крутой программист, передай ему привет, когда снова встретишь, он установил точные координаты аномалии. Еще он предупредил, что история может поломаться. Парадокс убийства дедушки, Новиков, вся эта чушь, ну, ты знаешь. Не могу перейти к делу. Я не могу перейти к делу.

Перед глазами опять залитый солнцем двор.

- Страшно мне. Мне страшно оттого, что может ничего не получиться.

Теперь на скрип качелей накладывается звонкий смех. Я сижу на скамейке и держу в руках большой красно-желтый лист, рассматриваю прожилки на нем, словно карту, а спустя миг опять оказываюсь в подвале.

- Когда-то давно, когда время еще что-то значило, ты допустил страшную ошибку и теперь получил возможность ее исправить. Твои жена и дочь вышли утром в парк погулять, просто прогуляться, подышать свежим воздухом. Были светлые и теплые деньки, середина осени. Они вышли и не вернулись. Так получилось. Тебе сказали, что никто не был виноват.

Облизываю пересохшие губы.

- Но ты ведь знаешь правду, старик. Знаешь, даже если не помнишь. И теперь у тебя опять появилась возможность все исправить. План простой. Возвращаешься в прошлое и перетаскиваешь своих девочек сюда.

Наконец, получилось проглотить ком в горле. Глаза намокли.

- Я могу тебе присниться однажды, если что-то пойдет не так. Я позабочусь о том, чтобы ты увидел это обращение, дружище.

Может быть, у тебя все будет хорошо: тебе девяносто два, и внуки приезжают на лето, а ни о каком ускорении времени никто ни сном, ни духом. Было бы отлично, твои девочки рядом, а Сойка взрослая, твоя малышка уже и сама мама, а Света постарела вместе с тобой, и у вас все хорошо...

Говорить стало тяжело.

- Отличный вариант. Но при любом другом исходе знай: ты можешь опять все изменить. Аномалия, я надеюсь, никуда не денется... Даю координаты, и живи ты даже в сраной Антарктиде, собираешь манатки и едешь сюда, лезешь в эту дыру и начинаешь все заново. Это важно. Важно, понимаешь? Да я и не думаю, что без них у тебя что-то может быть хорошо. Ты будешь чувствовать потерю, чувствовать, что живешь чужой жизнью.

Я все-таки вынул кальян, затянулся один раз, слыша треск внутри хрупкой пластмассовой конструкции, выпустил дым.

- А может, и не будешь. Ведь если время пойдет иначе, у тебя будет другая жена и другая дочь, или сын, или не знаю кто еще. Ты будешь другим человеком, не мной. Этого я тоже не могу допустить.

- Верни мне меня, - сказало мое лицо с экрана, и он погас.

Я немного постоял так, в пропахшей гнилой водой тишине, заархивировал обращение в бессознательном, установил таймер, еще раз затянулся и направился к аномалии.

***

Проходит миллиард лет, и я начинаю видеть какие-то неясные тени, похожие на людей, и даже слышать глухие голоса. Затем серость расступается окончательно, и я оказываюсь на пустой улице перед... полицейским участком?

Да, полицейский участок. Холодно. Кажется, поздняя осень - вижу иней на ветвях, последние желтые листья. Над головой низкое серое небо, покрытое тучами... Спустя несколько мгновений понимаю - это примерно начало века, самое странное время в новейшей истории.

Южная столица, мыльный пузырь на одной из важных транспортных артерий Евразии. Три дня до Москвы поездом, три часа самолетом. Уже лишившись имени и получив пустой номерной знак, Южная столица еще долго делала вид, что все дороги, которые никуда больше не вели, имеют хоть какое-то значение.

Я любил этот город, знал все проулки и улицы, кабаки, маршруты, исследовал его десятки лет, сросся с ним нервами. Боялся его и любил до безумия.

Оглядываюсь. Накрапывает противный мелкий дождь, и мне нужно сделать над собой усилие, чтобы прогнать из головы

тот, другой дождь. Перекошенные злостью лица людей, у которых выбили почву из-под ног. Вижу. У них в руках куски труб и бутылки с горючей смесью. На лицах кровь, сажа и какая-то мрачная, первобытная ярость. Вокруг огонь и черная вода. Лужи кипят. Нос забивает едкий запах гари. Вокруг крики и шум. До меня будто вживую доносится грохот взрыва, а потом частый звон разбитого стекла. Стоп. Стоп. Остановись. Откуда у меня эта память?

Прочь. Не сейчас.

Полицейский участок находится на узкой не проездной улице между двумя большими проспектами, здесь аллея, красочная летом, нужно думать, а сейчас полумертвая.

Синяя пластиковая дверь открывается, и выходит человек в форме.

Глава 4

Цезарь редко выходил из себя, человеком он был от природы спокойным и уравновешенным, не то что отец... Конечно, не хотелось портить выходной, в кои-то веки всем семейством выбрались на дачу, бабье лето, солнце, зелень, шашлыки.

Но всему есть предел.

- Рот закрой, - спокойно сказал он.

Димка-то тут же осекся, понял, что вулкан того и гляди взорвется, а девушка его, Лана, Цезаря видела впервые (тем более!), и замолкать была не намерена.

- Что?

Изогнула тонкую бровку. Красивая, зараза. Большие карие глаза, отливающие серым по краям радужной оболочки, светлые волосы и ровные белые зубы. Хоть прямо сейчас в рекламу какого-нибудь шампуня.

- Я говорю: захлопнула бы ты варежку. Подрастешь - приходи, там и поговорим. По рукам?

Цезарь больше десяти лет работал в органах и видел вещи гораздо страшнее, чем бодишейминг и чего-то-там-лифтинг, прости Господи. Что бы это ни значило.

И повод-то грошовый, чего заводиться?

- А что вы меня затыкаете? Я имею право говорить все, что думаю. Мы живем в свободной стране!

Демократке лет двадцать, плюс-минус. Она учится в том же университете, что и племянник, получает степень бакалавра. Вроде как эта феминистка пятой волны даже где-то работает, но точно Ларин не помнил. Он видел отрезанные головы, держал на руках умирающего товарища, которому два раза выстрелили в живот, - крови слишком много, слишком красной - видел, как наказывают блатных за «косяки» и как безумная мать держит у горла четырехлетней дочурки огромный кухонный нож, а что «волн» феминизма есть несколько и что феминистки бывают разные, до сих пор и не слышал. Конечно, он понимал, что наступает будущее, какое-то их будущее, видел это каждый день, но пока не был готов поднять белый флаг.

- Говори, да не заговаривайся. Закрыли тему.

Ларин честно старался не сорваться, но не мог себе позволить оставить последнее слово за ней. Пройдет лет пять-семь и девочка ему еще и "спасибо" скажет.

- Нет, не закрыли, - фыркнула. - С чего это мы тему закрыли и

кто вам дал право решать, что мне говорить, а что нет? Вы знаете...

Димка взял ее за руку и попытался что-то прошептать на ухо, но та вывернулась.

- Дима!

Быстро посмотрела на Цезаря.

- Ты правда позволишь своему дяде надо мной издеваться? Неужели ты считаешь, что это нормально?

В голосе ее не было "девичьей" обиды, это, надо признать, Ларина удивило. В голосе звучал металл. Димка поменялся в лице. Ларин вот в этот самый момент хотел остановиться, чем бы дитя ни тешилось, мол, лишь бы не повешалось, но уже не смог.

- Ладно, не закрыли. И чего ты конкретно от меня требуешь?

- Уважения к женщине. Не как к объекту сексуального влечения, а, в самую первую очередь, как к человеку. Какое, скажите, право вы имеете обсуждать коллегу вашей бывшей супруги в таком... скажем, не знаю, ключе? - Запуталась, выбирать ей слова, или нет. - Это недопустимо. Я прекрасно понимаю, что язык - система самоорганизующаяся, и действительно повлиять на то, чтобы в нем искусственно прижились какие-то понятия мы не сможем, но если не делать ничего, то такие как вы никогда не перестанут оперировать категориями, будто бы походя оскорбляющими женщину. Мне нужны ваши "комплименты", для меня ничего не значит, если вы вдруг считаете, что я пригодна для деторождения, это мой выбор. А ваша коллега да, возможно, ленива и несколько необязательна, опять же, если верить вашим словам, не выслушав вторую сторону, но вовсе не потому, что она женщина.

- Если человек тупой и жирный, - сказал Цезарь, выслушав. - Я так ему, человеку, в первую очередь, и говорю. А если коллега была бы мужчиной, я так понимаю, то вопросов у тебя не возникло бы? Так, что ли?

- Нет, не так, и коллега не мужчина. И вы позволили себе лишнее. И ее здесь нет, ответить она вам не может. Вы понимаете, Цезарь Геннадьевич, то, что вам кажется неважным, ну есть и есть, ну сказал и сказал, на самом деле определяет...

- Так, - пресек Цезарь, - отвечать за нее, как я понимаю, будешь ты? Хорошо, давай. Отвечай.

Галя и сестра молчали. Хорошо, что маленькая с бабкой в доме. Цезарь отпил пива, перевернул готовый шампур справа на мангале. Мясо приятно пахло, с гор шел приятный, чистый ветер.

- Только отвечать человек должен за себя сам. А с природой ты не поспоришь, Лана. Есть женщина, есть мужчина. У них разные биологические и социальные функции. Обязанности,

особенности и привилегии. Давай-ка ты лучше поживешь с мое, как бы это по-стариковски ни прозвучало, я понимаю, что ты думаешь... но однажды мы и правда вернемся к этому вопросу, и ты, гарантирую, посмотришь на ситуации другими глазами.

- Какими это?

Цезарь помолчал.

- Сейчас эта твоя война против мужчин выглядит смешно. Фыр-фыр-фыр. А уж рот бы тебе вообще с мылом помыть, я тебя старше раза в три.

Лана сжала челюсти. Медленно выдохнула.

- Феминизм борется не с мужчинами, а с патриархальным строем. Сто лет назад такие, как вы, думали: нет никакой проблемы с правами женщин. Этим избирательным правом для баб нас отвлекают от действительно гораздо более важных проблем. Думали об этом? Сегодня вам кажутся неважными и ненужными проблемы гендерной дискриминации, а что завтра?

Даже не понимает, о чем говорит...

- А что завтра?

- Завтра гендерные стереотипы будут полностью разрушены, мы на пути к этому, вы знаете, если читаете новости, и вы окажетесь в непростой ситуации, Цезарь Геннадьевич. Не думали об этом? Многие мужчины искренне уверены, что феминистки просто обязаны каждому встречному-поперечному проводить ликбез, что-то доказывать, пояснять. Но никто ничем никому не обязан. Мой опыт говорит, что с мизогинами, гомофобами и прочими... такого плана... - опять немного осеклась, но тут же опомнилась, - такого плана людьми, высказывающимися о том, чего просто не понимают, спорить бесполезно. Их не интересуют аргументы. У меня просьба, нет, у меня требование. Не нужно при мне говорить подобных вещей, пожалуйста. Старый...

Цезарь усмехнулся.

- То есть ты мне можешь диктовать, что говорить, а что нет, но не я тебе, верно я понимаю? Я гомофоб, прости господи, и - как там? - старый мизогин, и разговаривать со мной дело бесполезное, можно только лаять на меня, как Моська, приказывая, чтобы я затыкался в моем доме. Все ли я правильно понял, Лана?

- Я не это хотела... Хотя, какая разница, вы все равно, скорее всего, уже меня не слышите. А опыт истории показывает, что гендерные конструкты разбиваются не дискуссиями, а в первую очередь законодательно и, как следствие, экономически. Как только быть таким, как вы, станет невыгодно, мир поменяется автоматом. На самом деле, Цезарь Геннадьевич, как только это произойдет вы увидите, где и как жили. Вы не глупый человек, и

я надеюсь...

- Пошли вон, - спокойно сказал Ларин. - Оба.

- Дядя Цезарь, я...

- Вон, оба. Затыкать меня в моем же доме не нужно, ясно? Если я такой ужасный, то рядом со мной вам делать нечего.

Не сорвался в итоге. Хорошо. Могло быть гораздо хуже.

- У-би-рай-тесь.

И тишина. До города пятьдесят километров, воскресенье, чахлый рейсовый автобус появляется на пыльной дороге в девяти километрах от дачи раз в два или три часа. Приехали они все на «Тундре» Цезаря. Сестра, видно по лицу, хочет просить за молодежь, но понимает, что если откроет рот, все может кончиться плохо. (Или, если быть честным, просить-то хочет и имеет право, но делает вид, что боится, чтобы поддержать брата). С женщинами, кроме дочки, пожалуй, и, собственно, сестры, у Ларина никогда не получалось ничего путного.

- Чего стоим?

Лана махнула гривой и пошла в дом, Димка какое-то время переступал с ноги на ногу, как бы не решаясь кого-то выбрать, но все же кинулся за своей зазнобой. Галя молчала. Правда, недолго.

- И чего ты добился?

У нее был рычаг давления - Маруся. Если раньше Ларин жену мог заткнуть, когда она хватала лишнего, то теперь чуть что и «не увидишь дочь».

- Ничего.

- Никуда они не поедут. Хочешь - ты сам и езжай.

И тоже ушла. Сестра не уходила, молчала. Они многое прошли вместе. Некрасивая, порядочно за пятьдесят, Алина доживала третий неудачный брак. Димка был от второго мужа. Первого, тоже редкого говнюка, но хоть с характером, поэтому тоже жалко, разорвало на мине в Чечне.

- Дети же, Барсик, сам понимаешь.

- Я таких детей, знаешь ли...

- Коньяку принести?

- Давай.

***

Согласившись на повышение, Цезарь обрек себя на часы бесполезного и муторного ковыряния в бумагах, которое по договору называлось «административной работой». Это у них там, в башнях, будущее, дополненная реальность и контроль над разумом, а здесь четыре допотопных компьютера и старая база данных. И гора бумаги в архиве.

Будущее, оно, конечно, наступает, но наступает неравномерно. Кусками. Да и так ли уж нужно оно кому-то, это

будущее? Ведь кроме борьбы у них и нет ничего. Сражаются, сражаются, а когда победят, наконец (а они победят), сядут у разбитого корыта так, будто только что вышли из тюрьмы, где провели последние пятьдесят пять лет. Нет, Цезарь и сам когда-то хотел свободы: настоящей, как в книгах про французскую революцию. Он даже в органы пришел для того, чтобы победить административно-командную систему, но быстро понял, что кабы она не работала, то издохла бы сама...

Хотя, ничего не поделаешь. Герои мертвы.

Именно в такие моменты Цезарю больше всего хотелось в поле, хотелось почувствовать в руке тяжесть пистолета, хотелось, чтобы адреналин в кровь и так далее, но теперь не по чину, отступать некуда, позади... Ничего позади и нет. Брак, развалившийся на самом интересном месте, и ревматизм. Но все равно каждый нервный стук в дверь подсознание Ларина расценивало как призыв к действию. Без вас никак, товарищ подполковник! Вы нужны!

Однако прежде, чем в дверь в тот день действительно постучали, прошло часа четыре, если не больше.

- Входите!

Появился Климов. Высокий, плотный, черноволосый, без лишних движений.

- Цезарь Геннадьевич, там...

Быстро оглянулся, и показалось, будто говорить дальше ему не особенно удобно. Но надо.

- Там вас опять требуют, в общем. Истерика.

- Чего?

- По пятничному дураку ситуация. Пришла девушка, сотрудник психологической поддержки из церебрального. Документы в порядке, а дурака требует отпустить под подписку.

- И?

- Просит начальство. Машет корочкой своей зеленой. Говорит, права нарушаем и все такое. Ну вы же их знаете...

Утром в пятницу наряд выехал по доносу в рамках СЦ. Прибыли на место: за столом в квартире гражданки лет шестидесяти, которая с этим проклятыми доносами поперек горла в трех районах, сидит ее сосед из квартиры тол ли снизу, то ли напротив. Сидит себе и пьет чай с ромашкой. Хлопает глазами, не понимает, что происходит, и почему здесь полиция. Смотрит то на патрульных, то на гражданку.

Гражданка говорит, что парень сошел с ума, что его необходимо перепрошить, а иначе он продолжит представлять опасность для общества. Пришел, говорит, и заявляет, что он это и не он вовсе, а свой собственный брат-близнец, тогда как

настоящий он, мол, потерялся. Только никакого брата у него нет, у него никого нет, сидел сычом дни напролет в своей берлоге, дымил, как паровоз, да иногда куда-то уходил с огромными клетчатыми баулами. Сбой программы у него, винтики за ролики. Принимайте меры.

Ребята - что поделать? - упаковывают. Парень сопротивления не оказывает, только бормочет что-то себе под нос, будто читая какие-то заклинания. Уже в отделении заявляет, что никаких сбоев в сети у него нет. Лучше бы вы, говорит, эту старуху проверили. А то, что бесследно исчез-де его брат-близнец - чистая правда. Несколько раз повторил, глядя патрульному в глаза так, будто хотел загипнотизировать. Брата, говорит, немедленно нужно искать. Однако в базе никаких близнецов у гражданина действительно не оказалось, как и прописки в городе. Как и временной регистрации по месту жительства и, мало того, даже лицензии на подключение, документов или ключей от квартиры, с хозяевами которой связаться не удалось. Оставили на выходные в камере, но на понедельник, как и положено по протоколу, вызвали специалистов из церебрального. И история была бы смешная, наверное, кабы идиотов таких с каждым днем не становилось все больше...

- Пригласи, - хмыкнул Ларин, и голова у него магическим образом заболела еще до того, как «специалист» оказался в кабинете.

- Я буду жаловаться на вас в комиссию по правам человека! - пропищал до боли знакомый звонкий девичий голос, который Цезарь еще не успел толком забыть. Оказавшись лицом к лицу с требуемым начальством, Лана опешила.

- Цезарь... Геннадьевич...

- Ну привет. Садись, рассказывай. Климов, свободен.

- Так точно, Цезарь Геннадьевич!

Лана сжалась, побледнела даже. Эх, все-таки редкой красоты создание. Замуж ей нужно, подумал Цезарь, за нормального мужика пойдет и перестанет дурью маяться.

- Кого куда и почему нужно выпустить?

Лана помолчала, собираясь с мыслями, выбирая слова.

- Мой подопечный, - голос не дрогнул, хотя слышно, что была на грани. - Я психолог, гештальт-терапевт, веду собрания психологической помощи для больных раком, Цезарь Геннадьевич. Во-первых, мой подопечный оказался в вашем отделении и незаконно находится здесь уже больше семидесяти часов. Я прошу немедленно отпустить его под подписку. Под мое поручительство. У него действительно... некоторые психологические проблемы. Так как он неизлечимо болен, вы

понимаете, и это тяжело принять, его сознание теперь реагирует определенным... таким вот странным образом. Происходит психологическое замещение. Брат-близнец болен раком, а он - нет. Вы же понимаете, это тяжело. Ему нужна помощь специалиста.

- Ничего я не понимаю.

Ларин и действительно ничего не понял. Только почувствовал раздражение, которое очень быстро могло превратиться в ярость. Взрослый мужик «мучается душевными травмами» и ходит к психологу, потому что «страдает депрессией». Он же болен. Будущее, ага. Полное интерактивное погружение, мать вашу.

Больной раком кишок отец Цезаря работал на кране, жрал водку и лупил мать до самой своей смерти. И не жаловался. А тут что не нарушитель, так бумажный солдатик.

- Цезарь Геннадьевич, дело моего подопечного должен рассматривать церебральный суд, что, позволю себе напомнить, вне компетенции полиции. Спасибо вам за содействие, но ваши подчиненные перегнули палку. Как вы знаете, задержанные в рамках программы содействия должны...

Цезарь выставил руку, заставляя ее замолчать. Представил себе лицо племянника. Парень был страшно влюблен, и обижать его не больно-то и хотелось...

- Не кипятись. Прошло сколько, семьдесят часов, говоришь? Замечательно, у меня есть еще ровно сутки до того, как в силу вступит церебральное законодательство, и основу для смены юрисдикции нам с тобой нужно еще обосновать. Верно? Потому что пока я имею дело не с тонкой душевной организацией, а с административными правонарушениями.

Цезарю не хотелось маяться с церебралами, никому не хотелось. Обычно полиция скидывала все дела в рамках содействия церебральной юстиции чем быстрее, тем лучше, но кислую мину Ланы видеть было приятно.

Цезарь придумал, что сказать дальше, но прежде решил ее еще немного помучить.

- Как его зовут, говоришь, этого твоего чокнутого?

- Антон Фридман, - ответила Лана.

Забытая было мерзкая полудохлая рыба опять трепыхнулась в груди Ларина. Вернулись обрывки снов, а где-то на границе сознания раздался несчастный собачий вой. Цезарь замер.

- Как?

Из голоса следователя мигом исчезла насмешка, Лана даже растерялась. Собиралась сказать что-то, но замерла с открытым ртом и только через полминуты сказала:

- Фридман. Антон Фридман.

Глава 5

План был простой, но... браво, Антон! Так облажаться - чистое искусство, честное слово. В более идиотском положении оказаться просто-напросто невозможно. Вместо того чтобы спасать жену, я сижу в приемнике-распределителе - две жесткие койки за толстыми железными прутьями - и знать не знаю, что делать дальше.

Первый вопрос: как отсюда все-таки выбраться, учитывая, что до запуска первого роя, а значит, до начала существования нейрорегулировки - девять лет, а во-вторых, что еще более интересно (дерьмо!) - что я буду делать в этом времени... столько времени... Дьявол!

В «обезьяннике» холодно и воняет мочой. В горле першит, руки мелко трясутся. Ночью привозили двух проституток, а с самого утра увели напуганного парня в порванном костюме - будто со свадьбы. У него на рубашке были красные пятна, похожие на кляксы Роршаха. Бабочка, слон и что-то типа вагины. Парень несколько часов сидел на краю койки и смотрел в одну точку, что-то неразборчиво бормоча себе под нос. Проститутки, все еще пьяные, веселые, пытались с ним заговорить, не вышло. Одна была одета в маленькое красное платье, готовое лопнуть на мясистой заднице, а на плечах второй лежал писец.

- Телефончик тебе оставить?

У меня внутри было пусто, как после бомбардировки. Хотелось винить Лапшу. Просчитался, ошибся, нарочно забросил меня не в ту дверь, предатель... но я быстро понял, что это бесполезно. Случилось как случилось... Опять. Теперь просто нужно взять себя в руки. Вдох и выдох. На этот раз все, наконец, должно получиться.

***

...Народу на улицах жуть сколько, здесь дети, в смысле самые настоящие маленькие дети! Удивительно! Здесь яркое желтое бензиновое солнце, чистое синее небо, шум, гам, звон, вонь двигателей... Я и забыл, каково существовать в мире, движущемся с черепашьей скоростью. Это был бессовестно настоящий, живой мир, в котором мне, наверное, и хотелось бы остаться... А может, я и останусь! Мы вместе останемся, только нужно найти Свету и малышку, спасти их, а потом, потом что-нибудь придумаем.

Но план был простой и именно поэтому все не могло пройти так гладко, как я себе представлял.

Ошибка №1. Я был уверен, что Корректор работает. То есть я действительно так думал. Ну, решил, сбоит немножко, здесь ведь едва ли не диалап против квантового файфая, но работает...

Корректор - одна из корневых программ обновления кружева на сорок пятый год, благодаря которой из лексикона обычного гражданина нашего полио буквально за несколько лет исчезли слова «дискриминация», «домогательства», «национальный конфликт», «церебральное право», «равенство» и многие другие. Жить стало лучше, как говорится, жить стало веселее. Корректор помогает людям делать то, что хотят от них другие, и при этом чувствовать себя комфортно. Ты слышишь то, что хочешь слышать, а говоришь и то, что хочешь сказать, и то, что собеседник хочет услышать, одновременно. У каждого своя правда. (Да и что такое «правда» в самом-то деле? До того, как появился корректор, было сломано немало копий, но ответа так никто и не нашел).

- Брат? Твой... брат?

Махонькая старуха-соседка со сморщенным лицом и крашеными русыми волосами смотрит на меня снизу вверх, прищурившись.

- Да, - говорю, - я его брат-близнец. Договорились, что навещу... там, понимаете ли, долгая история, я несколько лет... а тут все закрыто, на телефон не отвечает. В сети нет. Не знаю, что и думать. Вы его когда видели в последний раз?

Соседка крякнула.

- Что, простите?

Подняла голову:

- Ничего, дорогой, ничего. Видела? Я его давно не видела, дня четыре. Ты проходи, может? Посиди, чаю попьешь? А я номер соседки сверху поищу, э... Антон у нее иногда ключи оставлял. Что думаешь? Хочешь чаю?

- Здорово, спасибо!

Ничего ведь страшного, так? Попьем чай, найдем ключ и разойдемся. Спасибо соседке.

Ошибка №2. Не стоит доверять милым старушкам во времени, где magical thinking еще не объявлено опасным психологическим заболеванием.

***

- Принцип самосогласованности времени, - говорит Лапша. Я хорошо помню его лицо, выражавшее в тот момент безумный детский энтузиазм.

Давай просто сделаем это, а как пойдет, так пойдет!

- Есть мнение, что изменить ничего нельзя, ты уже был в прошлом и повлиял на время так, чтобы оказаться в таком

будущем, из которого захочется отправиться в прошлое.

Лапша толстый и некрасивый, у него второй подбородок, плохая кожа и дурацкие редкие усы. «Аугментированный» он произносит как ругательство. По его мнению, ничего в мозг человека добавлять не нужно, там все есть. У меня колет в груди.

- Ты окажешься там, где должен оказаться для того, чтобы оказаться здесь. Плюс ко всему, не стоит забывать о кредитах памяти, браток. Сколько у тебя в залоге: пять, шесть, восемь лет? Что ты помнишь и что тебе на самом деле известно о себе? Откуда мы знаем, что конкретно они забрали?

Лапша теряет зрение на правом глазу, а еще иногда заходится в кашле, да так, что харкает кровью. Скорее всего, осталось ему недолго.

- Знаешь, что я думаю, Антон? Ты знаешь философа Бибихина? Знаешь? Да неважно.

Махнул рукой так, будто передумал говорить, потом посмотрел на меня, помолчал.

- А он, тем временем, был совершенно прав. Люди могут сколько угодно кричать, что мир слеп или ослеплен, что конец истории приближается или что он нас уже поглотил. Но апокалиптический дискурс служит единственно для того, чтобы сделать нас внимательнее. Соображаешь? Мы - и говоря «мы», я имею в виду конкретно нас с тобой, - можем все изменить, можем найти что-то такое, что все изменит, что-то действительно важное. Нужно только пробовать. Пробовать и пробовать, пока не умрешь. Или пока не найдешь.

Я точно знаю, что он, если не поступится принципами, умрет быстрее, чем найдет, поэтому соглашаюсь на все. Выбора особого у меня нет.

- Отлично. Осталось только найти эту штуку, так?

И я нашел «эту штуку». И ничего не работает. Реальность, окружающая меня, кажется дурным сном или чьей-то злой затянувшейся шуткой. Пытаюсь вспомнить какой-то важный, знаковый момент из прошлого, - Лапша говорил «якорь», что-то вроде обстоятельств смерти близкого человека, - но ничего внятного в голову не приходит. Там пусто. Я как будто не живой.

- Фридман! - командует высокий черноволосый мужчина, который пообещал, что скоро меня заберут в более уютную камеру с белыми стенами.

- На выход!

Ужасно пересохло в горле. В висках набат. Приводят в кабинет здешнего начальника. Про таких говорят «широкая кость», то есть его нельзя с чистой совестью назвать толстым, он большой, как какой-нибудь скандинавский бог на пенсии. За

столом напротив него - милая тоненькая девушка с каштановыми волосами. У нее большие глаза (скорее серые, чем карие) и родинка на левой стороне шеи. И серьга в ухе - маленькая синяя птичка, вроде колибри.

- Здравствуйте, - говорю.

Я видел ее раньше. Мы знакомы. Но чертовы парадоксы все время стирают из памяти все самое важное.

- Климов, - велит начальник, - свободен.

- Так точно, Цезарь Геннадьевич! - гавкает в ответ мой провожатый и неслышно исчезает за дверью.

- Садись.

Непонятно, команда или просьба, но я сажусь. Начальник делает девушке знак помолчать, невесело улыбается и смотрит на меня.

- Имя, фамилия, год рождения.

- Антон Фридман.

Слышу собственный голос будто со стороны или из-за толстого стекла. Как будто и говорит кто-то другой. Например, мой исчезнувший брат-близнец.

- Тысяча девятьсот... шесь... девяносто первого года рождения.

Выходит ужасно глупая ситуация. Я поздно это понимаю.

- А где же твой близнец-то? - усмехается начальник. - Неужто успели поменяться местами, и он тебе, ну, не знаю, документы через дырку в стене передал? Телепортация, телекинез? Документы?

- Не давите на моего подопечного, - вступается девушка. - Я требую опрашивать его по существу вопроса.

Тут у меня в голове щелкает какой-то тумблер, который в последние двое суток держался из последних сил, и она, голова то есть, начинает неприятно гудеть.

- Знаете... - пытаюсь зачем-то оглянуться на дверь. Не получается. Я вязну в реальности, как в густом киселе. - Я прибыл сюда из будущего, понимаете, примерно из шестьдесят восьмого года. Две тысячи шестьдесят восьмого.

- Даже так?

Опять непонятно, что именно выразила улыбка начальника.

- Ага, так точно, и Антон из вашего времени - это действительно другой человек. И я его правда не смог найти, просто думал, что кое-какие технологии, технологии будущего, понимаете, я думал, что они еще работают и я смогу запрограммировать ваше сознание таким образом, чтобы вы считали, что я говорю правду насчет близнеца. Насчет чего угодно.

- Антон, - вздыхает девушка.

Я тоже тяжело выпускаю воздух из легких. Сердце бьется так быстро, что грудь ходит ходуном.

- Как видите, - девушка пыталась казаться сильнее, хотя невооруженным взглядом видно, что она вся сжалась, бледна и напугана.

- Я шучу, извините, - сказал я.

- Что?

Прошибает пот, в глазах темнеет. Что... Такое чувство, что приближается нечто... Что-то огромное и страшное. Яркое и злое.

- Антон, что с вами? Вы... - бросила злой взгляд на хозяина кабинета. - Антон, как вы себя чувствуете? Я немедленно... сейчас же его забираю отсюда, вам ясно! И буду подавать жалобу! Вы...

- Я потерял ключи от своей квартиры. Я... Просто так получилось, что...

- Ни слова больше!

Девушка подлетает ко мне, и я чувствую легкий запах цветов. У нее неожиданно сильные руки.

- Вы находитесь под моей защитой. - Обернулась, вы держала паузу.

- А вам, Цезарь Геннадьевич, я порекомендовала бы обратиться в церебральную комиссию. Я подписываю все, что нужно, и забираю своего подопечного прямо сейчас. Вам ясно? Понятно вам?

Еще: в кабинете страшно жарко. Вспотели и начальник, и девушка. (Я смотрю вниз и вижу капли пота на ее острой ключице). Из этой истории нужно было выбираться как можно скорее, думаю я, прочищаю горло и... смотрю на начальника. Хочу сказать что-то умное, как-то разом все исправить, но ничего не могу придумать. Просто смотрю, внимательно, насколько хватает сил, как будто вдруг различаю в его лице какие-то смутно знакомые черты. Опять. Черт возьми...

- Свободны, - сказал он. - Под подписку о невыезде. Подаешь на восстановление документов - раз, проходишь реабилитацию и приходишь отметиться со всеми справками. Сколько длится ваша реабилитация?

Это он девушке.

- От двух месяцев, но, возможно...

- Через два месяца.

Взглянул на календарь на столе, задумался. Строго посмотрел на меня.

- Пятнадцатого. Здесь, у меня. Уяснил?

Я хотел ответить, но вышло только неопределенно помахать головой. Сознание функционировало из последних сил.

- Антон, вы сможете идти? Обопритесь на меня.

Девушка говорит, и оказывается, что мы уже на улице, причем довольно далеко от участка. Завядшая аллея, холодный ветер. Но ведь только что, только что было жарко...

- Да, мне просто...

- Вы принимали наркотики, Антон? Скажите, вы принимали наркотики?

В голове ухает.

- Вас кормили?

- Я сейчас... сейчас...

Чувствую, что переполнился мочевой пузырь, и, словно хорошо подшофе, с нелепой осторожностью плетусь за угол.

- Антон, подождите!

- Я сейчас. Мне нужно.

Такое было однажды: передозировка памятью. Критически много архивов распаковано за короткий промежуток времени. Я опираюсь рукой о холодную шершавую стену и тут вдруг ясно вспоминаю две вещи.

- Антон, где... - голос обрывается на полуслове.

Первое - ее зовут Лана. Непонятно, откуда я это взял и что мне это может дать.

Второе воспоминание - это не информация, а образ. Высокий и худой мальчик лет тринадцати протягивает мне руку, как будто собираясь помочь встать. Не знаю, кто он, но похож на ангела или хиппи. Закончить мысль я не успеваю - по голове сзади ударило чем-то тяжелым, стало дико больно, но прошло меньше секунды, и сознание наконец выключилось.

***

Просыпаюсь от холода. Мне плохо, как с похмелья, бьет крупная непрекращающаяся дрожь. Стены давят. То есть я не вижу никаких стен, здесь темно, но точно знаю, что они есть. Пространство темноты ограничено. Хочу что-нибудь сказать - не получается. Горло слиплось, ссохлось, глаза слезятся. Пробую пошевелиться и понимаю, что руки и ноги крепко связаны, а рот заклеен. От пола, на котором я скрючился, несет пещерным холодом. Помню, как стало плохо, еще помню, что, оглянувшись, увидел темную фигуру, приближающуюся к Лане сзади, но соображал плохо и потому не придал этому значения.

Где я, что произошло?

На то, чтобы произвести звук, - это нельзя было назвать ни стоном, ни хрипом, - понадобилось невероятное количество времени.

- Эй...

Так тихо, что никто не услышит, даже если здесь есть какие-то люди. А еще через миллиард лет густую тьму разрезала полоса

рыжего света. Дверь. Кто-то вошел.

- Эй...

Кто-то, тяжело дыша, со свистом, будто из-за бронхита, подошел ко мне вплотную и нос тут же забил резкий неприятный запах. А затем меня куда-то поволокли, как баранью тушу.

Глава 6

Для Фридмана город, подпоясанный сложной сетью железных дорог, вскипал сложными каскадами окаменевшей пены. Бесконечные башенки, связанные узкими мостами или системой лифтов, двигающихся под удивительными углами, были точно наполовину сгоревшие свечи с жирными потеками воска. Нет, подумал он - сталактиты. Будто маленькие человечки из сказок вырубили во черве древней пещеры странное и притягательное чудо цивилизации.

Спроси кто, и Антон не смог бы рассказать, что конкретно видит вокруг города, то есть за его границами, да и сами границы он бы с уверенностью не обозначил. Огромные бутафорские нейронные связи среди пульсирующего всеми оттенками желтого и фиолетового цветов пространства.

Или нет - корабли, большие и неповоротливые, словно киты в космосе.

- Добрый день.

Голос вырвал из галлюцинаций. Антон повернулся туда и сюда, ища его источник, и только спустя несколько долгих секунд нашел низенького человека в оранжевой хламиде со скинутым на плечи капюшоном.

- Здравствуйте.

В груди выросла ледяная игла.

Они похожи на нас. Немного ниже ростом, чуть более хрупкие на вид, с непропорционально большими глазами... Но это ведь только то, что мы видим, что привыкли видеть.

Каждый видит здесь что-то свое.

Когда-то давно, когда первых регулировщиков перестали считать сумасшедшими, мир «вдруг» понял, что бессознательное влияет на нашу жизнь вовсе не в переносном смысле. От психологического состояния отдельного человека: хреновое утро, слишком горячий кофе - до принятия решений на государственном уровне: например, проклятая стена Трампа. Тогда мы приняли народ верхнего мира как гуру, как учителей, которые смогут объяснить нам то, чего мы не понимаем, но с тех пор много всего произошло. И уж очень иллюзорен стал выбор в мире, который, не спрашивая твоего разрешения, постоянно корректируют тебе во благо. Антон не верил эльфам. А что более странно: никогда случайных гостей не встречали монахи, обычно это была работа постоянных.

- Добро пожаловать, Антон!

Кажется, монах ухмыльнулся.

- Нам не удалось найти ваш доступ в верхний мир. Скажите, вы знаете, на каком этапе произошла ошибка?

Действительно, на каком? Фридман почувствовал, как его прошиб холодный пот. Непрошеные гости в голове: бесконечная толпа людей в черном, похожая на гигантскую очередь.

...Они хотят своего бога. Хотят верить в то, что нечто, пока не доступное пониманию человека - такие маленькие штуки, по которым можно услышать голос родных за сотни тысяч километров! - есть не что иное, как высшая сила, у которой необходимо выпрашивать прощение. Антон не против, пусть просят, но только не путая вопросы «как» все работает и «почему». А они не понимают разницы.

Фридман не хочет всего этого помнить, но уже чувствует холодный ветер и видит распухшее серое небо над башнями. И людей: сотни, тысячи.

- Когда вы получили доступ и от кого? - голос эльфа отрезвляет. - С вашим рейтингом репутации это было бы не просто. Вы согласны, Антон?

«Идиоты, - успел подумать Фридман, испуганно оглядываясь по сторонам, - ведь могли бы вырубить сознание без права на восстановление, едва только заметили... Проклятый Лапша, предатель».

Сказать было нечего. Эльф непонятно когда успел накинуть капюшон, теперь его лица было не видно. Фридман сжал кулак. Драться фактически бесполезно, но никто не запрещал хотя бы потрепать их...

- Следуйте за мной, Антон.

Голос изменился. Теперь говорил человек, точно. Совсем молодой мужчина.

- Что происходит?

Антон знал, что здешняя реальность понятие относительное, и никому она так не подчиняется, как эльфам. Народ верхнего мира может делать с коллективным бессознательным (с нами!) все, что угодно.

- Идемте, пока вас опять не нашли.

- Что...

Эльф скинул капюшон и оказался красивым белобрысым мальчишкой с милыми кудряшками. На вид ему было лет тринадцать.

- Я ваш друг, Антон. Идемте, нам нужно спешить!

Через секунду Фридман и его провожатый оказались в одном из лифтов.

В глазах рябило от разнообразия снов. Бесполезно даже пытаться рассказать, что Фридман видел сквозь стеклянные стены лифта. Не анализируй, не запоминай. Себе дороже.

Неконтролируемый трип через сны, особенно из-за избытка памяти, - семи лет вполне достаточно, уважаемый гражданин, - может убить тебя, если рядом нет... Если нет рядом... И вдруг, как будто читая мысли, мир вокруг организовался. Темные холмы, агатовая гладь моря, в которой не отражается холодная россыпь звезд, кораллово-оранжевые огни бухты. Небольшой городок у самого берега, бухта, где на неспокойной воде раскачиваются рыбацкие корабли.

- Ты регулировщик?

Мальчик улыбнулся, стараясь казаться дружелюбным, но было видно, что он напуган. Напуган, но настроен решительно.

- Ее остров? - спросил. - Вы скучаете?

Фридман сжал кулак еще сильнее. Так, что мог бы поклясться - ногти больно вошли в плоть.

- Куда ты меня везешь?

- Есть... Отсюда можно уйти незамеченными... Попробовать уйти... Есть, если можно так выразиться, экстренный выход. Они, я во всяком случае, на это надеюсь, не успеют достать вас.

Парень задумался на секунду, будто сверяясь с чем-то у себя в голове или советуясь с невидимым голосом.

- Отключить вас по правилам не получится, они узнают. Простите, Антон. Той Светланы уже давно нет. Нет нигде. Она была частью враждебных конфигураций Сингулярности, вы же понимаете...

- Ты... Какого хрена ты мне вешаешь? Зачем это все?

- Я вижу вашу память, Антон. И просто пытаюсь помочь. Поверьте, хорошо? Я ваш друг.

- В чем именно помочь? Кто ты такой?

Лифт остановился. Фридман пытался ухватиться за время, сказать себе, что прошло пять минут, две минуты, тридцать секунд, но и это тоже обман здесь, в верхнем мире.

- Вы проснетесь примерно за сотню лет до того, как уснули, Антон. Сейчас бесполезно что-то рассказывать или объяснять, нас скоро обнаружат, а ваш индекс доверия ниже нуля. Я постараюсь разблокировать часть вашей памяти, хотя не уверен, что у меня получится. Найдите себя самого. Точнее... Неважно. Идите. Найдите ее и все поймете, вы совершили большую ошибку, мой друг, нельзя быть настолько эгоистичным.

- Какого...

- Вы все уже знаете, Антон. Есть регулировщики, а есть патрульные. Вы не первым решили, что манипуляции со временем

помогут решить какие-то личные проблемы. Конечно, - усмехнулся, - дураков, решавших исправить глобальные арки истории мало. Обычно иммигранты более, чем осторожны... Все, они здесь. Идите!

- Кто?

- Мое имя Андрей Манохин. Запомните. И найдите Лапшу, он поможет вам. Он ждет. Идите.

Пространство мгновенно схлопнулось до маленькой белой точки и взорвалось, как сверхновая.

***

...Высокий бледный человек без признаков половой идентичности доброжелательно улыбнулся. Ничего хорошего это не сулило. Фридман поерзал. Без подключения он чувствовал себя исключительно неуютно.

- И ничего нельзя сделать?

- Что вы имеете в виду, Антон?

Фридман вздохнул, вставать и выходить не хотелось: там, в коридоре, ждала Ромашка. Девочка с большущими глазами, которая переживала едва ли не больше, чем он сам. Сидела там, сжав кулаки. Ужасно не хотелось выходить к ней не солоно хлебавши.

- Ничего, извините.

- Вы можете быть свободны. Спасибо за ваше время. Обязательно попробуйте сдать экзамен в следующем календарном году.

И улыбается, как зомби. Потом коридор, еще четверо ребят примерно его возраста вжались в кресла. Обеспокоенные глаза Ромашки. Теплый свет, запах... хвои, что ли... В башнях умели создать комфорт...

- Ну что?

- Сама же знаешь.

- Ничего! - Ромашка сдула со лба прядь. Было видно, что ужасно расстроена, но пытается делать вид, что все в порядке.

- Попробуешь еще раз. В следующем году. А что не так?

- Честно не знаю. Видимо, никогда не получится из меня регулировщика. Какие-то, - Фридман прикоснулся двумя пальцами к левому виску, - неправильные заводские настройки, не переживай, малыш. Может...

- Да хрен с ними, идем!

Она была странной. Импульсивной, большого о себе мнения. Не умела проигрывать, спала только на животе. Долго боролась против обязательного подключения...

...Время порвалось, сгнило изнутри и лопнуло.

Вот Ромашка уже часть системы, - и в нашем полио нет

гражданина, который не был бы, - а вот Сингулярность решает, что контролировать жизнедеятельность человека можно, даже не принимая во внимание Первый Протокол.

Все просто: вы часть меня, ребята, все вы. Будет так, как я хочу. Или я уничтожу вас всех.

***

Была холодная ночь. Антон проснулся от того, что ему прямо в лицо льется вонючая струя. Две неясные тени возвышались над ним, заторможено перебрасываясь какими-то малопонятными фразами.

Злости или ярости не появилось. Антон просто лежал и ждал, когда человек закончит справлять нужду. Воспоминания, которые разблокировал Манохин, раздавили Фридмана. Оказалось, что вообще ничего больше неважно. Ни в чем нет смысла.

- Я тебе говорю, - сказал пьяный голос, и послышался звук закрываемой ширинки. - Смысла нет.

- Ну как нет? - спросил второй, он звучал чуть менее пьяно. - Есть. Во всем есть какой-то смысл, брат.

Подняться Фридман нашел силы только тогда, когда вокруг посинело. Выбрался из груды жухлой листвы за железной лавкой, огляделся. Он оказался в озябшем парке образца начала века. Тусклые глаза фонарей, на улицах никого еще нет. Куда и зачем идти? Ответа нет. Точнее, есть, конечно, но... нет. Дышать тяжело, но хочется закурить.

Глава 7

В приемной стоматолога было светло и приятно пахло. Аквариум гудел тихо, но если вокруг тишина и еще если прислушаться - страшно надоедал. Ларин перелистал все автомобильные журналы, затем журналы с красивыми женщинами и часами на обложках, и теперь очередь дошла до медицинских.

«Ваши зубы - залог успеха» - гласила надпись над головой приятной блондинки в белом халате. Ларин усмехнулся.

- И действительно, - сказали справа. Ларин едва не вздрогнул, из-за чего немедленно разозлился на себя. Рядом, оказывается, сидела женщина за тридцать, неаккуратная, но красивая. На ней была неопределенного цвета кофта и черные штаны, обтягивающие не такие уж и аппетитные формы.

- Какое отношение зубы имеют к успеху?

Чтобы ответить что-нибудь и не нагрубить, потребовалось полминуты.

- Ага, - бросил Ларин и потер щетину.

- Главный миф капитализма, - продолжала женщина, - знаете, в чем он состоит?

Пригнулась, и зачем-то перешла на полушепот:

- Ты можешь заработать столько, сколько хочешь. Понимаете?

- И?

- Что «и»? Это вранье. Бедные беднеют, богатые богатеют. Так работает капитализм.

От неловкой необходимости ответить избавила открывшаяся дверь. В приемную вышла девушка в короткой юбке.

- Ларин! - сказала, а после, поискав глазами, добавила: - Цезарь Ларин. Проходите, пожалуйста.

Зуб заныл. Ларин коротко кивнул капиталистке и пошел в кабинет врача.

- Какое интересное у вас имя, - бросила девушка, пропуская Ларина вперед, - иностранное?

- Ага.

- Здравствуйте.

Низенький лысеющий мужчина в халате широко улыбнулся. В кабинете пахло хлоркой и кварцем, хотя, казалось бы, будущее и все такое.

- Проходите! Садитесь, пожалуйста.

Врач вколол обезболивающее и боли не стало. Разве что

странно, подумал Цезарь, что какой-то мужик копается у тебя во рту.

- Ну вот и все! Два часа не кушать, хорошо?

Врач был похож на робота. В детстве Ларин ненавидел всех врачей, а зубных и подавно. Он плохо переносил любую боль и поэтому заставлял себя ее испытывать. Отец говорил - Неси ремень, сучонок! - что человек растет, только переступая через себя. Наркоз, кажется, еще не перестал действовать - стоя в пробке напротив большого развлекательного центра, Цезарь увидел в толпе Фридмана. Опять. Другого Фридмана.

Безумец, который, словно кролик, трясся от страха в каталажке - одно, а людей с железными руками не бывает... Конечно, это наркоз. В первый момент Фридман даже хотел выйти из машины и догнать "двойника" (брат-близнец, ага), но быстро одернул себя.

***

В кабинете Цезаря ждал Димка. Настроение у Цезаря по пути в участок стало хорошее (за исключением, конечно, но это наркоз), и потому ругаться он ни с кем не хотел: ни с племянником, которому сто раз говорилось, что никаких «вопросов» дядя решать не будет, ни с секретарем, который под страхом смерти не должен был никого пускать в кабинет в отсутствии хозяина.

- Привет, Димон! Как дела?

Цезарь походя хлопнул племянника по плечу, обошел стол и сел на свое место.

- Зачем пожаловал?

Димка был похож на алкоголика, которому стыдно, но сейчас все равно (опять) придется просить милостыню.

- Дядя Цезарь, тут серьезное дело. Мне просто пойти больше не к кому. Я помню, вы...

- Да говори уже, не юли. Чего нужно?

Димка быстро облизнул пересохшие губы.

- Лана пропала. Вы помните Лану, дядя Цезарь? Моя девушка, я вас знакомил.

- Конечно, помню.

Цезарь улыбнулся, дай, думает, ткну в то, что феминисткам помощь мизогинов не нужна, но Димка, осмелев, перебил:

- Так вот, - быстро облизнул губы, шмыгнул носом, - уже четыре дня ни слуху ни духу. Я помню, вы говорили, что меньше трех суток состава преступления нет или... ну, в общем. Четыре дня. Один раз получилось дозвониться - и какой-то гул, голоса какие-то... Никто из общих друзей не знает, где она. А она, она же еще психолог, работает в церебральном комитете, там, знаете,

там есть центры психологической помощи типа анонимных алкоголиков.

- Гештальт-терапия, - зачем-то вспомнил Ларин.

- Ага, точно. А вы... Дядя Цезарь, помогите мне, пожалуйста, ее найти. Вы мне поможете?

Цезарь помолчал, переваривая информацию.

- Где она живет? Может, просто не хочет с тобой говорить - да и все дела. С родными связь поддерживаешь?

Димка сжал и разжал дрожащие пальцы.

- Нету у нее родных, дядя Цезарь. Сирота она. Дом закрыт, говорю же. Соседи ее не видели четыре дня.

- Заявление написал?

- Что?

- Что «что»? Заявление написал, спрашиваю? Или сидел, меня ждал? Чтобы я что?

- Да какое заявление, дядя Цезарь?

Димка нервно усмехнулся.

- Вон у вас на столе валяются эти заявления. Нашли кого-то?

Цезарь помимо воли глянул туда, куда кивнул племянник. С обратной стороны стола лежал почти чистый лист бумаги. Шапка, слово «Заявление» и половина первой строчки.

- Ты не выкобенивался бы, дружок. Садись и пиши. Вон в принтере бумагу возьми.

- Дядя Цезарь, ну помогите вы мне. У вас же эти там всякие штуки есть. Ну, пеленгаторы типа, или как там называется? Ну, когда можно определить местоположение по чипу или телефону.

- Заявление пиши, Димка. Дальше моя работа. Уяснил?

Когда Дима ушел, Ларин закурил, развернул кресло, сел и тупо уставился в окно на осиротевшую аллею. На улице порядочно похолодало буквально за несколько дней. Того и гляди зарядит дождь. В голову следователя лезли шаманы и капитализм, а еще страшно хотелось спать. Ладно, решил он в какой-то момент, хватит мокнуть. Встал, открыл дверь и позвал дежурного.

- Да, Цезарь Геннадьевич.

- Так, найдите мне Анастасию Манохину - раз. Приходила пару недель назад, что ли... Сын самоубийца. Плюс, подожди, Светлана Метелкина. Девяносто второго года. Пропала тоже. Родственников нет. Приходила...

И тут до Цезаря дошло. Приходила она вызволять Антона Фридмана, который а) какого-то лешего приснился Ларину еще до того, как они встретились; б) был обвинен Анастасией Манохиной в том, что якобы причастен к смерти ее несовершеннолетнего сына.

Скользкая рыба в груди подала признаки жизни.

- Цезарь Геннадьевич?

Какого рожна я у него... Ларин не знал, что именно можно подумать дальше. Почему я не спросил у несчастного чокнутого парня, зачем он заставил, скорее всего, неизвестного ему мальчишку выйти в окно? Ларин усмехнулся. Не нужно поддаваться эмоциям.

- И еще тот парнишка, который близнеца искать пришел, помнишь? Фридман. Проверь, есть ли дела, и найди мне всех троих. Сегодня. Сейчас.

- Так точно, Цезарь Геннадьевич.

Ларин пытался вспомнить, о чем он думал раньше, утром у стоматолога, но не смог. Хотел сам выехать на место, но опять напомнил себе, что нельзя, имеется в виду больше нельзя, так просто поддаваться порывам. Нужно ждать. Ходить туда-сюда по кабинету, курить и ждать. Работают ребята быстро, скорее всего, дело и выеденного яйца не стоит, и придет опять купить того "черного" вина, чтобы успокоиться...

***

А пистолет лег в руку, как родной. Цезарю, собственно, было плевать куда - главное ехать. Главное - выбраться из города, который вдруг стал казаться неуместно громоздким. Главное - что в крови появляется тот огонек, а на языке кислое предчувствие опасности, которые и толкнули Ларина на поступление в военную школу.

Однажды, так давно, будто это было в другой жизни, Цезарь оказался в камере. Страшно саднило губу, злость вроде как была, да вся вышла, а дурака, что за каким-то бесом упомянул Сашку, стало даже жаль - с вывороченной челюстью человек напоминает Щелкунчика, - но главное не в этом. Молодой и еще полный сил Цезарь смотрел на жирного мента, который ковырялся в каких-то бумагах за столом, и понимал, что так нельзя.

Лучше не делать совсем, чем делать спустя рукава. Само существование жирного мента с толстыми пальцами, напоминающими переваренные сардельки, с маленькими поросячьими глазками и постоянно скучающим выражением на лице, было оскорблением системы правосудия. Тогда Цезарь и решил, что будет служить закону.

Правильно служить.

«Тундра» мчалась по степи, как по серпантину. Степь - яркие белые дорожки солончака, саксаул, колючки - уже замерзла, покрылась инеем, смешалась с жирным и пасмурным небом. Ларин давил на педаль, то и дело поглядывая на экран с геолокацией. На экране мигали рядом друг с другом две красные

точки - чипы Метелкиной и Манохиной. Они, две сумасшедшие бабы, выведшие Ларина из себя по очереди, они вместе, непонятно, с какой такой радости - они вместе где-то посреди степи. Эта новость подстегнула Цезаря, взбодрила.

Он решил ехать сам.

- Но, Цезарь Геннадьевич, вы...

- Отставить!

Людей вокруг не было уже километров двадцать. Ни деревень, ни пастбищ, ни кособоких саманных домиков пастухов - ничего. Когда опустились сумерки, а машина указала, что Цезарь на месте, фары вырвали из липких темно-синих сумерек нечто вроде большого кургана, рядом с которым стояла легковая машина с открытым багажником. Цезарь взял пистолет и вышел из машины. На улице оказалось ужасно холодно, ветер немедленно забрался за шиворот.

- Выйти из машины! - скомандовал Цезарь, увидев, что на водительском месте кто-то сидит.

- Я сказал: выйти из машины!

В несколько шагов оказавшись рядом, Ларин направил пистолет на водителя.

- Вы...

Глава 8

Перед глазами плыли огромные черные пятна, голова гудела. Под черепной коробкой стучали в барабаны - будто бы целая армия. Во рту стояла горечь. Я был крепко привязан к стулу. Руки страшно затекли.

Соображать получилось только через минуту или две, и я был порядком удивлен, что вместо какого-нибудь сырого каменного барака, который автоматически представляешь себе в подобной ситуации, вокруг оказалась довольно уютная старомодная кухня. Только окон нет. Ни одного окна - нигде. И душно.

Рядом стояло еще три стула - к одному привязана напуганная до смерти Лана. Так, хорошо, значит, нас забрали вместе... Хотя не больно-то и хорошо, но я, во всяком случае, теперь уверен, что она жива... А почему она должна быть мертва? Мысли путались, нормально испугаться, да и вообще толком прийти в себя, я еще не успел.

Ко второму стулу примотан медведь-следователь, тот самый, который едва не упек меня в тюрьму. Какие веревки смогут удержать эту махину? Следователь в отключке, голова безвольно свесилась на грудь. Откуда он здесь и...

- Посмотри на меня! - скомандовал прокуренный, хриплый женский голос.

Я повиновался и увидел страшно худую женщину лет сорока.

- Ты кто такой?

Вопрос поставил меня в тупик.

- Я еще раз спрашиваю, - у женщины в руках был огромный нож, а на столе лежал пистолет, - ты кто такой?

- Антон... - прошептали слева. Я обернулся и увидел... был готов же, но все равно странно. На третьем стуле, слева от спящего следователя, сидел я сам.

- Кто ты такой?

Женщина подошла, схватила меня за волосы, оттянула голову и приставила нож мне к горлу.

- Я Антон, - сказал я. - Я просто Антон.

- А он кто?

Второй я тоже был без сознания. Он, по всей видимости, находился здесь дольше остальных. Одежда вся в пыли, кожа бледная, под глазами синяки, бровь рассечена. Я почувствовал, что просто не могу относиться ко всему этому всерьез; то есть да, и кровь на скуле следователя настоящая, и в глазах Ланы ужас, но

меня как будто нет здесь, я как будто смотрю фильм, участвую в реконструкции или, не знаю, читаю книгу.

- Тоже Антон.

- Я тебя убью, - сказала женщина. - А следом убью их всех. Почему вас двое? Почему вас трое? Почему вы...

- Анастасия... - начала было Лана.

- Заткнись!

Названная Анастасией на вид еле держалась на ногах. От нее пахло ржавчиной. Я уцепился за мысль о нереальности происходящего и больше не разрешал себе бояться.

- Заткнись! Заткнись! Вы убили моего мальчика, - со слезами выдохнула она. - Все вы. Вы все виноваты. Вы все. Вы все виноваты в его смерти. Я сожру ваши души.

Она отошла на несколько шагов и с размаху воткнула нож в столешницу.

- Я порежу вас на куски, на мелкие кусочки, поняли? Убью вас. Вы - кошмары. Андрюша говорил, что его отец, его отец... мой Максим, мой любимый мальчик, вы понимаете, они вместе защищали этот проклятый мир от таких, как вы. От кошмаров. А вы их убили! Вы виноваты! Гореть вам в аду!

Я повернулся к Лане.

- Молчать! - заверещала Анастасия. - Молчи, не двигайся и слушай меня! Заткнись и слушай!

На второй части слова «двигайся» голос противоестественно усилился, как будто говорить начали сразу трое. Замолчала, точно каждое слово давалось ей с огромным трудом. - Еще не все, - выдохнула своим, как бы нормальным голосом. - Еще не все здесь.

Принюхалась, как гончий пес. Посмотрела на меня ледяным взглядом.

- Я найду вас всех. Думаешь, на этот раз тебе удастся убежать? Нет, Фридман. Я тебя уничтожу.

И тут растаяла в воздухе черным дымом. Хлоп - и нету.

- Как... Что... Как...

- Она уже делала так, - бесцветным голосом проговорила Лана. - Вытаскивала меня сюда, - всхлипнула, - несла весь этот бред про убийство сына и... так... Что происходит, Антон?

- Полицейский давно здесь?

- Нет, не знаю. Я не знаю. В прошлый раз его не было. Она держала меня в каком-то подвале. Я ничего не видела.

- Кто она?

- Ты... вы... Как...

- Светлана. Кто эта женщина?

- Антон, ты же... Он твой брат-близнец, верно же? Вы

близнецы. Ты не Антон. - истерика. Голос дрожит. - Иначе ты должен знать, кто она! Ты сам знаешь!

Глаза сухие и красные, как бывает, когда долго плачешь, и вот опять подбирается к горлу ком, щиплет глаза, но слез больше нет. Я попробовал проверить, насколько крепко держат веревки - не вышло даже немного пошевелиться.

- Я не знаю. Это, - я мотнул головой в сторону спящего меня, - Антон, правильный Антон из твоего времени. Я - нет.

- Из вре... что значит из моего времени? Что происходит? Что значит "из моего времени"? Что ты несешь?

- Возьмите себя в руки, Света. Я хронорифтер. Путешественник во времени. Но... ну, в общем, что-то пошло не так. Все пошло не так. Кто эта женщина?

- Ее муж и ты... и он... Они вместе ходили на мои... занятия. Курсы психологической помощи для больных раком. Гештальт-терапия.

- Я был болен раком?

- Я не... Я не знаю как, но ты же...

- Интересно. Так. Ладно, не отвлекайся. Не думай о том, что происходит сейчас. Отвечай на вопросы. Причем здесь смерть ее сына?

Я ничего такого не помнил.

- Ее муж, Максим, вы с ним тесно общались, у него была шизофрения. И опухоль мозга. Когда он умер... - видно, что держится из последних сил, - когда он умер, его сын бросился из окна. Насмерть. Ну, в смысле...

- Понятно. А почему она винит в его смерти нас?

Я прислушался. Показалось, что где-то сверху раздались шаги. Или грохочет что-то, как гроза.

- Ты сказала, что ее муж был болен. Я имею в виду не рак, - рак меня сильно озадачил. Я не помнил ничего про рак. - Какое-то когнитивное расстройство, верно? Ты сказала шизофрения. На основании чего был поставлен диагноз?

Но тут проснулся следователь, будто только и ждал, что я задам именно этот вопрос.

- Так, - посмотрел на меня, на Лану, обернулся на спящего второго меня. - Хорошо. Времени мало. У нас мало времени, друзья.

- Цезарь... - Лана осеклась.

- Нет, - сказал следователь, - его нет здесь. Так пришлось. Нехорошо, я знаю, конечно, нехорошо, но ничего не поделаешь.

Он встал... Встал. То есть... Просто встал, пройдя сквозь веревки, будто их нет. Как призрак.

- Как вы... Кто вы?

- Не сейчас. Патрульный скоро вернется. Вам пора, друзья.

***

На тыльной стороне ладони надулись синие вены. Голова кружится, в горле ком. Я увидел, как я, тот, второй я, безвольно упал на пол, как куль с гнилой картошкой, и... накрыло.

...К восьмидесятым годам весь Млечный Путь, как кротовьими норами, изрыт гравитационными нитями - это своего рода рельсы для космических кораблей, которые после усовершенствования двигателя Унру, смогли медленно, но верно преодолевать невероятные расстояния. Человек нашел ресурсы - больше десяти планет, пригодных для жизни, - а братьев по разуму нигде не обнаружилось. Мы одни во Вселенной, и все ее богатства наши. Каково?

Все это произошло быстро. Быстрее, чем могли себе представить даже самые смелые фантасты. Быстро не в смысле молниеносно типа «не успели оглянуться, а тут», а буквально - всего два десятка лет. Начав ускоряться еще в двадцатом, - открытие за открытием после столетий повозок, призраков и газовых ламп, - время в конце двадцать первого века неслось с бешеной скоростью. Сутки длились примерно пять-шесть часов по старому. Будто кто-то поставил жизнь человеческой цивилизации на быструю перемотку, желая поскорее узнать, чем все закончится.

Теперь я все помню. Ну, то есть у памяти вообще нет времени: человек может помнить все, что с ним было, и все, что будет... В этом нам здорово помогла теория квантового сознания и так называемые эльфы - да-да, куда же нам деваться от ярлыков - народ верхнего мира, некие нематериальные существа, которые, как оказалось, живут глубоко в коллективном бессознательном. Они показали нам, на что в действительности способен наш мозг. Так время перестало иметь значение.

Не стало территорий. Не стало смерти. Перед человечеством, объединенным в девять полио, цифровых сообществ-стран, остался только один вопрос, такой, на который не могли ответить даже эльфы...

А дальше-то что?

- Все понятно? - спросил меня следователь.

Вокруг ночь. Мы в степи. Мое сердце колотится так, что того и гляди сломает грудную клетку. Невыносимо много памяти. Руки трясутся, мысли расползаются. Меня качнуло, следователь поддержал. Лана стояла чуть поодаль, между курганом и открытой машиной, обхватив себя руками. Беззвучно плакала и смотрела куда-то вдаль. Пахло дождем, дул свежий и холодный ветер, а небо, черное, как смоль, было усыпано холодными

иголками звезд.

- Но... Как... Я... Как мы сможем? Это...

Я неуверенно указал пальцем в небо. Следователь огляделся, прислушался. Потом посмотрел на меня очень внимательно и усмехнулся.

- Я могу успокоить тебя квантово-механической нелокализуемостью отрицательно заряженных куперовских пар, защищенных от локализующего воздействия декогеренции посредством энергетической щели, которая вынуждает эти пары испытывать негеодезическое движение в присутствии гравитационной волны?

Я опешил.

- Не могу же, верно? Ты все и без меня знаешь. А чтобы говорить про двигатель, нужно видеть двигатель. Так?

- Что... Я...

- Люди много на себя берут, когда говорят, что нечто, какой-то феномен, какая-то сила во Вселенной им определенно понятны. Объяснения успокаивают. Объяснив что-то, ты чувствуешь себя богом. Но все гораздо проще, Антон.

Он опять ненадолго провалился в себя. Осунулся, будто бы сжался, а подняв глаза сказал:

- Нет разницы между мной и тобой, тобой и машиной, машиной и деревом, деревом и богом. Мы все - хаотично сгруппировавшиеся элементарные частицы. Это важно понять прежде, чем пытаться управлять природой, памятью, другими людьми. Лана, идите сюда!

Девушка вздрогнула и оглянулась. Следователь еще секунду был немного раздражен, как если бы случайно сказал слишком много.

- Идемте, времени все меньше. Эта... То, что когда-то было моей матерью теперь представляет серьезную опасность. Она... моя... моя бедная мама устала...

- Мама? - изумился я.

- Патрульный времени. Эти существа живут только во снах. Но что делать, если жертвам нет необходимости спать? Надеюсь, той памяти, что я успел украсть, вам на первое время хватит. Спасибо, Антон. И... извините, что... Я старался, как мог, и пришел бы раньше...

Опять встрепенулся, как напуганная птица. По лицу было видно, что времени у него оставалось все меньше и меньше.

- Если бы не зубная боль.

- Чего? - повторил я, как китайский болванчик.

- Неважно. Некоторое... хе-хе... некоторое время я для вас выиграл. Хотя теперь понимаю, что придется пожертвовать вами

обоими.

- Пожертвовать?

Лана испугалась и сделала шаг назад. Но куда она пойдет? Я даже представить боюсь, что творилось в ее бедной голове той ночью. Но она не падала в обморок, не устраивалась истерик. Она сильная.

- Не вами, Лана. Вы - триггер. Благодаря вам все и получилось. Я не знаю, что... что или кто там конкретно, и не смогу пойти с вами, они скоро обнаружат мое отсутствие. Корабль не нужен, Антон. Если вы об этом спрашивали. Никому не нужен никакой корабль.

Я киваю. Просто киваю.

Непонятно ничего, но Лана рядом, глаза-блюдца, неспокойные пальцы, ее присутствие успокаивает. Что-то тараторила про Диму, который будет искать, волноваться будет, а следователь, большой и грозный, с красными со сна глазами и недельной щетиной, двигается легко, как будто ему неважно, в каком именно теле существовать и разговаривает, как подросток.

- Мне кажется, это важно, - говорит он. - Во всяком случае, себе-то вы верить можете, верно, Антон? Вы передаете себе привет.

Я облизнул пересохшие губы. Что-то в воздухе загудело, как гудит натянутая струна.

Глава 9

Было холодно и ужасно светло. Фридман чувствовал себя паршиво. Он реально думал, что умрет, так и не добравшись до дома Лапши. Сознание, будь он подключен, полыхало бы сигналами опасности. Рекомендуется срочная гибернация. Внимание, внимание: организм находится в предкритическом состоянии. Внимание.

Пульс бился в висках.

Идиотские люди прошлого: бесполезные расстояния и бесполезно длинные минуты. И вроде смотришь вокруг - каждый торопится, машин на дорогах пруд пруди, но на самом деле они как сонные мухи.

Регулировщик распаковал заблокированную память Фридмана - еще до перерождения, до инсталляции новой версии системы - и теперь Антон точно знал, куда идти. Не мог, что ли, забросить куда-нибудь поближе, идиот, думал он, ругая Лапшу, в очередной раз наткнувшись плечом на какого-то важного гуся.

- Смотри, куда идешь!

Границы улиц, границы районов, границы городов, границы государств. С ума можно сойти. Девять полио без привязки к земле и всего две сотни социо на весь цивилизованный мир. Какое значение имеет земля? Хоть в чем-то хреновины вроде Сингулярности были безапелляционно полезны, ведь именно нейросети разработали новый государственный алгоритм, казалось бы, удобный всем... но потом электронные мозги пошли набекрень... Или нет? Ведь все «страшные» решения, которые принимали Системы, основаны на идеях человека. Мудрость толпы и все такое, кабы мы не ненавидели друг друга до такой степени, то и разговор с Сингулярностью был бы другой. Наверное.

Антон опять качнулся. На секунду провалился в тяжелое раскаленное прошлое. Они с Ромашкой на какой-то крыше, рядом что-то горит, слышно, как вертятся, замедляясь, огромные лопасти вертолета. Ночь, глубокая, черная. Ромашка касается его лица холодными, по-паучьи тонкими пальцами и что-то говорит: шевелит губами, а слов не разобрать. Появляются эти штуки. Со всех сторон на них, словно полчища насекомых, надвигаются голые копии Фридмана. Их несколько десятков, если не сотен. У них у всех одинаковое выражение на лице и белые глаза без зрачков.

- Ваши документы.

Не сразу пришел в себя. Перед ним стояли трое тощих в военной форме. Смотреть на них было больно, тяжело оказалось даже просто поднять голову.

- Что?

Лидер тройки еще раз представился, при этом быстро отсалютовав.

- Ваши документы. Что употребляли?

Антон сунул железную руку, которую начало страшно жечь в контактах, глубже в карман.

- У меня их нет.

- Что значит «нет»? Стоять на месте. Пройдемте с нами.

- Я... Зачем мне документы?

Они проят стоять и идти одновременно? В своем времени Антон в последний раз пользовался идентификатором для авторизации в обновлении полио. За тридцать лет до всего этого дерьма.

- В смысле как «зачем документы»? Пили? Употребляли наркотики?

Полицейские явно почувствовали, что могут воспользоваться своей властью, так как Фридман того и гляди просто рухнет на землю от усталости. Неужели все вот так банально, как в плохой пародии? Но парни стояли рядом, а один даже чуть отошел, отрезая путь.

- Нет, не пил. Ничего... - глотать больно. - Ничего не употреблял.

Антон выдохнул... и тут с ужасом понял, что рука сжалась в кулак, сама, и теперь назад дороги действительно нет, а еще...

- Пройдемте с нами.

- На каком основании? Я что-то нарушил? Что я нарушил, объясните толком?

- В отеделении разберуться, пройдемте в машину.

Бегите, глупцы.

Раньше говорили «нарушил»?

- Что я нарушил?

Сотни людей идут мимо и никак не реагируют на происходящее.

- Все проверим. Пройдемте.

- Что вы проверите? Никуда я с вами не пойду.

- Пройдемте в машину, я сказал, иначе упакуем, как при сопротивлении.

Их найдут быстро. Всех четверых. У двоих вырваны кадыки, а у остальных свернуты шеи. Как цыплята. Кровь на сером асфальте. Большая темно-красная лужа. Ну... что поделаешь?

Украденную машину тоже найдут и тоже быстро: она будет брошена в одном из дворов в спальном районе, прямо возле детской площадки.

***

В первую минуту Фридман даже забыл, что именно хотел сказать. Вид Лапши его огорошил. Заспанный пухлый мальчишка лет девятнадцати стоял на пороге в халате не по размеру и поначалу пялился на Антона, как на пришельца. Видно, что долго не спал. Щетина смешная, как будто только-только начала расти.

- Вы кто?

Вопрос прозвучал неуверенно. Он понимал, кто перед ним, но еще не решился самому себе в этом признаться. Из квартиры доносились запахи еды и тихое шкворчание. Лапша что-то там готовил, что-то жарил на плитке.

- Эдуард, мне нужна твоя помощь.

Внизу стукнула дверь, и Антона прошиб пот.

- Ты можешь мне помочь?

- Чем я могу помочь?

- Впусти меня.

На лице Лапши отразилась внутренняя борьба.

- Какого лешего пускать в квартиру неизвестного мужика, который едва не выломал тебе дверь?

Антон не нашел, что ответить. Лапша помолчал, оглянулся в темноту дома. Посмотрел на Фридмана, будто пытаясь вспомнить что-то такое важное. Вспомнил. Или нет.

- Входи, Антон.

Лапша жил один, хотя Фридману казалось, что в этом времени у него еще были родители.

Столы и кровати в комнатах были завалены микросхемами, везде стояли какие-то сложные компьютеры, связанные между собой красной лазерной проводкой. Воняло кварцем. Фридман прошел на кухню, сел за стол и положил железную руку на стол. Лапша посмотрел на ладонь, затем на Антона.

- Будешь чаю?

- Нет.

- Расскажи мне. Как это? Как ты, ну и, в общем... Ну. Что происходит? Почему ты пришел?

У Лапши было столько вопросов, что он не знал, с какого именно нужно начать.

- Я устал, Эдик. Сейчас я ничего не хочу говорить. Скоро ты все узнаешь сам.

Фридман кое-что понял (точнее, вспомнил), пока вел угнанную полицейскую машину - стало обидно и горько. Как будто вся твоя жизнь внезапно оказалась чьей-то игрушкой. А

потом игрушка этому кому-то надоела.

- Хорошо. Что сейчас от меня нужно?

Лапша соображал быстро.

- Здесь, - Антон прикоснулся железным пальцем к виску, - есть все, что тебе может понадобиться в ближайшие дни. Он... именно поэтому и послал меня сюда. Теперь. Да ладно, неважно. У меня здесь порт.

Фридман коснулся живой рукой затылка.

- Я... - сглотнул, - я не знаю, можешь ты или нет, но, по идее, уже можешь. Подключись и слей себе мою память. Там есть одна вещь...

Антон невольно задумался.

- Что за вещь?

- Там есть штука. Выращивание живых клеток... Тебе нужно. Блин. Если я сейчас начну рассказывать, то мы никогда не перейдем к делу. Ты все узнаешь.

Лапша шумно допил чай и поставил чашку на край стола.

- Хорошо.

- Выключишь меня, когда кончишь дело. Совсем. Хорошо?

Лапша усадил Фридмана в старое раздолбанное кресло, жалобно заскрипевшее под его весом.

- Откинь голову.

- Выключишь. Ты меня понял?

Лазерные лучи, пересекающиеся друг с другом в хаотичном, на первый взгляд, порядке, подсвечивали лицо Лапши агрессивным красным светом. Парень нажал на небольшую коробку на столе рядом с огромным монитором, и тот ожил.

- Я так понимаю... - пробормотал Лапша, бросил короткий взгляд на Фридмана, посмотрел на свой монитор, а потом в окно. - Ладно. Все пойму, говоришь. Ну ладно. Невероятно, но факт, блин. Закрывай глаза.

Лапша полвека лет занимался нейросетями. Многое из того, что «придумывали» в 54/2, на деле придумал Лапша.

- Ты ведь из будущего, да? Из того самого? - немного испуганно спросила темнота после того, как Антон закрыл глаза. - Скажи, я жив там?

- Жив, - соврал Фридман. - Смерти нет, Лапша. Люди больше не умеют умирать.

- Хорошо, это хорошо. Это здорово.

Антон почувствовал острый укол в основание черепа сзади и выключился.

Глава 10

Сашка важно, не отрывая глаз от младшего брата, набрал в рот слюны и смачно плюнул на землю. Цезарю было страшно.

- Ссышь, Барсик? Если ссышь, так и скажи.

- Нет!

Цезарю семь, на нем короткие шорты и белая, заляпанная маслом и кетчупом майка. Ноги расцарапаны колючками, в животе урчит. Уже поздний вечер, старики будут волноваться. А еще стало холодно. Но Сашка настроен решительно. Они стоят у калитки Чокнутого Борьки, который знал всех ворон по именам, а потом пропал без вести. Днем была страшная жара и пыль, а теперь тихо, странно тихо, не слышно даже обычных для села собак.

- Тогда идем!

Сашке восемь. Они идут охотиться на русалок на дальние холмы, и у Сашки для этого дела есть длинная заточенная палка.

- Идешь ты или нет? Не идешь - вали домой. Деду скажи, что я позже приду. Занят.

Русалки водятся в черной запруде за охотхозяйством. Там болото: жутко воняет торфом и гнилой водой. Про русалок Сашке рассказали ребята из соседнего села. Они, эти ребята с желтыми от клея лицами, сказали, что видели русалок. Русалки совсем не такие, как в сказках и в мультиках - жуткие твари, как бы полурыбы-полулюди, но от людей в них почти ничего нет. У них маленькие острые зубы, они нападают стаей и обгладывают человека до костей заживо.

Они оглушают жертву специальным звуком.

- Я не хочу.

- Что?

Днем одно дело, днем не темно и максимум, кто может встретиться - бродячие псы. Ловля русалок интересна днем, когда русалки спят. Мальчишки из соседнего села, которые сизыми тенями бродят на заброшенном заводе, собирают окурки и матерятся, сказали, что днем можно найти спящую русалку и вырезать ей сердце, днем русалки как лягушки зимой.

А ночью - нет. Ночью они не спят.

- Я не пойду, Саш.

- Зассал? Ну, ладно.

Цезарь думал, что брат будет смеяться, но на Сашином лице появилось какое-то такое странное выражение, какое бывало у

отца, когда тот рассказывал о своих экспедициях.

- Ладно, иди домой, Цезарь.

Не Барсик, а Цезарь. Странно.

- Саш, не ходи ты тоже. Давай завтра все вместе пойдем.

Брат задумался, смешно свел брови.

- Нет, я сейчас пойду. Мне нужно. А ты давай домой.

И больше его никто никогда не видел. Искали из района с водолазами, собаками. Полиция, волонтеры. Не нашли - как будто исчез. Испарился.

Прошло больше тридцати лет.

- Привет!

У Цезаря застряли в горле все слова. Брат стоял прямо напротив него и весело улыбался. Одет он был точно так же, как в тот день, когда пропал. В руке держал свою острую охотничью палку. Цезарь почувствовал, что в глазах защипало. Хотелось броситься и крепко обнять брата, так, чтобы никогда больше никуда не отпускать, но ноги не слушались.

- Сашка...

- А ты кого ждал, Барсик? Я, знаешь, тоже решил не ходить. Ну его к такой-то бабушке.

- Санечка. Брат. Братик...

По щеке Ларина сползает слеза. Саша говорит что-то еще, но ему будто бы отключили звук. Говорит, молчит несколько секунд и начинает смеяться, как будто анекдот услышал. И исчезает опять, пуф, клочками черного дыма, а еще спустя мгновенье пыльная дорога и старый покосившийся забор с ободранной голубой краской уступают место большой тьме.

- Саша...

Любопытная Большая Тьма заглядывает внутрь Ларина.

- Брат. Саня. Сашка. Санечка...

В первую очередь Большая Тьма вынимает из Ларина печаль, а затем все, что там вообще было. Его тащит куда-то, кажется, вверх. По крайней мере, ощущается как «вверх». Сотни, тысячи лет. Так хочется думать, обернуть «долго» в числительную форму, но на деле биологические часы попросту не работают, время больше не имеет смысла. Ларин летит или падает.

Так продолжается.

***

Ларину снится сон: во сне маленькая Маруся сидит в песочнице на детской площадке и лепит куличики. Ларин идет к ней, зовет ее по имени, но девочка не отвлекается от своей игры.

- Дочь! - в шутку злится Цезарь. - Что ты там такого интересного делаешь, что на отца уже и внимания обращать не нужно?

Маша оборачивается - у нее полностью белые глаза. Как... Ларин на секунду забывает, что спит, и ускоряет шаг. Идиоты! Какого хрена!? Подонки! Я же велел ни к какой дряни ребенка не подключать! Все, хватит терпеть, через суд заберу. Без штанов суку Галку оставлю. Баста.

- Маша!

Глаза девочки в какое-то мгновенье принимают свой обычный вид.

- Папа, папочка! - кричит она, выбирается из песочницы и бежит к Цезарю. Добегает и проходит сквозь него, будто он призрак. - Папа!

Цезарь поворачивается и видит нового мужа своей бывшей жены. Высокий молодой мужчина в черном костюме, он смотрит прямо на Ларина и улыбается.

- Ты урод, - в Цезаре вскипает гнев. - Ты сука... Да я тебя...

Но и Маша, и ее новый папа вдруг распадаются на сотни тысяч паучьих лап, которые быстро ползут в разные стороны, будто спасаясь от яркого света. Цезарь цепенеет. Пауки.

Проклятые пауки.

Цезарь поднимает голову и видит, как Цезарь поднимает голову и видит, как Цезарь поднимает голову и видит, как Цезарь поднимает голову и видит...

***

Чьи-то холодные пальцы касаются лица - Ларин открывает глаза. Моргает. Над ним навис высокий и тощий человек в белом. Человек протягивает Ларину руку, предлагая подняться.

- Здравствуйте, Цезарь Геннадьевич. Вставайте, пожалуйста.

Ларин не берет руку незнакомца, садится сам.

- У вас не болит голова. Это пройдет, остаточные эффекты нахождения в первой реальности. У вас ничего не болит, но не торопитесь. Приходите, пожалуйста, в себя.

Цезарь ничего не может понять. А главное - не может сосредоточиться на окружающем пространстве. Комната, улица, что? Как будто все объекты и предметы существуют только тогда, когда он за ними не наблюдает.

- Где я?

- Вставайте.

Цезарь обнаружил, что стоит.

- Где я?

- В коллективном бессознательном. Это своего рода транспортный узел снов. Люди называют это место городом, думайте так же, если вам так будет удобнее. Можете вообразить город. Свой собственный, но без изысков, иначе есть риск потерять контроль над сознанием. Попробуйте.

Цезарь не успел даже сформулировать мысль, как мир вокруг

подернулся рябью, и оказалось, что они с высоким человеком стоят посреди улицы в центре города. Людей вокруг нет. Ни людей, ни собак, ни вообще каких-то признаков жизни.

- Я сплю?

- Можно сказать и так. Сон - немного более сложный процесс, чем вы привыкли считать. Сны поддерживают существование этого мира, множество снов, не только ваш. Вы спите, но это не ваш сон.

- Что случилось в степи? Там была эта сумасшедшая, Манохина. Она. У нее что-то с лицом. Она...

- Расскажите подробнее, пожалуйста.

Цезарь насторожился.

- Расскажите, - дружелюбно сказал человек. - Как именно вы здесь оказались?

- Я не знаю.

- Вы лжете, Цезарь Геннадьевич, - человек улыбнулся так, что Ларину стало дурно. - Расскажите, пожалуйста. Это действительно важный вопрос. Я прошу вас подумать, прежде чем вы ответите, ведь от этого будет зависеть ваша стабильность.

- Я не знаю, - повторил Цезарь, сделал бесполезный шаг назад, оглянулся, но оказалось, что посмотрел прямо на улыбающегося человека. Закружилась голова.

- Может быть, - мир вокруг погас, опять став Большой Тьмой, среди которой белым бельмом торчал долговязый, - вы неправильно поняли термин «стабильность»? В вашем лексиконе это означало бы полное прекращение существования в любой из реальностей. Ваша память заблокирована, и значит, что вам точно есть, что скрывать. Ведь правильно? Вы сказали, что были в степи, верно? Кто еще был с вами в степи, Цезарь Геннадьевич? Что еще случилось в степи? Анастасия Манохина выполняет для нас важную работу, но как только вы оказались здесь, мы и ее потеряли. Отсутствие информации - тоже информация. Я хочу, чтобы вы поняли. Верхний мир нельзя обмануть.

Цезарь почувствовал, что ноги начинают вязнуть, будто в болоте.

- Итак, - начал человек... Но Ларин закрыл глаза и вообразил, что идет по пыльной улице в своей маленькой деревне («У вас не болит голова»), где, сложно поверить, не был уже лет пятнадцать... Там мама, махонькая сухая старушка, взгляд которой и на девятом десятке не потерял ясности и строгости. Там могила деда на кладбище за холмами в сторону райцентра. Дед умер от сердечного приступа, когда семье объявили, что поиски Саши прекращаются. Большой, как гора, с каменными руками, дед просто взял, и умер. Цезарь очень долго думал, что и

дед, и Сашка - предатели. Нельзя оставлять его одного, так нечестно.

- Цезарь, - донеслось из ниоткуда, прокатилось эхом в голове и затухло.

Ларин шел по мокрой траве. С холма вся деревня была, как на ладони. Садилось солнце, и небо поэтому было каких-то сумасшедше красивых оттенков красного и оранжевого. Откуда-то донеслось долгое коровье мычанье, следом мальчишечье «геть-геть», а за ним звон колокольчика. Над несколькими домами дружелюбный серый дым - там топят баню.

Ларин боялся, что окружающее пространство растает, тоже оказавшись иллюзией, но через время, неизвестно, какое количество времени, ясно понял, что сбежал.

Часть 2. Нулевой пациент

Глава 1

Мать поджимает губы, хочет казаться сильной, но звонок раздается опять, и рука ее, тонкая, почти прозрачная рука с чашкой чая, вздрагивает. Мама долго смотрит на меня, словно забыв зачем, но вот оживает, как бы просыпается, и пытается поставить чашку на стол, не пролив - но не выходит. Чай выплескивается на стол. В дверь опять звонят. По маминой щеке скатывается слеза. Я не знаю, что можно сделать, чтобы ей перестало быть больно.

- Можно я открою, мама?

В дверь начинают стучать, становится слышно грозное бормотание.

- Мама, можно я открою? Разреши мне открыть, мам, пожалуйста.

Холодильник дергается и затихает. В доме пахнет хлебом. Не знаю почему. В холодильнике несколько дней ничего нет, мы заказываем пельмени в продовольственном подвале, не доедаем их и выбрасываем. Чаще всего утром их выношу я, так как мама велела не бросать пропавшую еду в унитаз, потому что может засориться канализация. В последнее время она очень много внимания уделяет незначительным, глупым мелочам. Вчера утром на груде застывших в тарелке пельменей, как ящер на груде костей, оставшихся на поле грандиозного сражения, стоял таракан. Или сидел. Он меня увидел (если они это умеют), но уходить не стал. Я не двигался тоже. Таракан шевелил усиками, прислушиваясь.

- Андрей, - сказала мама, и через силу сглотнула, как при ангине. - Открой, пожалуйста, дверь, сынок. Наверное, привели папу.

- Хорошо, мама.

- Открой, пожалуйста, дверь. Ладно? Пойди открой дверь, пожалуйста.

Мама не была сумасшедшей, она все прекрасно знала и понимала, - и проклятая рыжая, как таракан, тетка, имя которой постоянно выпадает у меня из головы, не смогла маму убедить в том, что «пора сдать», пока не смогла - но такие вещи, «заскоки», как раньше называл это папа, помогали маме пережить то, что происходило с нами. Но еще ей нужно было помочь мне пережить стресс. Я ведь еще ребенок и ни в чем не виноват, так говорят. Она понимала, что не может забрать себе горе. Просто иногда ничего не могла с собой поделать. Я вышел в коридор.

- Кто там?

- Какого хрена, - гавкнула дверь, смачно выругалась и велела:

- Открывайте немедленно! Участковый!

- Я же говорила, что они там, - сказал второй голос, старушечий, - свет на кухне горит.

На пороге стояли участковый, соседка сверху и ее дочь, которая была на два года меня старше, общалась с парнями из «высшей лиги» и, как все, говорила, что я церебральный, а когда всех не было, говорила, что я милый и «спасибо за то, что помогаешь». Так говорила.

Она была красивой, эта девочка. Тонкой, как травинка, с большими зубами и глазами насыщенно-синего цвета и немного разного размера. Наверное, я мог бы в нее влюбиться.

- Где твоя мать? - прорычал участковый.

За последние две недели он был у нас двенадцать раз. Слева от него, опустив голову, как провинившийся ребенок, стоял отец. Он был в одних только трусах, дрожал от холода и покачивался из стороны в сторону, кажется, что-то напевая себе под нос.

- Ничего страшного, - сказал я.

- Что «ничего страшного»? - разозлился участковый. - Мать свою позови! Немедленно!

Он вошел в квартиру без приглашения. Толкнул папу вперед прямо на меня, и тот упал бы, если бы я не поддержал.

- Анастасия! - заорал так, что я вздрогнул.

Уже вижу, как мама плачет, ревет, машет руками, объясняя, что всяким человеческим силам есть предел. Но ведь участковому тоже нелегко, они с папой были приятелями. Раз в несколько недель встречались и пили пиво: или у нас дома, или ходили куда-то. Отец говорил, что они когда-то то ли работали, то ли учились вместе.

- Пап, - я осторожно касаюсь пальцами папиного лица. - Пап, ты меня слышишь?

Он резко поднимает голову и смотрит на меня таким осознанным, здоровым взглядом, что у меня щемит сердце. Хочется заплакать, но нельзя.

- Все в порядке, солдат. Все хорошо, - и треплет пальцами, указательным и большим, за щеку. И мутнеет, уходит, теряет контроль.

- Кто еще может помочь, прием, - говорит. - Прием-прием, второй, я база. Террорист обнаружен. Дайте мне чаю, Алина Борисовна! Можно попросить у вас чаю, черт вас побери! Только не две ложки, не две, пожалуйста, черт, я же сказал, что не две! А не то что?

Озирается по сторонам, в безумных глазах азарт.

- Носорог, конечно! Семейство непарнокопытных

млекопитающих из надсемейства носорогобразных нам ничем сейчас не поможет! Эти штуки вообще никому не могут помочь! Понял ты, или нет, мразь?

Взгляд злой. Пауза. Виновато натягивает улыбку, будто не понимает, где он, кто он, и что происходит. Хочет, но не может больше.

- О чем это... это я? О чем я?

- Ты говорил про носорога, пап.

- Конечно! Конечно, сыночек, конечно, родной... Ты прости меня, солдат, я... Прости, пожалуйста, я правда... - смотрит куда-то поверх моей головы, застыв, потом резко дергает головой. - Слушай, ты не знаешь, где мой сын, парень? Я не могу его найти. Ему всего два, он маленький и куда-то убежал. Мне нужно его найти. Помоги мне! Ты можешь мне помочь?

- Я твой сын.

- А я твоя мать!

И смотрит на меня, пусто и пристально.

- Но кто же тогда мой отец?

- Все хорошо, папа, пойдем. Пойдем...

Я беру его под руку и веду в спальню, стараясь не слушать больше и, главное, не заплакать. Самое сложное. Из кухни доносятся голоса. Входная дверь осталась открытой, и оттуда несет холодом и чужим любопытством.

- Ложись, ложись, пап. Все хорошо.

- Ты видел когда-нибудь грибы размером с дом? - спрашивает он. - Вооот такие! - и широко, по-дестки разводит руки в стороны. - Видел?

- Я...

- Он придет.

Во взгляде теперь страх. Настоящий, животный.

- Он придет. Он придет. Он заберет все, что не наше. Все, что не для нас. Он придет! Придет!

Отец начинает дергаться, я пытаюсь держать крепче, но не выходит.

- Все хорошо. Папа, посмотри на меня! Все хорошо!

- Он придет! Придет! Он придет! Он придет!

Утром папу увозят. Потом мама не отвечает на мои вопросы и ходит бледная, как смерть. А вечером следующего дня после того, как папу увезли... он пришел.

***

Папа болел всегда. «Заскоки» у него случались столько, сколько я себя помню. Он иногда мог вдруг почувствовать страшную боль в голове, иногда ему казалось, что рядом кто-то есть, кого никто больше не мог видеть, а иногда он воображал,

будто превратился в какое-то большое неуклюжее животное и обязательно должен кого-то от чего-то защитить. Раньше все это было редко, мы с мамой оставались для него самым важным на свете, он пытался бороться с демоном, который пожирал его изнутри, но в последний год сильно сдал. Больше не мог бороться.

Про демона нам сказала жирная старуха, которую привозила Тараканиха. Все началось именно со старухи. От нее неприятно пахло потом и жженой бумагой. Старуха посмотрела на папу, потрогала его лоб и сообщила, что врачи не смогут помочь. Я ответил, что врачи, проклятые идиоты, уже сложили оружие, из церебральной комиссии пришла официальная бумага (настоящая, бумажная бумага), по которой папу могли «принять», но мама скомкала ее дрожащими руками и выбросила.

- Помолчи, Андрей, - выдохнула она холодно, даже не посмотрев на меня, пристально вглядываясь в дряблое старушье лицо. - Что вы сможете сделать? Вы можете нам помочь? Что мне нужно делать?

Старуха пообещала сделать специальную штуку, процедила: «амулет». Сказала, что вернется через полнолуние. Заверила, что к тому времени папа уже ослепнет. Но папа не ослеп, папу «приняли». А старуха вернулась ровно через полнолуние.

- Уходите, - рявкнул я, но услышал, что голос предательски дрожит, как у маленького. Не рявкнул, а проскулил. Старуха стояла на пороге, одетая в эти свои клоунские меха с блестками и ожерельями, с четками и камнями.

- Папе ваша помощь больше не нужна. Уходите отсюда.

Тут из лба старухи вылез длинный и тощий черный палец с черным ногтем. Я застыл.

- Позови свою маму.

Мама устала. Старуха не понимала, что кто-то вылазит из ее головы.

- Мама устала и уже спит.

Она спит целый день. Там запах перегара, только открой дверь, так и норовит пробраться в коридор и дальше, на кухню. Еще пахнет дурацкими французскими духами, которые папа привез маме на прошлый Новый год. Прошлый Новый год был, кажется, так давно, ужасно давно - успела пройти целая жизнь, моя, обычная, сравнительно нормальная, простая жизнь обычного ребенка.

- Позови ее, - велела старуха. - Позови свою мать. Это очень срочно.

Из ее лба уже торчали все десять чьих-то пальцев, кто-то пытался вылезти, как уродливый младенец из утробы или

фокусник из мешка. Она шагнула вперед, хотела войти без приглашения, но я захлопнул дверь прямо у нее перед носом. Мне было страшно. Мне стало дурно.

Старуха начала стучать в дверь.

- Уходите! Уходите отсюда! Пошла вон!

- Кто там, Андрей?

Мама выглядела ужасно. Появилась на пороге спальни, как привидение.

- Та старуха, - сказал я, и бросился обминать маму. Я весь дрожал от страха и слез. - Старуха...

Мама гладила меня по голове.

- Все хорошо, родной, все будет хорошо. Все хорошо.

Мама смогла прогнать старуху, но не его. Он смотрел на меня своими черными глазами, как огромный паук с человеческим лицом, и улыбался. Это был кошмар. Папа говорил о них. Папа предупреждал. Кошмар пришел выпить нас. Забрать все, что не наше.

***

Дружелюбный мужчина, от которого сильно (и неприятно) пахло кремом для бритья, улыбнулся мне и подмигнул. Посмотрел на маму и сказал:

- Вы не могли бы оставить нас вдвоем на несколько минут?

Мама занервничала.

- Это обязательно?

- Да, обязательно.

Объяснять ничего мужчина не стал. Терпеливо ждал, пока мама решится встать и выйти из кабинета.

- Я за дверью, хорошо? Я рядом.

- Конечно, мам.

- Все будет хорошо.

Быстро клюнула меня в голову, провела дрожащими пальцами по щеке, точно прощаясь, и вышла. Через две минуты специалист по церебральному праву и вопросам интеллектуальной и умственной ответственности, доктор церебральных наук, профессор психологии и нейрологии, человек по имени И. Регов (все было написано в проспекте, который маме скинула Тараканиха) опять улыбнулся мне и сказал:

- Поговорим о кошмаре.

Сказал таким тоном, каким говорил бы со старым приятелем. (Из таких бесед мне всегда хочется выпутаться как можно быстрее, поэтому я проявлю инициативу; обычно смотрится правдоподобно).

- Рассказать?

- Давай так, - он быстро провел пальцами себе по ладони, и

глаза его на секунду стали совсем белые и страшные. - Я буду рассказывать, а ты меня поправишь, если я ошибусь. Договорились?

Молчит. Смотрит, улыбается и молчит.

- Договорились? Если можно, то я попросил бы тебя отвечать мне, Андрей. Мы договорились?

- Договорились.

- Кошмары, - начал он, - существа, которые живут во сне всего человечества, вообще они не злые и никому не причиняют вреда, но стоит человеку отправиться... - усмехнулся, будто бы помимо воли, - назад во времени, например, и они от него не отстанут. Но они не могут навредить никому, кроме того, за кем приходят.

- Нет.

- Что?

- Они не могут убить больше никого. В том смысле, что своими... руками. У них не совсем есть руки. Но они могут копаться у тебя в голове, и ты сойдешь с ума. Они не понимают, что ломают людей, как игрушки. Не хотят понимать. Не умеют.

Я надолго замолчал.

- У них нет цели убить кого-то, кроме тех, за кем они пришли. Я не знаю.

- Чего ты не знаешь?

- Не знаю, как у них там точно все устроено. Я говорю то, что мне говорил папа. Это сложная практика, профессор. Папе было сложно. Он поэтому...

- Ты любил своего отца, так ведь?

- Я продолжаю его любить.

- Конечно.

Опять тишина. Там у него в голове что-то происходит. Что-то не личное: они там все вместе у него в голове. Куча профессоров.

- Чем меньше контроля над... гхм... сном всех людей, тем больше хаоса в реальности, - сказал он. - Я правильно понял? Вот это. Сон всех людей. Расскажи о нем. Расскажи то, что говорил тебе папа. Что он тебе рассказывал?

- Коллективное бессознательное. То, что происходит у нас в головах постоянно, то, что формирует нас. Эта ваша штука. Штука в вашей голове, - я показал пальцем ему на висок. - Она работает как дверь. Кошмары выходят из таких, как вы.

- Твой папа, значит, не дает им выходить, так?

- Икиаквиик.

- Что?

- Путешествие сквозь слои. Так это называли чукотские шаманы.

- Хорошо, - сказал И. Регов, сделал какую-то пометку,

некоторое время не смотрел на меня, а потом поднял глаза.

- А что эльфы? - спросил. - Расскажи мне об эльфах. Кто они?

- Эльфы живут в городе. В большом городе в центре всех снов. Они помогают нам жить правильно. Всегда помогали.

- Они хорошие?

- Да, они на нашей стороне.

- Но ведь именно они посылают кошмаров, ведь так?

- Только за теми, кто нарушил правила.

- То есть путешествует во времени? Это одно из правил, которые нельзя нарушать?

- Не только. Там много правил. Правила нужны для того, чтобы все работало... правильно. Там много правил, но я сразу скажу, я не знаю, какие там еще есть. Чем больше беспокойства в реальности, тем больше сумбура в мире снов, так говорил папа. Чем меньше контроля над потоком снов, тем больше сумбура и безумия в реальности. Откуда, думаете, весь этот бред, что происходит вокруг? Все эти оргиии феминисток и радикалов?

- И твой папа стал наводить порядок?

- Да, эльфы разрешили ему.

- Почему? Он какой-то особенный? Или он избранный?

- Нет, просто так получилось. У папы есть друг. Точнее, у его друга есть друг, который придумал штуку, такую, как ваша, но лучше. Эта штука помогла папе попасть в мир снов. Это процессор, как ваш и как мамин, например, только работает он немного иначе.

- Как зовут друга твоего папы?

- Антон Фридман.

Лицо у И. Регова было странное, точнее, принимало странный вид, когда он пытался вести сразу несколько диалогов там, внутри головы, и еще успевать говорить со мной.

- Понятно. А как зовут второго друга?

- Я не знаю.

- Ясно. А где твой папа встретил Антона?

- На собраниях. У вас тут, внизу.

- Отлично, - повторил И. Регов.

- Отлично, - отозвался я.

- Ты хотел бы навестить папу?

Я встрепенулся.

- А можно?

- Конечно, можно.

- Да, я хотел бы его навестить, если можно. Это было бы здорово.

Еще хотелось казаться невозмутимым, но голос опять меня выдал.

- Скучаешь по нему?

- Да, очень.

Даже показалось, что прозвучало так честно, будто он выудил из меня то, чего я говорить не собирался. В горле стало жечь.

- А твоя мама, как считаешь, она скучает?

- Да, она тоже скучает. Нам без папы плохо.

- А кого бы ты выбрал, если бы пришлось выбирать, маму или папу? Не торопись. Это игра такая. Я не заставляю тебя выбирать, я спрашиваю. Кого бы ты выбрал, если бы каким-то образом пришлось выбирать?

Меня вопрос разозлил. Чертов доктор играл со мной.

- Андрей?

- Никого. Я не стал бы выбирать. Дурацкий выбор и дурацкий вопрос. Я не буду отвечать. Имею право.

- Какой твой любимый цвет?

- Что? Цвет?

Я даже головой мотнул от удивления.

- А причем тут цвет?

- Можешь ответить? Какой цвет тебе нравится?

- Нет, я не знаю. Никогда не думал об этом.

- Тебе нравится красный? - мягко спросил И. Регов.

- Нет.

- Может, зеленый?

Я помотал головой.

- Нет.

- Тогда коричневый?

- Нет.

- Ты хочешь, чтобы твой папа умер?

До меня опять не сразу дошло.

- Что... Вы задаете плохие, идиотские вопросы. Не буду отвечать на них. Я не буду отвечать на ваши вопросы. Понятно? Больше ни на один не отвечу.

Стало обидно и горько.

- Эй... Не злись, пожалуйста. Не злись, хорошо? Я не хотел тебя обидеть. Я стараюсь помочь.

- Вы не помогаете. Никаких больше вопросов!

- Можно самый последний, Андрей? Самый последний, и больше я не буду тебя мучить.

Он ведь все равно спросит, метнулось у меня голове, и не пустит маму, и не выпустит меня. Спросит и будет смотреть, вглядываться в меня, как в дурацкий музейный экспонат. Он только кажется твоим дружелюбным соседом.

- Задавайте свой вопрос.

И. Регов молчит. Молчит долго, и смотрит так, будто

действительно намерен взглядом просверлить во мне дыру.

- Вы зададите свой последний вопрос или нет?

- Пожалуй, я узнал все, что хотел. Давай позовем твою маму. Позови ее, пожалуйста, а сам останься в коридоре и подожди. Договорились?

Молчу.

- Мы с тобой договорились?

- Ладно. Хорошо.

Я секунду промедлил, но потом сообразил, что он в любой момент может передумать, и быстро пошел в коридор, позвал маму. Она улыбнулась мне, очень грустно, уставшая и потерянная, какой я ее вообще никогда не видел.

- Я недолго, солнышко. Хорошо? Подожди меня, пожалуйста.

Глава 2

Из забытья вырвал резкий механический писк. Фридман дернулся и услышал, что где-то очень близко раздался взрыв. Окатило жаром.

- Дьявол! Выключайте! Выключай! Выключай это дерьмо!

Чьи-то горячие руки коснулись лица, с головы стянули что-то, что до этого сжимало виски. Мокрая от пота ладошка оказалась в руке Фридмана, на несколько секунд успокоила, затем мужской голос опять что-то кому-то велел и ладошка исчезла. Стой!

Повисла тишина.

- Профессор Фридман, вы меня слышите? Антон?

Антон молчал - сквозь веки понемногу пробивался яркий белый «больничный» свет. Дышать было тяжело. В горле першило.

- Профессор Фридман?

Открыв глаза, Антон обнаружил себя в помещении, похожем на большую операционную с застекленным балконом, откуда за ходом операции могли наблюдать практиканты или руководство. Такие обычно делают в передовых центральных больницах. Попытался вспомнить, был ли когда-нибудь в такой, или где мог видеть, но на ум пришла только старая мыльная опера, двадцать второй сезон которого мама упортно досматривала на плоском ТВ.

- Профессор Фридман?

Перед ним стояла девушка с каштановыми волосами, собранными в тугой хвост на затылке; узкое лицо, чуть выпирающие передние зубы и большие черные глаза. Девушка была красивой, но вспоминания не произошло.

- Профессор Фридман, вы меня слышите? Понимаете, что я говорю? Антон, ответьте, пожалуйста!

Из-за спины девушки раздалось ворчание. Через секунду в поле зрения Антона появился полный мужчина лет тридцати, в очках и с бородой. На нем был белый халат, заляпанный на груди бурыми пятнами, похожим на кляксы Роршаха. Мужчина хотел что-то сказать девушке, но потом увидел, что Фридман в сознании.

- Больше ни о чем таком меня не проси, Антон! К хреновой бабушке твои эксперименты! Мы не готовы! Не готовы, и еще долго не будем готовы.

Антон был словно человек, который, выйдя из глубокого,

фатального запоя, обнаружил себя пес знает где в обществе пес знает кого. Люди тебя помнят, а ты их нет. Антон понял, что голова его пуста, как барабан: там, кроме нескольких дурацких детских воспоминаний - мама сидит на стульчике у какого-то сарая и курит, глядя куда-то непонятно куда, а за ее спиной медленно садится солнце, - и собственного имени, нет больше ничего. Приложил усилие, чтобы вспомнить что-нибудь. Снова получились серые холмы, над которыми полыхает апокалиптическое красное небо.

- Фридман, ты понимаешь меня? - обеспокоенно спросил мужчина, подходя ближе. - Знаешь, где ты, кто ты? Дерьмо... Антон. Ответь, пожалуйста. Что ты помнишь? Ты что-нибудь помнишь?

В горле резало, как ножданой бумагой. Антон потер висок холодными дрожащими пальцами.

- Каналродопсин восемь.

- Ну, уже хорошо. Но теперь, правда, снова семь. Восьмерка делает с человеком какие-то дикие ужасы. Ты бы видели, как тут все скакало... Для протокола: я не рекомендую повторять опыт, пока мы не поймем, как стабилизировать процесс. Тем более на людях. С ума сошел.

Антон с трудом, борясь с головокружением, сел на койке. Рядом стоял перегоревший компьютер, покрытый белыми хлопьями пены из огнетушителя. Память возвращалась. Он примерно представлял себе, что и почему здесь произошло.

- Мы нашли что-то... - вдруг, словно решившись, прошептала девушка.

- Ничего мы не нашли! - гаркнул Лапша. - Бред! Тут все скакало, как на сраной дискотеке восьмидесятых. Не грузи его сейчас.

- Что нашли? - спросил Антон, глядя в глаза девушки. Он уже успокоился. С удовольствием отметил про себя, что давно мучившее ощущение неясной опасности отступило. Почти все было хорошо, и это чувство всего долю секунду казалось чужим. Антон закрыл и открыл глаза, глубоко вдохнул и медленно выдохнул.

- Что нашли, Аня?

Если они смогут показать адекватные результаты исследований по роевому интеллекту, все опять станет иметь смысл. Ощущение цели и смысла бодрило.

- Чужой разум. Рой. Он, - сглотнула, быстро посмотрела на Лапшу. - Он здесь, и он здесь давно, история...

- Чушь, - отрезал Лапша. - Ты еще скажи, что реально путешествовал во времени и воевал со страшной воинственной

нейросетью. Ну бред же.

Антон постарался усмехнуться, в сознании всколыхнулась ложная память. Действительно бредовая история. Вдох-выдох. Ускорившееся время, ага. Фридман надел улыбку.

- Анюта, ты не беспокойся, пожалуйста. Все в порядке. Чтобы ты не увидела - это просто игры разума. Слушай.

Совсем прогнать из головы «дурацкую историю» не вышло.

- А что ты конкретно видела? Что вы видели? - Антон повернулся к Лапше. - Может, мы сможем что-то найти, или как? Что думаешь? - Слез с кушетки, размял спину. Все, хватит приходить в себя, нужно работать.

- Мне теперь лучше, а времени у нас и без того не особо. Давайте посмотрим, что можно показать комиссии.

- Вам нужно отдохнуть, - напуганная Анна подалась было вперед, но как будто передумала. - Полежите.

И лицо серое. Такой страх не сыграешь. Удивительно.

- Ань, ну слушай. Сейчас мы со всем разберемся. Мы...

- А давай! - вдруг заявил Лапша. - Чем черт не шутит! Гореть, так гореть! Подключим тебя опять, хрен с вами, и попробуем проанализировать эту дьявольщину. Ведь может быть, не знаю, может быть, это первый контакт? Времени-то у нас все меньше и меньше. Час за два.

Фридман понял, что именно в поведении Лапши было непривычным, застыл и горько улыбнулся. Затем медленно провел пальцами левой руки по запястью правой и кожа стерлась, как краска, обнаружив металлическую конструкцию, покрытую изнутри витиеватым сетевым кодом.

- Ты не получишь мою память, тварь, - сказал он. - Не получишь. Не выйдет. Ни сейчас и никогда.

И все вокруг резко потемнело. Фридман сделал шаг назад, потом еще шаг, и уперся спиной в койку. Лапша и Анна стояли, чуть склонив головы на бок и их глаза светились фиолетовым огнем.

Говорить они стали одновременно:

- Я найду тебя, чужак. Найду и уничтожу!

Потом к двум голосам добавился третий. Непонятно, женский или мужской.

- Внимание, вернитесь в свое время! Внимание - последнее предупреждение! Немедленно вернитесь в свою часть континуума.

Непонятно как, но вот две фигуры срослись. И из этой новой теперь росли еще - ноги, руки, головы. Фридман не мог пошевелиться.

- Вернитесь в свое время!

И жуткий гибрид рванулся вперед.

***

...Сначала что-то гудело, будто бы издалека, а потом ближе и ближе, громче и громче, до тех пор, пока гул не заполонил собой все вокруг. Фридман потерял ориентацию в пространстве и провалился в верхние слои снов.

Он знал, что именно сейчас произойдет. Еще секунду назад не знал, готовился к смерти, полному прекращению стабильности на всех уровнях реальности, а теперь - знал.

Теперь был готов.

Тварь вынырнула из рваной тьмы совсем рядом, огляделась, как будто в этом действительно была необходимость, и бросилась в погоню. Бесполезно было даже попробовать понять, что именно происходит вокруг; сознание заполнили сотни, тысячи, миллионы, миллиарды голосов, сотни миллиардов влажных ртов и глаз. Они орали, говорили, просили, стонали, плакали, звали, молились, выли.

Штука - метаморф, кошмар - представляла собой нечто многорукое и многоногое, находящееся в постоянном изменении. Фридман лихорадочно разобрал ячейки времени, - откуда взялись ячейки времени? - и бросился в одну из них. В висках стучало так, будто кто-то долбил кувалдой в пуленепробиваемое стекло. В последний момент, прямо перед Прыжком, Антон почти физически ощутил удар огненной плетью по спине.

Несколько секунд тьмы. Небытия, отсутствия всего. Фридман и себя опять осознал только тогда, когда снова оказался в реальности.

В реальности жуткая штука не изменилась. Воздух вокруг нагрелся, окружающее пространство пошло волнами. В памяти всплыло дурацкое слово «патрульный». Патрульный времени. Так назвали этих созданий первые исследователи. Они, патрульные - стража, воины порядка. Лейкоциты. Они борются против чужеродных клеток. Они нужны организму.

Они помогают. Ждут. Выслеживают. Отбирают то, что не наше.

Антон рухнул на землю, больно ударившись, перекатился, обдирая кожу, и по инерции встал на ноги. Думать быстрее. Думать быстрее. Нужно думать быстрее.

Розовый изгиб неба над муаровыми холмами. В сумерках рассыпаны десятки помаранчевых квадратов-окон. Пахнет дождем и свежей травой. Злобное рычание позади - зверь рядом. Фридман секунду понятия не имел, где и почему оказался. Порыв холодного ветра немного привел в чувство. Сколько прошло времени? Сколько точно прошло времени? Услышал далекий

крик, как будто кричал совсем маленький ребенок, и бросился наконец бежать. Не тут-то было: патрульный появился прямо перед носом, страшно зарычал, схватил Фридмана за плечи, легко поднял над землей и понесся выше. И выше. И выше.

Через полсекунды Антон оказался не здесь. То есть здесь и не здесь одновременно. Он понял, что все еще в лапах жуткой твари с четырьмя лицами, с пятью лицами, с миллионами лиц, и все еще с бешеной скоростью несется в черное беззвездное небо, и скоро ему перестанет хватать воздуха, и бортовые системы больше не работают, как не работала бы какая-нибудь флешка в непролазной тундре конца восемнадцатого века... Он там и здесь. В черном небе и на кухне маленькой квартиры, в которой раньше жили строители коммунизма. Тут пахнет выветрившимся пивом и протухшей в мусорке едой. Слева тарахтит престарелая стиральная машина, а за столом сидит Лапша.

Антону становится дико холодно. Лапша что-то говорит, будто бы нарочно медленно, растягивая гласные, но слов все равно не разобрать... Останови мгновенье, Фридман. Прекрати это.

Время никуда и ниоткуда не течет. Не нужно ничего останавливать вне, проблема в твоей голове. (Крыша небоскреба, сильный ветер, напуганные глаза Ромашки и твои бесконечные копии, лезущие отовсюду, как зомби; запах гари, треск огня и сирена, страшный вой, из-за которого голова вот-вот лопнет). Заставь все вокруг замереть, Антон, вернись туда и прочти по губам то, что хочет сказать тебе старый друг.

В плечи Антона впиваются острые когти. Это патрульный Прыгает, но выходит так, что они всего-то оказываются в верхних слоях, опять. Секунду-другую сцепившись, вертятся в сине-красно-фиолетовом нигде и опять выныривают на воздух. И падают в бурую вонючую воду. Удар, взрыв брызг.

Фридман теряет ощущение себя; возможно организм подвергся критической нагрузке внимание примите меры необходимо срочно принять меры примите меры. В случае если отключение или перезагрузка системы не будут инициированы носителем, перезагрузка осуществится автоматически через...

Патрульный вытаскивает Фридмана из глубины, и тут ночь разрезает страшный нечеловеческий вой.

- Сашка! - орет кто-то. - Беги!

Демон швыряет Фридмана в кусты, словно тряпичную куклу. Больше ничего не видно и не понятно. Тварь рычит где-то рядом. Сердце как кусок льда. Сейчас все кончится.

Антон закрывает глаза и в ту же секунду чувствует, как мир вокруг изменился: пространство трансформируется, обретая

границы, меняются запахи, исчезает ветер. Все затихает.

- Как ты? - знакомым голосом обеспокоенно спрашивает пустота. - Антон, ты меня слышишь? Антон?

Кто-то быстро касается двумя пальцами его шеи справа, а затем трясет за плечи.

- Антон!

Кое-как разлепив веки, Фридман видит, что над ним склонился... Лапша?

- Шшш... Ка...

- Лежи. Не закрывай глаза. Не закрывай! Не знаю, что именно произошло... Я помню, что ты просил. Не получилось. Я... Я не смог, старик.

Фридман ничего не ответил. Повернулся налево и посмотрел вниз, пытаясь не думать...

- Где моя рука?

- Открутил. Она ведет себя странно.

- Хорошо.

- Ладно.

Фридман тяжело дышал. Все получилось.

***

Лапша уснул под утро прямо за компьютером. Уткнулся в сложенные на столе руки. Сопел и иногда что-то бормотал во сне. Фридман стоял в дверном проеме. Смотрел на старого приятеля и пытался вспомнить, так ли все было в прошлый раз.

Бесполезно - в памяти огромные дырки.

Основная часть плана удалась, вопрос закрыт вроде бы, но выживать Фридман не планировал. Драматическая смерть там, у болота, стала бы отличным финалом. Теперь финал смазан. Антон усмехнулся, сунул в рот сигарету, которую все это время вертел между пальцев, подкурил, выдохнул густой сизый дым. В груди мгновенно перестало жечь.

Синие сумерки. На кривой голой ветке прямо напротив окна сидела жирная ворона. Кажется, тоже спала. (Наверное, ее тоже как-нибудь зовут). Антон кашлянул, поправил куртку, скривившись от резкой боли в культе, и вышел в коридор. Не так-то и просто надеть ботинки, орудуя только одной рукой, которая к тому же дрожит, как у алкоголика. Справился, еще раз оглянулся и вышел из квартиры, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Глава 3

До самой глубокой ночи бродил Цезарь по до боли знакомым тропам среди холмов, да все никак не мог надышаться. Какой здесь воздух! Господи! Какой там был воздух... С утра, опьяненный какой-то нереальной свободой, сунулся в деревню, наткнулся на пастуха Валерку, который через лет десять помрет спьяну в сугробе... Валерка остановился и долго смотрел на Цезаря, жуя травинку и щурясь от солнца. Цезарь повел себя как дурак, конечно, но тоже замер: не двигался и молчал. Показалось, что прошло минут пять, и это выглядело бы ужасно подозрительно и глупо, но Валерка хрюкнул и двинулся вслед за своими коровами, а Ларин понял, что и минуты не прошло.

Просто что-то стряслось со временем.

Ларин видит забор, который дед заставлял красить каждое лето, и мы были все с ног до головы были в синей и красной краске, а в город в августе возвращаться так невыносимо не хотелось... Видит, как из будки выглядывает старый пес Волчок, у которого гниют глаза. Слабый и больной, еле волочет он за собой толстую ржавую стальную цепь. Он отказался жить в доме, выл и скреб когтями полы, просился к себе в конуру, хотел защищать. Больше ничего не умел.

Волчок умрет, когда Ларину исполнится девять. Ларин не почувствует ничего. Вообще ничего. Это странное чувство надолго останется с ним, почти на всю оставшуюся жизнь. Будет кончаться лето, второе пустое лето без Сашки, и старый тополь, растущий прямо посреди двора, заслонит длинной кривой тенью сарай... Волчок лежит и не двигается... Секунда: настороженно поднимает голову, слепо озирается. Нюхает воздух, чует чужого.

Цезарь стоял за забором и смотрел на свой старый двор. Хлопнула дверь летней кухни, и вышла бабушка. Толстая и маленькая, как плюшевая игрушка. В косынке и простом сером платье. У Цезаря ком встал в горле, но хватило сил и мозгов немедленно оттуда убраться. На холмы. Иначе... а что иначе-то?

Бродил, бродил, вспоминал; щедро и беспощадно лилось в голову то, о чем давным-давно позабыл. Узенькая, с худыми коленками, одиннадцатилетняя Лида, которая, даже спустя годы, вызывала у Ларина приступы восхищения. Красные пугающие губы Вальки. Или здоровяк Мамед с безумными глазами. Красными не то со злости, необъяснимой и страшной, не то от «травы». Вот он, под истошные Валькины крики, давит сороку. У

птицы переломаны крылья, ей осталось совсем немного, но она пытается бежать. Не получается. Хрясть. И голова нееестественно вывернута вверх.

Свечерело, зажглись в окнах огни. Ларин сидел на склоне и смотрел на деревню. Хотелось есть и спать. Пирожков бы бабушкиных - откусываешь кончик, а затем ложкой толкаешь внутрь ломоть сливочного масла. И пусть мать споет что-то. Неважно, какую именно песню, пела она что могла, что помнила, хриплым медовым голосом. «Ложкой снег меша-а-а-я»... Глаза слипаются. Поцелует мокро в щеку или в лоб, прошепчет: «Доброй ночи» - и выйдет из комнаты, погасив за собою свет.

Не удержался, встал, легко, как пружина, и пошел через картофельное поле к маленькой, едва заметной в зарослях калитке: там можно подняться по тропе через огород, и выйти прямиком к будке Жука. Жук - это второй дедов пес, совсем маленький, плешивый звонок, а не собака, которого отравит сосед, когда Цезарю будет пятнадцать. Рядом с будкой Жука стоит большой котел, где варят похлебку свиньям, а слева небольшой загон, там ослица Машка, которую отчим, Капитан Золотой Зуб, глупый и надменный, забьет в голодный год уже после смерти деда.

Мысль такая: большинство людей, которые наполняют деревню этим вечером - давно мертвы.

Цезарь пробирается, точно вор, к бане, глядит из-за угла, в будке ли Жук, и тут открывается калитка в главных воротах, только что выкрашенная в ярко-синий цвет, и входит маленький Цезарь в шортах и майке, заляпанной пятнами от ежевики и кетчупа. В той самой майке. Мальчик входит тихо, стараясь, чтобы калитка не издала лишних звуков, он грустный, что-то тихонько бормочет и иногда шмыгает. Большой и небритый Цезарь, прячущийся за баней, вдруг понимает, что в этот момент у него появляется уникальный шанс. Вдруг понимает он, старый и злой, вредный и уставший, как бедняга Жук, что именно этот день может полностью изменить судьбу мальчишки, который идет к двери летней кухни, завидев, что там горит свет. Этого мальчишку ждет много страшного в жизни, но кажется, что кабы он знал, что стало с братом, куда тот делся, то жить не было бы так противно. Это именно тот самый день.

Цезарь возвращается тем же путем, что пришел, идет дальше, на дальние холмы, к вонючей запруде, где обитают злые русалки, которые оглушают охотников специальным звуком.

***

На первый взгляд все в порядке: Сашка со своей палкой наперевес стоит у самой кромки воды и ждет, у него смешное

бледное и сосредоточенное лицо. Тогда, тому, маленькому Цезарю, Сашка казался взрослым и сильным, а теперь Ларин видел перед собой махонького и щуплого ребенка, которому страшно.

- Нет, Барсик, - Саша всегда хотел казаться матерым, поэтому плевался сквозь щель в зубах, курил дедовы окурки и матерился, выбирая самые стыдные слова, от которых у Цезаря горели уши. Ввязывался во все авантюры, какие только ни придумывали его идиотские приятели; однажды Цезарь даже начал подозревать, что они, проклятые друзья, просто используют Сашу, берут на слабо и потом смеются, глядя, что получилось. Смеются не вместе с ним.

- Умирать я вообще не собираюсь.

- Никогда, что ли?

- Вообще никогда! Вот увидишь!

Цезарь усилием воли вернулся в реальность, шагнул было вперед, но остановился. Больше минуты решался он появиться перед братом, подбирал слова, а когда выдохнул наконец, как бы окончательно собравшись с силами... что-то произошло. В воздухе над запрудой появилась вмятина, секунда - вмятина стала глубже, а в следующее мгновенье реальность лопнула, и из черной дыры появился... появилось... Что-то стряслось со звуками и с гравитацией что-то пошло не так.

Два существа, сцепившиеся в смертельной схватке, рухнули в воду. Сашка замер. Цезарь тоже. Укоряя себя за то, что трус и дурак, за то, что сволочь, пытаясь понять, что именно можно делать дальше, он, однако, не мог даже рукой пошевелить. Существа вынырнули, будто выдернутые из глубины огромной невидимой рукой, и тут Сашка метнул свою острую палку. Раздался рев. Одно из существ развернулось, швырнуло второе, - это человек, кажется, это самый обычный человек! - поверх Сашкиной головы в кусты и бросилось на мальчика.

- Сашка! - заорал Цезарь. - Беги!

Ноги, словно чужие, понесли следователя на помощь брату. Успел, закрыл собой, обнял, прижал, но затем в спину будто вонзились острые когти, и его оторвало от земли. Сашка держался за него, не в силах даже кричать от ужаса. Держался. Нет... Темнота.

Тварь перетащила Цезаря и Сашку обратно в сны.

Ларин не знал, что конкретно делает, но почему-то был уверен - все правильно. Оказавшись во сне, он нырнул глубже, на секунду исчезнув из поля зрения демона, и увидел... миллионы треугольных ячеек. Миллиарды их, зарябило в глазах, стало тошнить. Причем физические ощущения были так реальны.

Ячейки кружились вокруг безумным калейдоскопом.

Разорванное время сейчас догонит. Разорванное время сейчас догонит тебя.

Но ты сделал все правильно, Цезарь. Спасибо. Я рассчитывал, что сумеешь его спасти.

- Нет! - кричит Сашка и долго, падая, смотрит на Ларина полными животного ужаса глазами.

Ты ведь успел понять, кто он на самом деле, верно?

Ларин раздимает объятья, теряя брата во второй раз, а потом уже не успевает ничего сделать: тварь хватает его, впивается в плоть жуткими когтями. Цезарь умирает, не чувствуя боли. Тварь, описать которую человеческий язык не в силах, разрывает его на части, словно человечка из пластилина, и поедает. Руку, половину головы слева, плечо. Ларин все видит и все понимает, но ничего не чувствует. Прости, что так получилось, ладно? Я бы дал тебе Луну, собаку, все, как полагается, ну ты знаешь, и даже приходил бы по бледному лучу, но дальше ничего уже не будет. Ждать некого, братишка. Просто знай, что я люблю тебя.

Глава 4

Кошмар сидел на потолке, за все это время став еще больше напоминать огромного уродливого паука, и не двигался. Не двигался с того самого дня, когда увезли папу. Наблюдал и жирел, словно питаясь горем, которым провоняла кваритира.

- Солнышко, родной мой, - мама нервно гладила меня по волосам, целовала в щеки, в глаза, сжимала своими тонкими и неожиданно сильными пальцами мои ладошки. Просила прекратить это. Говорила, что ей больно и страшно.

- Прекрати, пожалуйста, пожалуйста, - того и гляди заревет. - Ты мне нужен, мне нужна твоя помощь, родной. Без тебя я не справлюсь.

И крепко прижимает к себе. Я чувствую запах духов и пота.

- Мама...

Отстраняет, смотрит прямо в глаза. Мне ее жаль.

- Что, солнышко, что, золотой, ты хочешь что-то сказать? Скажи. Скажи. Пожалуйста, не молчи.

- Со мной все в порядке, мама.

- Конечно! Конечно, в порядке!

- Я вижу то, что вижу. Я не сумасшедший. И папа не сумасшедший.

Я говорю «папа», а она слышит пенопластом по стеклу. Папы нет. Папа уехал. Мы два месяца ругаемся, когда разговор доходит до папы. Она не может думать о том, что там делают с папой, поэтому решает вообще о нем не думать.

- Пожалуйста.

Сегодня должны прийти люди из комитета, и мама просит соврать. Мама просит предать папу. Мама просит, чтобы я сказал: «Ничего я не вижу, о чем вы вообще», а по мне, если я скажу так, я скажу: «Мой папа псих, хренов конченный церебрал, я отрекаюсь от него».

Не бывать этому.

- Что «пожалуйста», мам?

На кухне подходит чайник, а еще там что-то варится в котле. Сейчас должна прийти Тараканиха, она обещала помочь маме привести дом в порядок к визиту важных людей. Я ее ненавижу. Она привела кошмара.

- Ты будешь чаю?

- Нет, не буду.

- Пойдем попьем чаю, расскажешь, как дела в школе. Ты мне

ничего не рассказываешь о школе, сынок. Ты должен учиться.

Встает, кривится от боли в боку, напускает улыбку. Теребит мои волосы дрожащей рукой. Еще раз улыбается, и на сей раз, кажется, по-настоящему.

- Пойдем!

Я знаю, что нужно идти. Рассказать, что административный слой - это, в общем-то, здорово, и учиться действительно стало гораздо удобнее, и все эти пикеты и митинги чушь собачья, и, по-моему, люди просто боятся будущего. Нужно пойти с мамой на кухню и попить чаю, закусывая печеньем, сказать ей про соседскую девочку, с которой мы иногда переглядываемся, но я не могу. Не хочу. Не буду.

- Нет, я посижу у себя в комнате.

- Сынок...

- Я просто посижу у себя в комнате, мама, хорошо? Посижу там и подожду, пока придут эти твои серьезные люди. Тебе же важно, чтобы какие-то незнакомцы выписали нам справку о том, что я не псих. О том, что я не такой, как отец?

Не хочу говорить злые слова, но не говорить не выходит. Мама шестнадцать лет жила с папой, шестнадцать лет пыталась убаюкать демона. Так долго, что перестала в него верить. И теперь ей необходима справка о том, что демонов не существует. Да только что делать с той тварью, которая сидит у нас на потолке в зале?

- Андрюша, пожалуйста. Я тебя очень прошу, милый.

- Я посижу у себя, мам.

Разворачиваюсь и ухожу. Разговор окончен.

***

Я подружился с ребятами из параллельного потока потому что сказал, будто моя мать работает в психиатрической лечебнице имени Гиляровского. Лечебницу эту построили всего три или четыре года назад, но создавалось впечатление, что она всегда была там, над пересохшей рекой.

Я сказал пацанам, что моя мать лечит тех, у кого порвался контакт. Они орут и плачут, эти несчастные. Не умеют без сети. Много памяти, непереносимо много, они просят вернуть их обратно, мычат, бьются головами о стены, разбивая себе лбы в кровь. А моя мама, высокая и худая, кожа да кости, женщина с холодными глазами, делает им уколы, осторожно щелкая пальцем по стеклянному пузу огромного шприца.

Не знаю, поверили ли мне по-настоящему, но этой истории хватило, чтобы войти в компанию. А мне не столько хотелось в нее войти, сколько было стыдно, что у меня самая обычная, ничем не выдающаяся мама. Невысокая, не худая, не такая уж и умная.

Самая обычная: не умеет ругаться, не знает «нужных людей». Дед, папин отец, вот уж кто был высокий и худой, с орлиными носом и черными глазами, говорил, что «не уследил». В шутку, конечно, но даже мне иногда становилось обидно. Он, чертов интеллигент, говорил, что Максим, его мальчик, его талантливый сын, уж, конечно, достоин лучшего. У деда тряслась голова, слишком большая на тонкой шее, и это делало его похожим на старую облезлую ворону.

- Сердцу не прикажешь, да? - он улыбался.

Он умирал от какой-то странной болезни, природу которой я не понимал.

Он смотрел на маму и говорил:

- Ну, чем богаты, тем и рады, с другой стороны. Точно, Настя?

Мама сжимала губы в бледную полоску, брала себя в руки, потом улыбалась, просила прощения, и выходила из комнаты. Она никогда не кричала. Не ругала меня, не запирала в комнате, не отказывала ни в чем, пыталась относиться с понимаем ко всем нашим с отцом идеям. Я какое-то время ненавидел ее за это.

Мне хотелось получить взбучку, хотелось сказать друзьям, что у меня строгие родители, хотелось бояться. Поэтому я и придумывал ей самые жуткие профессии, какие только знал. Поэтому я и рассказал новым пацанам, что страшнее моей мамы нет никого, а они за это показали мне баги в Сети. Сказали ни за что не рассказывать матери. Потребовали поклясться.

- Об этом пока никто не знает, когда будут клеить вторую версию, естественно, починят, но пока можно юзать. Смотри.

Сказал Рыжий. Ужасно тощий парень с пигментными пятнами на лице. Он любил всякие разные «крутые словечки». Говорил, что родители его состоят в каком-то городском совете, который, мол, борется с законами об интеллектуальной сегрегации и все такое прочее. Кажется, не понимал и половины из того, что говорил. Но ребятам нравилось.

- Они хотят разложить нас по полочкам, как вилки и ложки в шкафу на кухне. Тебе будет нельзя на мою полку, понял? Они хотят лишить нас права выбора, называют это болезнью.

Мне хотелось рассказать ему, что все эти абсурдные законы, все эти чистки, Стена и даже сама Сеть, все то безумие, которое окружает нас сегодня - это из-за того, что люди убивают таких, как мой папа. Их было совсем немного, воинов света, так бы я сказал - а теперь не осталось. Но прикинул, что Рыжий прицепится к «убили» и скажет, что мой отец жив, и значит, что я вру. Ничего не стал говорить. Это было опасно.

- У тебя какой процессор? В настройках есть такая штука, ты как будто бы переключаешься в режим сна, но на деле можешь

ухватить чужие коммуникации. Понял? Ты спишь и слышишь все, что о тебе говорят. И не только о тебе! Можно взломать процессоры в диаметре до полукилометра!

Помню, что Рыжий мечтал побывать в настоящем зоопарке. Говорил, что животные - это очень важно и зря типа мы не уследили за ними, исчезают и скоро исчезнут вовсе, а потом обязательно настанет конец света. Рыжий исчез после второй четверти - никто не задавал вопросов. Я тоже. Никому из нас ни к чему лишние разбирательства.

- Квантовая теория познания позволяет нам рассмотреть наше сознание с точки зрения психологии и нейробиологии не как компьютер, а как Вселенную, - это И. Регов разговаривает с моей матерью. Я сижу в коридоре и жду ее, а постороннему наблюдателю может показаться, что сплю, уронив голову на грудь.

- На квантовом уровне все решения человека, определяющие его взгляд на реальность, а значит, в какой-то степени и саму реальность, абсолютно предсказуемы. Идеями можно управлять.

И. Регов прочищает горло, некоторое время молчит. Не знаю, что делает, но когда продолжает, голос его странно меняется.

- Приведу пример. Представьте себе троих одинаковых жителей нашего города. Один проспал и не попал в аварию, другой не успел проголосовать, а его голос был бы решающим, и поэтому к власти, положим, пришел ужасный кандидат, это только пример, конечно, все мы знаем, как это на самом деле сейчас работает, - ухмыляется, сволочь. - Но вернемся к примеру. Третий. Третий что, просто свернул не туда и, например, не встретил кого-то, кого обязательно должен был встретить. Девушку. Мать великого художника. Понимаете, как изменилась история? Как ваши повседневные решения, будто бы не имеющие большого значения, меняют мир? Это грубые примеры, но на них проще всего объяснить наш подход. Решение человека порождает ряд социальных взаимодействий, которые превращаются в историю. Вы меня понимаете? Наши идеи создают реальность.

Он говорит вслух, но голоса напрямую я не слышу, очень далеко, и дверь плотно закрыта - я слушаю то, что слышит мама, слушаю ее мысли. Она не понимает ничего. Главное, что ее беспокоит - мое здоровье. Мое психическое здоровье и опасность встреч с отцом в больнице. Я просил о встрече, И. Регов сам предлагал встречу, сказал, что в этом не будет ничего страшного, поэтому я и надеюсь, что все получится, хоть и знаю, что папа скоро умрет. А мама боится. Папу, меня, этого разговора. Всего.

- Есть целая область науки, она так и называется - поведенческая экономика. Она пытается объяснить наши

поступки на психологическом и когнитивном уровне. Например, если вы зададите человеку много вопросов, а потом он будет проходить мимо вазы с конфетами, то он, вероятно, возьмет несколько, потому что утомлен ответами и не может устоять. Понимаете?

И. Регов нарочно путал маму этой галиматьей - хотел подсунуть вазу с конфетами, но мама сопротивлялась. Не то чтобы (ха-ха!) сознательно, а просто закрываясь от него, не желая понимать. Человеком она была приличным и потому не перебивала, но я слышал главный ее вопрос, единственный вопрос, который ее интересовал. Ей, чтобы не сойти с ума, необходимо было каталогизировать свалившееся на нас горе. И. Регов мог в этом помочь.

- Если компьютер в нашей голове может разложить по полочками какую-то часть устройства мироздания, но не понимает всего остального, и все понятное ему доступно благодаря законам физики, на которых также базируется и работа нашего мозга, то получается нечто вроде замкнутого круга, так? Мы разорвали замкнутый круг, Анастасия Сергеевна. Наш когнитивный сопроцессор сделает Вселенную понятной для человека. Но для того, чтобы свершались великие дела, иногда, конечно, нужно...

- Что с моим сыном?

Мама не хочет все это слушать. Набирается смелости для того, чтобы присечь этот словестный понос.

- Объясните, что с моим сыном.

- Ратиоморбия, - говорит И. Регов, выдержав долгую паузу, - так называется заболевание вашего мальчика. Это своего рода вирус, чужие идеи, прочно проросшие в подсознание. Мы изучили данные его сети и видели эти галлюцинации. Хотите взглянуть?

Маму тошнит. Она ничего не хочет. Не будет смотреть на паука.

- Это излечимо?

- Конечно, Анастасия Сергеевна, конечно, излечимо. Сегодня просто не может существовать болезни, метода борьбы с которой не существовало бы. Я поделюсь с вами кое-какими исследованиями в общей сети. Получили?

- Да.

- Изучите, пожалуйста. Мы проведем ряд тестов, а далее можем приступить к интенсивной терапии. Конечно, только если вы дадите свое согласие.

Вот он, самый важный момент.

- Мне хочется вам помочь, Анастасия Сергеевна, но прежде всего вы должны понимать, что происходит и что именно мы

собираемся делать. Вы и ваш сын...

- А контакт... - у мамы скачет давление, учащается пульс, стучит в висках. - Можно ли Андрею увидеть Максима перед отключением? Они могут поговорить? Это не опасно?

Я вижу И. Регова глазами матери: скользкий тип. Ему не нравится то, что его постоянно перебивают. Он пытается продать свои идеи.

- Я бы не рекомендовал, но мы можем что-нибудь придумать... Немного позже. Посмотрите исследования, там есть интересные данные, Анастасия Сергеевна. Мы можем спасти и вашего мужа тоже. Немного откатим конфигурации сознания, например, в состояние ремиссии, и сохраним. И он будет постоянно с вами... гхм... практически живой. Но! Но тут важно понимать, что наука не стоит на месте. Скоро закончатся испытания...

- Хватит. Я поняла. Я все поняла, спасибо.

- Вам спасибо, Анастасия Сергеевна. Я действительно хочу вам помочь.

Мама выходит из кабинета чернее тучи, велит мне молча идти за ней.

- Дома поговорим.

Но дома мы не поговорили. Мама сидела на кухне, застыв, как восковая статуя, и копалась в сети. Кошмар не сдвинулся со своего места. Сидел там, на потолке, кажется, став еще жирнее. Я пошел спать, а утром мама разбудила меня еще затемно и сказала, что сегодня придут серьезные люди. Иди умойся, говорит, бледная, не выспавшаяся, иди умойся и поешь, хорошо, а после мы поговорим. Но мы не поговорили.

***

Отец думал, что сходит с ума. Заскоки. Головная боль. Иногда у него не получалось пошевелить пальцами: он напряженно смотрел на свою руку, отдавая пальцам команду пошевелиться, но те не двигались, рука висела плетью вдоль тела. Еще бывало так. Папа хотел протянуть руку и взять со стола сахарницу, например, но вместо этого вставал.

- Папа, ты чего?

А он смотрит так виновато, и я понимаю, что опорно-двигательный аппарат опять перестал его слушаться. А он улыбается и говорит:

- Сейчас приду, солдат. Вспомнил... кое-что по работе. Нужно срочно сделать. Отдать сегодня до обеда.

- Конечно, пап.

Время половина двенадцатого ночи. Я провожаю его, хромающего на левую ногу, в темноту коридора и чувствую, как

начинает ныть в груди.

Отец думал, что сходит с ума, пока мама не заставила его ходить на собрания в подвале церебральной комиссии. Я был там однажды: нам позвонили и сказали забрать его, так как самостоятельно он передвигаться не мог, слепо шарил руками в воздухе и просил включить свет. Я помню: рядом с папой, аккуратно придерживая его за руку, сидел среднего роста человек с русыми волосами.

- Как вас зовут? - спросил я, когда мы уходили.

- Антон, - ответил человек.

Так я впервые встретил Фридмана.

Тогда я еще не знал, чем все это закончится и что делать дальше.

- Андрей! - зовет мама.

Сидя в комнате в тот, последний, день, я слышал бухтение из коридора. Мама пыталась казаться сильной. Открыла им дверь, пригласила в дом. Была готова на все, чтобы система просто оставила нас в покое.

- Андрей!

- Баланс стабильности, - говорил отец. - Чем лучше я там, тем хуже здесь. Прости, ладно? Ты сможешь меня простить, солдат? Я понимаю, как тяжело вам с мамой, но ничего не могу сделать. Болезнь сожрет меня. Я не хочу рассказывать тебе все эти слащавые сказки. Ты мужчина. Слышишь?

У меня щипало в глазах, а в горле стоял противный ком.

- Да, пап.

- Ты мужчина и имеешь право знать, как обстоят дела. Скоро твоего старика не станет. Меня больше не будет здесь, но я всегда, слышишь, всегда буду тут, - и он коснулся холодным пальцем моего левого виска, - в твоих снах.

Тебя обманули, пап. Теперь я знаю: тебя обманули. Твое сознание оставили гнить в умирающем теле, там, в холодном подвале. Но в день своего самоубийства я искренне верил, что мы встретимся.

Глава 5

Лана практически подбежала, осталось всего каких-то пять-шесть-десять шагов, но двери электропоезда закрылись. Улыбка жутко счастливой наклеенной на поезд девушки показалась насмешливой.

- Блин! - Лана остановилась, уперлась руками в колени, и с плеча у нее соскользнула сумка. - Блин!

Поезд тронулся, а через несколько секунд исчез в черном зеве тоннеля. Стало тихо. Лана вернула сумку на место и прошла к бетонной скамейке, над которой висел огромный рекламный плакат. Села, откинула голову. Бежала от самых турникетов, дыхание выровнять получилось не сразу. Сердце страшно колотилось. Вот вроде и курить бросила, а все равно.

На первый взгляд, на платформе не осталось людей. Но спустя миг с противоположной стороны выкатилась стайка школьников, а сзади по той же лестнице, по которой шла Лана, спустились двое считай одинаковых мужчин: один с рюкзаком за спиной, а второй с черным дипломатом в руке. Мимо прошла скучающая работница станции в красно-синей униформе, а через скамейку под рекламой нового фильма, оказывается, сидела девушка с ржавыми дредами и читала книгу в блестящей глянцевой обложке. В смысле самую настоящую бумажную книгу.

Лана выдохнула и по старой привычке вынула из кармана телефон: мобильной сети нет (ну конечно, тут метров, наверное, триста глубины). Опаздывала она не на полчаса, а едва ли не на полтора.

Горгона опять будет читать эти свои лекции о тайм-менеджменте и ответственности. Тебя же ждут люди, Света, одними губами передразнила Лана, и это люди, которым действительно нужна помощь. Горгона на самом деле была человеком милым, милым и дико, до зубовного скрежета занудным. Высокая и тощая, как швабра, угловатая и грустная, одинокая и всегда будто бы не выспавшаяся.

- Папа, пожалуйста!

Ломающийся мальчишечий голос вырвал Лану из раздумий. Она испуганно повернулась на источник крика и увидела, что на платформу по лестнице спускается еще один мужчина лет тридцати пяти, - что-то в его движениях было такое... странное, - а за ним, не успевая, большими шагами бежит белокурый подросток.

- Папа!

В груди у Ланы отчего-то кольнуло. Мужчина огляделся, будто искал, где спрятаться, потом крякнул и бросился было к краю платформы, но мальчишка догнал.

- Папа! - взял под руку и что-то уже тише зашептал, не разобрать.

Мужчина кивал по-детски размашисто и широко улыбался. Лана облизнула губы... и вдруг, сама себе удивляясь, решила: сейчас или никогда. В один прекрасный день все равно придется опробовать проклятую хреновину. Выдохнула, быстро, больше не думая, вынула из кармана пульт Сингулярности, подключилась и просканировала мужчину.

Мозг: усиленный рост глии, отклонение от нормы количества корковых нейронов во фронтальной коре и поясной извилине, уменьшение размеров миндалины и гиппокампа и увеличение желудочков.

Доброкачественное новообразование в лобной доле.

Сердце: тахикардия.

Мочевыводящая система: нарушение обмена веществ, образование нерастворимых солей в почках.

...Лана быстро отключилась. Такое ощущение, будто голову держали под водой, и отпустили только тогда, когда сил не осталось. Несколько секунд сидела ошарашенная. Внизу живота шевелился будто бы сгусток электрического тока. Новая версия для медицинского персонала церебральной комиссии работает... вот же... Как это работает? Лана ругнулась про себя, убрала палец с регулятора на пульте, бросила взгляд на мальчика и мужчину. Последний успокоился, стоял, опустив голову, и слушал сына, как провинившийся котенок. Лана выдохнула, набираясь смелости, встала, походя глянула на таймер над пастью тоннеля, - еще четыре с половиной минуты, - и пошла к странной парочке.

- Добрый день, - громко сказала она, привлекая внимание. Мальчик оглянулся испуганным зверьком.Тоненький и решительный.

- Меня зовут Светлана Метелкина. Я гештальт-терапевт из церебрального комитета по нашему району. Вы, - обращалась она к мужчине. Блин, подумала, а имя-то посмотреть не успела, вот и дура... - как мне кажется, еще не состоите у нас не учете. Скажите, пожалуйста, не хотели бы посещать наши занятия?

Мужчина поднял взгляд. Мальчик крепко вцепился ему в руку.

- Привет, - сказала Лана мальчику. - Как тебя зовут?

- Андрей.

- Очень приятно, Андрей.

Они оба молчали. Лана ни за какие коврижки не хотела больше подключаться, и потому полезла за визиткой.

Из недр тоннеля появились блики ржавого электрического света. Ни мальчик, ни мужчина никакого интереса не проявляли.

- Возьмите, пожалуйста. Это моя визитная карточка. Позвоните мне или приезжайте, пожалуйста. Или... - тут до Ланы дошло, что если они ждут тот же поезд, то ехать им в одну сторону. - Или поедемте сейчас вместе. У вас найдется время для небольшой беседы?

- Я вам позвоню, - сказал мужчина. - Спасибо за беспокойство. Сейчас все в порядке.

Поезд остановился. На Лану из-за спины мужчины опять смотрела безумно счастливая обладательница билета на «Счастливую Стену». Отец и сын скрылись внутри вагона, а Лана проспала бы и этот поезд, если бы вовремя не взяла себя в руки.

- Блин!

Вошла, посмотрела по сторонам - новых знакомых нигде не было видно.

***

Максим Манохин пришел на собрания сам. Лана и не думала, что он решится. Нашла его в базе, послала письмо, посмотрела историю болезни. Горгона, узнай она, уже проела бы Лане плешь - у него оранжевая карта, как ты можешь, так нельзя относиться к своим обязанностям. Он обязан прийти. У него просто нет выбора, но Лана была уверена, что выбор есть всегда. Не это ли основа церебрального права, если разобраться?

- Добрый день, друзья!

Лана огляделась. Участников было меньше, чем обычно.

- Спасибо, что пришли. Прежде чем мы начнем нашу беседу, я хотела бы представить вам новых членов нашего маленького клуба. Максим, встаньте, пожалуйста. Не хотите рассказать о себе?

- Нет, - ответил Манохин. - Не сейчас.

- Хорошо. Максим пришел к нам по собственной воле, без постановления. Максим, спасибо, что решились. Это здорово.

- Вам спасибо, - буркнул он и сел на свое место. Лана огляделась, улыбнулась и стала хлопать в ладоши.

- Аполодисменты, друзья!

По залу прокатились вялые шлепки.

- Идем дальше. Это Ренат и София. Здравствуйте. Встаньте, пожалуйста. Не хотите рассказать о себе?

Ренат и София держали друг друга за руки, им как будто было тяжело расцепиться, но Ренат все-таки встал. София осталась сидеть, бледная и напуганная.

- Можно мы тоже немного позже? - огляделся. - Мы тут впервые, ну и, вы понимаете... Если... Если можно, конечно.

Смотрел прямо на Лану, не отрываясь, молча, и не садился.

- Давайте так, - сказала она, и опять попыталась дружелюбно улыбнуться. - Садитесь, пожалуйста. Я расскажу, чем мы здесь занимаемся, и мы перейдем к беседе. Хорошо?

Еще раз огляделась. Ренат сел. Подопечные ждали.

- Итак, начнем. Как вы, возможно, знаете, квантовая теория познания позволяет нам рассмотреть наше сознание с точки зрения психологии и нейробиологии не как компьютер, а как Вселенную...

После беседы Максим не ушел сразу, что тоже хороший знак, а некоторое время стоял у стола с кофе и булочками, беседовал с Фридманом. Лана решила подойти и попробовать наладить контакт. Работа в Сети у нее пока не получалась, - ведь можно как-то не подключаться, внешние устройства тоже прекрасно функционируют, - и коммуникации поэтому в последнее время хромали. Нужно наверстывать, а то однажды окажется, что вся группа в сети, а ты стоишь и ничего не можешь понять, как неандерталец.

- Антон, Максим.

- Светлана, добрый день.

Фридман выглядел плохо. Создавалось впечатление, будто или не спал неделю, или пил. Фиолетовые круги вокруг глаз, красные капилляры. Еще, кажется, от него довольно сильно воняло потом.

- Как вам, Максим, нравится у нас?

- Да, наверное. Вы давно здесь работаете?

- Полтора года.

- О, прилично. И сколько людей излечилось?

Лана собралась что-то сказать, но осеклась.

- Эм...

- Ну, сколько вышли отсюда здоровыми, закрыли гештальт, победили болезнь? Есть какая-то статистика, может быть?

- Пока такой статистики нет, - Лана улыбнулась. - Но если хотите, я ее для вас составлю.

- Составьте, пожалуйста.

Больше они разговаривать намерены не были. Как странно все получилось, неприятно.

- Хорошего вечера, друзья.

Но дальше отношения у них складывались неплохо. На одном из собраний Максим даже разоткровенничался, рассказал о проблемах с сыном. Рассказал о своих галлюцинациях. Сказал, что хочет бороться. Они, Антон и Максим, часто приходили и

уходили вместе, нашли общий язык, что тоже не могло Лану не радовать. Если быть честной с собой, думала она, эти собрания нужны не для того, чтобы научиться двигать горы силой мысли... Затем сверху сообщили, что дело Манохина закрыто.

- Как вы, Антон?

Фридман слепо смотрел на Лану несколько секунд, а потом будто бы только увидел.

- Что?

- Я спрашиваю, как вы себя чувствуете?

С того дня, когда Максима отключили, прошло чуть больше трех недель. Лана не спрашивала, в курсе ли Антон о том, что стало с сыном Максима, и поэтому сейчас не понимала, что еще можно спросить.

- Хорошо, - горько усмехнулся тот. - Нормально. Насколько позволяет ситуация. А что?

- Ну, вы несколько раз пропускали беседы. Я думаю, что нам с вами сейчас важно не потерять тот результат, которого вы сумели достичь. Я понимаю, что...

- Что?

- Ну, ваш друг.

- Да, моему другу ваши занятия не помогли, док. Они ведь вообще никому не могут помочь.

- Ан...

- Слушайте, а можно вопрос?

- Да, конечно.

Фридман некрасиво закусил нижнюю губу.

- Представьте себе, будто вы знаете, что произойдет завтра, послезавтра, через неделю или через сто лет. Представили?

Лана была удивлена.

- Положим.

- Я имею в виду не какой-нибудь апокалипсис или типа того, понимаете, я говорю о вас и ваших близких. Представьте, что познакомились с парнем, влюбились и вдруг поняли, что через месяц, день, или год, или через десять лет его собьет машина, убьет током, загрызут собаки, не знаю. Что ваш с ним ребенок родится без мозга. Вы это точно знаете, но также и помните ваше будущее между точками А и Б.

- Антон, я не понимаю, к чему это. Вас беспокоит что-то конкретное?

- Да, мне нужен конкретный ответ на конкретный вопрос. Мне интересно ваше мнение, док.

- Ну...

- Погодите, я же не закончил еще. Вы меня поняли? Между точками А и Б у вас счастье, после точки Б все пойдет по плану,

Титаник объедет айсберг, но парень, красивый, умный и с голубыми глазами, умрет в мучениях. Представили? Что вы сделаете? Вам нужно убить человека, не своими руками, как там у вас это было, кнопкой, заочно, вы пойдете на такой шаг, Лана?

- Нет, не пойду.

- Хорошо, - Фридман на секунду задумался. - Спасибо, Лана. Для меня это важно.

***

Лана в последнее время постоянно думала про Фридмана. Про его острые скулы и вообще какие-то волчьи черты лица. Вспоминала некоторые обрывки своих с ним разговоров, заново отыскивая что-то в его словах... Тут же одергивала себя, ругала и виновато думала о Диме.

Дима был хорошим парнем. Ласковый, заботливый, правильный. Обычный, среднестатистический. Из простой рабочей семьи, без амбиций. Разве что в детстве, говорил, хотел работать в зоопарке или цирке, безумно любил животных, но даже здесь не сложилось. Не судьба... Димка искренне хотел, чтобы Лана стала частью его семьи.

- Дим, - Лана поджала губы, в груди стало жечь, - ну как я вот просто так возьму и поеду? Твоя мама - ладно, но там и дядя, и племянница. Я никого не знаю, неудобно как-то.

- Ничего неудобного! - настаивал Дима. - Что неудобно-то? Они моя семья, и ты моя семья. У меня...

На самом деле все мысли Ланы в последние две недели были заняты ситуацией в центре. Фридман не явился на два занятия. Не отвечает на звонки, не открыл волонтерам дверь. Горгона в ярости.

- Свет, ну что? Поедем? Мне просто дядьке нужно сказать, ну, ты понимаешь. Едем или нет. Он у меня в полиции работает, такой мужик, без или-или. Тебе он понравится, клянусь. Ну он с заскоками, но ты не обижайся, ладно?

Лана отвлеклась от своих мыслей.

- Что?

- Я говорю: едем или нет?

- Да-да, едем.

- Отлично!

У Димы горели глаза. Внутри Ланы был сквозняк.

Глава 6

Решение далось мне чрезвычайно легко. Можно даже сказать, что секунду назад не было никакого решения, а потом я встал, замер на секунду, пытаясь на прощанье услышать какую-нибудь случайную фразу из кухни, ну, типа «хороший мальчик» или какое-нибудь «не смейте». Ничего не услышал, подошел к окну, открыл, забрался на подоконник и прыгнул вниз.

Шестой этаж. Очевидно, был риск, что только ноги себе переломаю и доставлю маме еще больше проблем, но нет - все прошло удачно. Полетел вниз головой, инстинктивно (и нелепо) выставив вперед руки. Хрустнуло в локтях, звук такой, будто сломали сухие ветки. Я не почувствовал боли, а еще через мгновенье свернул шею и выключился.

И Андрея не стало.

Папа говорил: постоянные. Люди, которые умерли и попали в Город. Они теперь будут служить эльфам вечно. Звучит неприятно, да, но на деле все ровно наоборот. Вечная жизнь в мире, которым ты управляешь. Это же круто! Ни старости не будет, ни болезней. Можно вообразить кого угодно и заставить его делать что угодно!

- Тело и сознание умирают с разной скоростью, - говорил папа. - Пока пройдет несколько минут и твой мозг отключится, легкие скукожатся, а сердце перестанет гонять кровь, суперэго - сверх-я - сможет прожить несколько сотен жизней. Миллионы лет. Чтобы не уйти раньше времени, растворившись в нелепой черноте, нужно четко понимать, куда ты хочешь попасть. Кто-то попадает в рай, кто-то, из-за неполноценности и чувства вины перед неизвестно кем, отправляется в огненный котел, кто-то искренне считает, что начинает жизнь заново, в своем ли обличье или в виде камня у дороги.

- А как же бог? - спросил я тогда. Все что я помню о папиных родителях: бесконечные разговоры про бога. Господь то, боженька это. Папа всегда просил меня не слушать, а иногда отправлял на улицу, или в другую команту, и ругался со стариками.

- Бог?

Была зима, мы сидели в зале, за окном бесновалась злая манная каша, истошно выл ветер, а дома было тепло, пахло апельсинами и ароматическими свечами. Мама спала. Мы с папой смотрели какой-то фильм на старом телевизоре, а когда расхлопнулась обязательная реклама Сингулярности, выключили

звук и решили поговорить. Точнее, папа решил, он давно хотел что-то обсудить, нужно было, но в очередной раз не смог перейти к делу.

- Бог только здесь, - он осторожно коснулся указательным пальцем моего виска. - Ну, если есть. У каждого свой бог.

- А как так... Я...

Я не вполне понимаю, что хочу спросить и долго молчу, глядя на папу. Мне хочется, чтобы он не был сумасшедшим, но тогда еще кажется, что так оно и есть. Я ненавижу себя за это.

- То есть там, в Городе, живут люди, которые умерли... умирают, так? Прямо в момент этой своей жизни... там...

- Время ничего не значит. Каждый день кто-то умирает.

- А умерев здесь, они исчезают там?

Папа протянул руку, взял со стола полупустой стакан с чаем, поднес к губам и отпил.

- Нет.

- А... - страшно хотелось спросить что-нибудь еще. Такое важное, без чего нельзя было пойти спать, но мыслей у меня не было. Зудело внутри, просилось наружу, но страх перед определенностью взял верх.

***

...Кровавое море - маковое поле от горизонта до горизонта. Огромный дрожащий в желтом мареве диск раскаленного солнца, медленно заползающий за горизонт. Полупрозрачное розовое... багровое... фиолетовое... небо без облаков. На фоне солнца - высоченная черная башня.

Я выхожу из ниоткуда и иду к башне. Земля под ногами горячая, твердая. Мне кажется, что все это составляет смысл моего существования в последнюю тысячу лет. Я всегда выхожу из ниоткуда и иду к башне. Хочу спасти принцессу. Поднимусь по винтовой лестнице, вышибу дверь в темницу и возьму принцессу себе.

Посреди маков по дороге до башни меня встречает высокий и худой человек в белой одежде вроде комбинезона.

- Андрей Максимович, добрый день.

- Добрый.

В голове с ревом и стуком, как будто бы начинает работать какой-то ужасно старый и громадный часовой механизм, складываются кусочки прошлого.

- Мы рады приветствовать вас. Скажите, вы хотели бы служить Городу, как ваш отец?

«Нет», - говорит что-то у меня в голове отцовским голосом.

- Да, - отвечаю я. - Да, отведите меня к нему. Он меня ждет.

- К сожалению, сейчас это невозможно. Но есть и хорошие

новости, - уголки губ человек дернулись. Жутко, бужто это было кожанная маска, которые жила отдельно от настоящего лица. - Теперь вы приняты на службу. И опять попытался улыбнуться. Как улыбался бы робот, если бы пробовал научиться выражать хоть какие-то эмоции.

Окружающее пространство незаметно изменилось. Мы... шли по улице вниз головой, а вокруг была голодная, слепая чернота космоса. Город, - а ведь это и есть Город, так я рассудил, - представлял собой сложную систему постоянно вращающихся колец, на внутренней стороне которых росли здания и ходили люди. О реальных его размерах мне было сложно судить. Скажу «огромный» - и ничего не скажу.

- Куда мы идем?

- Подождите, - сказал мой провожатый не оборачиваясь, а я только в тот момент понял, чего не хватает внутри - страха. Я совсем не боялся, это расстраивало.

- Сейчас я расскажу вам о правилах.

***

Снам нужно расчищать дорогу. «Регулировщик» - неправильное слово. Я бы лучше сказал «мусорщик». Сон может «нахвататься» осколков чужих снов, и человек, который его видит, изменится. Эти изменения будут заметны не сразу, но в конце концов станет поздно. Чужие идеи и страхи, чужие кошмары и желания. Ратиоморбия. Сны не должны сталкиваться, перемешиваться, прорастать друг в друга. Нет, регулировщик все-таки правильно.

Нет - санитар.

Хочется оперировать словами «тогда», «теперь», «сейчас». Для того чтобы проговорить происходившее со мной в Городе, я честно пытался подобрать слова из человеческой лексики, но не получается. В языках людей все привязано ко времени.

Эта игра такая: попробуй рассказать о чем-нибудь в одном-двух предложениях, не используя время. Не выйдет, спорим?

Я видел миллиарды, сотни миллиардов снов, в каких-то было интересно, в каких-то странно или страшно, непривычно, неприятно, противно, горько. Я проживал их, переставая понимать, что я это я, то есть какое-то отдельное от них сознание, я становился частью их снов, ваших снов, персонажем с лицом коллеги, порноактрисы, любимого певца, начальника или случайного прохожего. Они хотели меня, ненавидели, боялись, побеждали и насиловали. А я учился. И задавал вопросы.

- У сна нет времени, - говорили постоянные. Они все похожи, как братья-близнецы, но я, наверное, не смог бы утверждать, что это всякий раз был один и тот же. Хорошее слово «они». Пусть

будут они.

Они не могут ответить, откуда взялись эльфы. Говорят, что это неважно для понимания устройства Вселенной.

- Почему мы не видим их? - спрашиваю я. - Почему они не приходят?

- Они приходят, - говорит постоянный. - Ты их видишь.

- Глупо. Я говорю о настоящем контакте. На самом деле никто и никогда их не видел. Где они, как их найти?

- Это неважно.

Но мне кажется иначе. Мне кажется, что это важно.

- Они из будущего, эти... странники, или кто они там? Народ. Эльфы. Тьфу, сколько дешевого пафоса! Они прибыли, чтобы чему-то научить нас? Тогда почему же не учат?

- Конечно же учат, Андрей. Все, что мы знаем, и все, что знают люди - это дар Народа. Кроме разве что дешевого пафоса.

- Вы же понимаете, о чем я. Почему они не покажут нам, как именно работает эта штука? Мы должны знать.

Постоянные уводили тему, право слово, как дети. Или нет, как взрослые, которые недооценивают ребенка, считая, что он чего-то не может понять. Что ему рано, что ему не нужно понимать. Большая ошибка.

***

В один из дней - на земле было холодное, дождливое лето, середина июля - я опять пришел к маме во сне. Это была моя слабость, хотя постоянные говорили, что навещать существ из базовой реальности опасно.

- Андрюша!

Она улыбалась, как улыбается тяжелобольной человек, которому на некоторое время стало лучше. Который знает, что эта ремиссия - последняя.

- Привет, солнышко, - тянет руку, касается моего лица дрожащими пальцами. - Как ты там?

- Все хорошо, мама.

- Я скоро приду, мальчик мой. Скоро мы будем вместе, сынок.

Она просыпалась в слезах. В эти несколько секунд, а когда и минут, в промежутке между сном и явью, я все еще мог за ней наблюдать. Она бледной тенью шла по пустой и холодной квартире: на кухню или в ванную комнату...

...В один из дней того лета, когда все началось, я вернулся. Кошмар никуда не делся: тварь стала огромной, в половину потолка, проклятый жирный черный паук-вампир. Я просил у постоянных убрать его, вычеркнуть, вырезать, стереть, уничтожить. Что он там делает? Чего ждет?

- Почему? Почему все должно быть так? Чего именно ждет эта

штука? Что ему нужно в доме моей матери?

Постоянный долго смотрел на меня, а потом, будто поняв что-то, мне неподвластное, улыбался и лениво отвечал:

- Это часть плана. Так нужно.

Никогда не говорите мне, что «так нужно». Никогда.

- Чьего? Чьего плана? Что это еще за план?

Проклятые зомби смотрели на меня так, будто никогда мне не станет известно столько, сколько известно им. Не потому что они не хотят, а потому что сознание мое, неизлечимо людское и, конечно, донельзя примитивное, не сможет это «сакральное» нечто осознать.

- Уберите это от моей матери.

- Нет.

- Уберите это от моей матери, или я найду способ убрать сам!

- Невозможно быть несогласным с восходом солнца, Андрей. Правильно? Если мы будем говорить в категориях, к которым вы привыкли. Бороться с вращением Земли - глупость. План - это часть живого, часть Города и часть вас, Андрей.

- Уберите. Это. От. Моей. Мамы.

Они не убрали. В один из дней того лета, когда дожди лили недели подряд как проклятые, а по мрачным узким улицам за окном, сжимаясь и дрожа от холодного ветра, брели одинаковые серые люди, мама проснулась от страшной головной боли. Она давно, с самой моей смерти, не ходила ни на какую работу и, мало ела, постоянно спала. Я хотел успеть прийти еще, в самый последний раз, и, может быть, решиться сказать то, чего не успел: мама, я тебя очень люблю. Мама, мне тебя страшно не хватает, я был дурак, что ушел в свою комнату, будь она проклята, я бы все отдал чтобы побыть с тобой еще немного, просто посидеть и послушать, что и как у тебя там на работе.

- Мама! - ору, но она меня уже не слышит. И никогда больше не услышит.

- Мама! Мама! Мама!

Глава 7

Сердце как будто бы разорвали пополам, как ненужную бумагу. Лана подняла глаза, стараясь не выдавать волнения.

Он - один из пациентов. Никакой не особенный.

Фридман пропал, и его нужно найти. И все. Сознание, как злая ревнивая подруга, немедленно подкинуло в голову обеспокоенное Димино лицо: ведь поговорить им так и не удалось. Точнее, возможность была, было десять миллионов возможностей, но бедный парень смотрел на нее такими глазами... ну, такими... Лана так задумалась, что не расслышала последних слов Горгоны.

- Что вы сказали?

Горгона, в последние дни ставшая еще более бледной, с нездоровым румянцем на впалых щеках, спокойно повторила адрес полицейского участка, в котором, по ее информации, держат Антона.

- Ты куратор, - сказала она. - Ты должна поехать.

- Конечно, конечно...

Лана протерла глаза пальцами, как уставший ребенок. Страшно хотелось спать. Отделение психологической помощи реформируют, нужно было собрать и сдать отчеты по исследованиям. Если честно, в том, чтобы ехать и спасать Фридмана из полиции, особого смысла уже не было. Пара-тройка дней - и центр прикроют. Распоряжение сверху. У них там какие-то новые идеи, которые на этот раз обязательно и непременно всем помогут... На кой ляд тогда нужно сдавать отчеты? Тем более что из головы не идут увалень следователь и идиотский Фридман со своими волчьими скулами.

- Конечно.

Лана вздохнула. Было странно вот так вот спокойно спускать в унитаз результаты работы за год, но ничего не поделаешь. Так все устроено и всегда было устроено.

- Алина Борисовна, дайте мне, пожалуйста, немного времени, я кое-что закончу и поеду. Ладно?

Видимо, что было в ее голосе, потому что Алина Борисовна изменилась в лице.

- Ты молодец, - сказал она. - Ты большой молодец, Света. И большой профессионал. Знаешь, я рада была с тобой познакомиться. И работать с тобой - одно удовольствие.

- Я никуда не уезжаю, - Лане стало неудобно. - Будем... будем

на связи в Сингулярности, вы там есть, вас подключили?

Вопрос, казавшийся Лане невинным, заставил лицо Горгоны опять почернеть.

- Съезди, пожалуйста, - бросила она сухо. - Сегодня обязательно нужно поехать. Он ждет помощи. Мы должны помочь.

Дальше Лана разбирала истории как во сне. То есть смотрела в какие-то отчеты, данные, читала что-то, сохраняла себе в память, но ничего не понимала. Вообще ничего. Как будто буквы, слова и смыслы перестали иметь какое-либо значение. Прошло два или три часа; руки устали, голова болела, сказывались дурацкие выходные. Как будто слетала в прошлое и нахваталась какого-то советского дерьма.

- Ладно, - сказала она сама себе. - Нужно ехать.

Старалась казаться более серьезной и безразличной. Старалась сделать так, чтобы ее забота выглядела не больше, чем профессиональный навык. Ничего личного. Ехала, сосредоточенно глядя в окно, и ничего там не видела.

- Знаете...

Фридман выглядит... странно, не так, как раньше. Лана не смогла бы объяснить, что именно изменилось в облике парня. Глаза потускнели, щеки впали, но он в то же время как будто бы стал взрослее, крепче. Складывалось впечатление, что он видел что-то... что-то такое, что меняет тебя навсегда. Как смерть.

Говорит:

- Я прибыл сюда из будущего, понимаете, примерно из шестьдесят восьмого года. Две тысячи шестьдесят восьмого.

- Вот как? - усмехается мерзкий Димкин дядя. Сидит, важный, как будто сегодня кому-то вообще есть дело до органов правопорядка. Стокилограммовый кусок прошлого.

- Ага, так точно.

Фридман смотрит на Лану так, будто видит впервые.

- И Антон из вашего времени - это действительно другой человек. И я его правда не смог найти, просто думал, что кое-какие технологии, понимаете, технологии будущего, еще работают и я смогу запрограммировать ваше сознание таким образом, чтобы вы считали, что я говорю правду насчет близнеца. Насчет чего угодно. Глупо вышло.

- Антон, - не выдерживает Лана, мгновенно берет себя в руки. - Как видите, - оборачивается к Ларину и собирается сказать, что он узурпатор и тиран, дурак и...

- Я шучу, извините, - нелепо улыбается Фридман, и тут его словно подкашивает.

- Я его забираю! - кричит Лана, ей страшно даже смотреть на хозяина кабинета, но не смотреть нельзя. И Цезарь Геннадьевич,

что удивительно, отводит взгляд первым.

Фридман бубнит что-то в бреду. На улице темно и страшно холодно. Лана успевает подумать, что в тот момент, когда она входила в участок, был яркий светлый день. Было страшно жарко, и как так...

- Антон!

- Я сейчас. Мне нужно.

Он плетется, как пьяный, а спустя секунду, за которую Лана не успевает сформулировать мысль, ее накрывает неприятная шевелящаяся темнота.

***

В самый первый раз было больше непонятно, чем страшно. Лана смотрела на Манохину и думала, что все это какая-то странная ошибка. Как в плохом дешевом кино.

- Где мы?

Жена Максима, неестественно худая, с жуткими черными глазами, возвышалась над привязанной к стулу Ланой и молчала, тяжело дыша.

- Анастасия, это ваш дом? Мы в вашем доме? Где мы, Анастасия?

Раньше Лана видела эту женщину всего дважды и не могла вспомнить голоса, повадок, особенностей речи, психометрик. Ничего. В тот момент, сидя пес знает где, голодная и напуганная, Лана впервые в жизни, пожалуй, пожалела о том, что не подключена... полностью.

- Ты была с убийцей, - выдохнула наконец Анастасия. - Я не могу понять, что происходит. Я не могу понять. Не могу понять. Я... Их много. Они повсюду. И знаешь...

Молчит. Долго и молча глядит в стену над головой Ланы, будто превратившись в восковую фигуру.

- Анастасия?

- Что? Где я? - испуганно оглядывается, а потом глаза опять темнеют. - Ты убийца!

Смотрит на Лану в упор, да так, что ту пробирает дикий, животный ужас.

- Если ты с ними, значит, ты тоже убийца. Ты сказала им убить моих мальчиков. Ты им велела. Ты виновата.

Она говорит так, будто в первую очередь пытается убедить в этом саму себя.

- Настя, - Лана старалась говорить спокойно, как учили. - Объясните мне, пожалуйста, что случилось. Почему вы считаете, что я в чем-то виновата?

Манохина огляделась.

- Максим все знал, понимаешь? Все знал. Он готовился. Он

знал. Он видел вас всех насквозь.

В помещении пахло ржавчиной и потом. У Ланы сильно затекли руки.

- Что мне делать? - спросила Анастасия. - Что мне делать с ними?

Но Лана не успела ответить: Манохина с размаху, что было сил ударила ее по голове рукояткой ножа. Во второй раз рядом на стуле оказался Антон. Лана плакала. Дышать было тяжело. Кажется, она простыла.

- Анаста...

- Заткнись и посмотри. Посмотри на него. Ты видишь?

Не спорь с сумасшедшими. Никогда.

- Вижу, - Лана шмыгнула. - Я вижу.

- Что ты видишь?

Анастасия низко наклонилась и ее лицо оказалось в сантиметре от лица Ланы.

- Кого ты видишь?

- Это... - главное не начать плакать, не плакать, - это Антон Фридман.

Опять боль и темнота. В третий раз все повторилось. Лана опять пришла в себя, - на сей раз чуть раньше, пока Манохина волокла ее на кухню, - огляделась и увидела Антона.

- Ты видишь? - спросила Анастасия.

- Да, Настя. Да, я вижу.

- Кого ты видишь?

- Анастасия...

- Кого ты видишь? Кого!?

Лана помимо воли бросила взгляд на связанного Фридмана. В прошлый раз, кажется, он выглядел более уставшим...

- Я не...

- Кого ты видишь!? - завизжала Манохина. - Ответь мне, ответь, кого именно ты видишь. Кто это?

- Это Антон Фридман.

Манохина улыбнулась, жутко, медленно растянув почти бескровные губы.

- Фридман... Фридман...

Сделала шаг назад и... растворилась в воздухе, оставив после себя ошметки черного дыма. Лана сидела и смотрела на то место, где только что была сумасшедшая, и больше не была уверена, что здесь только одна сумасшедшая. Сидела и смотрела.

Не было сил ни плакать, ни говорить, ни думать, ни, кажется, дышать. Сидела, тупо глядя в никуда, до ужаса боясь повернуться. Вдруг Фридман тоже стал черным дымом. Или проснулся. Или... Но в какой-то момент нервы и усталость взяли свое, и Лана

провалилась в вязкий сон... Увидела смеющихся одногруппников; это зима, поздний вечер, медовый свет фонарей, дым сигарет. Они смеются, как гиены. Смотрят на нее и смеются. И смеются, и смеются...

- Посмотри на меня! - орет Анастасия, и тревожный сон тает, рвется на лоскуты. - Ты кто такой?

Лана открывает глаза.

- Я еще раз спрашиваю!

Фридман не спит. Он привязан к стулу.

- Ты кто такой?

- Антон... - шепчет Лана, а потом оборачивается и видит, что к другому стулу привязан другой Фридман, а к еще одному - Цезарь Геннадьевич.

Он-то здесь каким боком?

- Кто ты такой?

Женщина подошла, схватила Фридман за волосы, оттянула голову и приставила нож ему к горлу.

- Я Антон, - выдавил он. - Я просто Антон.

- А он кто?

Лана автоматически смотрит туда, куда Манохина показывает рукой.

- Тоже Антон.

- Я тебя убью, - вздыхает Анастасия, - а следом убью их всех. Почему вас двое? Почему вас трое?

- Анастасия, - начала было Лана.

- Заткнись! Заткнись! Заткнись! Вы убили моего мальчика, - выдохнула она.

- Все вы. Вы все виноваты.

Лана плохо поняла, что именно произошло дальше. Манохина опять исчезла, а Фридман требует что-то, говорит какую-то чушь про путешествия во времени, а потом Цезарь Геннадьевич встает, каким-то образом развязав веревки, что ли... как он... Нет-нет, ничего удивительного, не мудрено, с такими-то ручищами... и вытаскивает их, Лану и Антона, на поверхность. Оказывается, что они были под землей. Там, под землей, провиант и ремонт. Такие бункеры строят, когда ждут войну. Или для съемок фильма.

- Идемте, времени все меньше!

Цезарь Геннадьевич ведет себя странно.

- Эта... То, что когда-то было моей матерью, теперь представляет серьезную опасность. Она... моя бедная мама устала...

- Мама?

Лана пытается понять хоть что-нибудь, уцепиться хотя бы за

одно слово, которое не звучало бы безумно.

- Патрульный времени. Эти существа живут только во снах. Но что делать, если жертвам нет необходимости спать? Надеюсь, той памяти, что я успел украсть, вам на первое время хватит. Спасибо, Антон. И... извините, что... Я старался как мог и пришел бы раньше...

Опять встрепенулся, как напуганная птица.

- Если бы не зубная боль.

- Чего?

- Неважно. Некоторое... хе-хе... некоторое время я для вас выиграл. Хотя теперь понимаю, что придется пожертвовать вами обоими.

- Пожертвовать?

Лана смотрит на Цезаря Геннадьевича.

- Не вами, Лана. Вы - триггер. Благодаря вам все и получилось. Я не знаю, что... что или кто там конкретно, и не смогу пойти с вами, они скоро обнаружат мое отсутствие. Корабль не нужен, Антон. Если вы об этом спрашивали. Никому не нужен никакой корабль.

Цезарь что-то говорит Антону на ухо. А затем... Затем хлоп - и в воздухе на том месте, где он только что стоял - султан серо-белого дыма.

- Что происходит?

Фридман смотрит на Лану так, будто только что понял, что и с ней нужно что-то делать.

- Нам предстоит путешествие, Лана.

- Что... Какое... Что происходит? Что произошло, какого...

К горлу подступают горячие слезы.

- Какого!

- Дай мне руку, пожалуйста.

Вокруг - сиреневая перед рассветом степь. Лана мелко дрожит от холода.

- Мы...

- Дай мне руку, ладно?

- Я...

- Просто дай мне руку.

Лана делает нерешительный шаг вперед и протягивает руку. Он берет ее мокрую от пота ладошку своими горячими пальцами, сжимает.

- А теперь закрой глаза.

Лана повинуется.

Глава 8

Город захлопнулся, как капкан. Жизнь замерла. Сны притихли, попрятавшись, и осталась только голодная бездна. Потом исчезли точки опоры. Секунду или две я действительно думал, что могу куда-то откуда-то падать. Странно, но тот факт, что я нигде, придал сил и решимости.

Меня нет. Я умираю там, среди жухлой черной листвы под окнами, среди окурков от сигарет и дерьма, лежу и, хрипя, как выброшенная на сушу рыба, слепо смотрю на кривые ветки деревьев. Не слышу ничего и больше ничего не чувствую. Или я мертв: переломанное тело запихали в мешок, свезли в морг и закрыли в холодильнике. Теперь эта куча мяса лежит там и гниет. Меня не существует, а значит, сразу четверо постоянных, окруживших меня со всех сторон (ха-ха - «сторон!»), ничего не смогут мне сделать.

Только языкам молоть герои.

- Уважаемый Андрей, - начал тот, что «стоял» прямо напротив, - мы настоятельно рекомендуем вам прекратить дестабилизующую деятельность. Кому, как не вам, должно быть яснее всего, что агрессия подобного рода непродуктивна. Результат невозможен.

Они говорили, как запутавшиеся в скриптах роботы. Говорили одно и то же. Один за другим.

- Вернитесь, пожалуйста, к своим обязанностям.

Сознание мое хотело сформулировать что-то типа: «я не знаю, сколько прошло времени» или «через некоторое время». Или «в какой-то момент». Сознание мое, все еще человеческое, постоянно цеплялось за время.

Время - важная хренотень.

- Уважаемый Андрей, - сказал тот, что стоял сзади, - мы настоятельно рекомендуем вам прекратить дестабилизующую деятельность. Кому, как не вам, должно быть яснее всего, что агрессия подобного рода непродуктивна. Результат невозможен.

- Вернитесь, пожалуйста, к своим обязанностям, - подхватил тот, что был справа. - Ваше бездействие угрожает стабильности во всех реальностях.

- Надеюсь, вы понимаете, - сказал тот, что был слева, - что сейчас у нас с вами дефицит кадров по контролю за сновидениями с человеческой стороны.

- Ваше бездействие угрожает стабильности во всех

реальностях, - повторил передний.

Я не мог ничего говорить, двигаться не мог, не мог больше управлять своей армией. Я привел сюда миллионы снов, бесполезно было бы даже попробовать описать эту лавину. Тысячи людей там, на первом уровне, проснулись среди ночи в холодном поту. Был сон, а стала тьма.

Фридмана и Лану пришлось оставить у бункера. Я даже не знаю, если честно, получится ли у Антона сделать то, о чем я его попросил. По сути, я больше ничего не могу знать, потому что если прекращу хотя бы на миг думать о себе, осознавать себя - исчезну. Они могут меня убить, эти четверо. Точно могут, особенно если учитывать тот факт, что до сих пор не появился никто из монахов.

Чего медлят?

Хочу сказать: «Дайте мне пройти или убейте», но не говорю ничего.

- Мы не можем допустить вас к лифту, - сказал задний, - у вас недостаточно высокий балл репутации. У вас нет доступа к Обители, и несанкционированные попытки в нее проникнуть будут расцениваться как мятеж.

- Бесполезный мятеж, - сказал левый.

- Результат невозможен, - повторил передний.

Ничего не работает. Я столько готовился (опять «столько», сколько это, Андрей?), и теперь ничего, ничего не могу сделать. Зову сны - они молчат.

Сны боятся постоянных.

- Уважаемый Андрей, - раздалось сзади.

- Мы настоятельно рекомендуем вам прекратить дестабилизующую деятельность, - проговорил передний.

- Кому, как не вам, должно быть яснее всего, что агрессия подобного рода непродуктивна, - продолжил правый.

Я не мог даже согласиться с ними. Сказать: «Хей, ребята, я все понял, конечно», сказать: «Ладно, ладно, ухожу, сдалась мне эта ваша Обитель». Я ничего не мог. Систему заклинило. Зачем пытаться со мной разговаривать? Я слепок, не Андрей.

- Уважаемый Андрей, - опять, дьявол вас раздери, - мы настоятельно рекомендуем вам прекратить дестабилизующую деятельность. Кому, как не вам, должно быть яснее всего, что агрессия подобного рода непродуктивна.

- Результат невозможен.

- Вернитесь, пожалуйста, к своим обязанностям.

Всего несколько раз я видел монахов. Два или три. Никогда до сих пор не видел двух постоянных сразу, но один из них, мой куратор, говорил, что за моей работой следят ангелы. «Если вы

серьезно отнесетесь к своим обязанностям, Андрей, вам могут повысить средний балл репутации и дать доступ в Обитель».

Обитель - это следующий уровень.

Обитель - важная хренотень.

- Ваше бездействие угрожает стабильности во всех реальностях. Надеюсь, вы понимаете, что сейчас у нас с вами дефицит кадров по контролю за сновидениями с человеческой стороны.

Я никогда не видел других регулировщиков. Ни разу. Постоянные говорили: «другие регулировщики».

Говорили: «ваши коллеги».

Говорили: «кадры с человеческой стороны».

Но я ни разу не слышал ни одного имени.

Нужно только сделать над собой усилие, а? Небольшое усилие - последний бросок. Сейчас тьма словно безумным фейерверком наполнится снами, которые только и ждали, пока я оживу. Мы уничтожим постоянных и получим доступ к нити. А потом я окажусь в Обители и спрошу монахов, спрошу ангелов и прочих тамошних обитателей, почему они все, такие всесильные, мудрые, правильные, не смогли защитить маленького человека, мою маму? Зачем, если они сверхразум, если их слушается Сингулярность, они, как дурацкие злодеи из старых фильмов, сами создали себе врага? Зачем я здесь? Почему я не подох, выбросившись из окна шестого этажа и не оказался нигде? Точнее, почему где-то оказался какой-то я? Зачем им, всемогущим делателям реальности, жалкое, недоразвитое человеческое самосознание?

***

...Я хотел спасти свою мать. Был в ее новых снах, там, где хозяйничал паук. Раз за разом пытаясь отвоевать ее, несчастную, у черной твари с двумя пастями, полными мелких острых зубов, я все четче понимал, что мамы уже нет, но остановиться - значило умереть. Перестать верить.

Перестать верить в сливовое варенье, которое капает с бутерброда по краям, и руки потом будут липкие, и папа говорит: «Не запачкай мой ноутбук, солдат». У папы в ноутбуке важная работа, сценарий для сериала про бандитов и экстрасенсов, эту работу никак нельзя потерять, не то он останется на своей стройке и будет ходить злой. Не-а, нельзя никак. Нельзя перестать в нее верить.

Мы с мамой и папой идем куда-то. Это парк. Кругом зелено и приятно пахнет, шумит вода, солнечные зайчики перескакивают с машины на машину у обочины и еще кругом летают разноцветные мыльные пузыри и очень светло. Дует прохладный

ветерок, вокруг люди: разговоры, детский смех. Лебеди. Высокий мужчина в белом пиджаке сидит на скамейке и говорит по телефону. У него длинный нос и лысая голова. Он похож на сказочника или педофила. Мы проходим мимо, я оборачиваюсь, не отпуская папину руку, и некоторое время смотрю на человека. Он это чувствует и ловит мой взгляд. Улыбается и подмигивает.

Нельзя перестать в него верить.

Нельзя не верить в сандалики не на ту ногу. В мороженое, которое плавится от жары. В кукурузу, от которой плохо с желудком, и меня тошнит пять или шесть дней, и страшно болит живот, а мама с папой не спят ночами и приходят с работы еле живые, а за мной следит долговязая китаянка, которую зовут как-то странно по-русски. Светлана. Антонина.

Нельзя не верить в Антонину.

Мама меня не слышит. Не видит. Не чувствует. Мама забыла, что я умер. Установила новую модификацию Сингулярности: ту, которая не предусматривает внешних систем управления. Мама живет. Видит общие сны, может выбрать себе самый интересный. Ходит на работу - проснулась! - жарит яйца и докторскую колбасу. Еще помидоры, два вида сыра, немного меда, чай с лимоном. Я не уверен, что вижу все это и что вижу то, что вижу, и вижу ли что-нибудь, но верить хочется.

Нельзя не верить.

Поэтому я собираю сны и иду на штурм. Идея дурацкая. Скорее всего, нас уничтожат еще до того, как мы окажемся в городе. Идея - самоубийство, но какая разница мертвецу? Давайте. Раунд.

Я веду сны на штурм нити. Я отвлекаю внимание. Пока паук будет ловить одного Фридмана, второй отправится туда, куда мне нужно. Ему нужно.

***

Темнота шевельнулась, точно огромное одеяло.

- Уважаемый Андрей, - сказал тот, что висел прямо напротив. За это «время», как мне кажется, я разобрался в его лице и пришел к выводу, что они, все эти, постоянные, никакие не близнецы. Они все разные.

Задний!

- Мы настоятельно рекомендуем вам прекратить дестабилизующую деятельность.

Не угадал - говорит левый.

Потом правый:

- Кому, как не вам, должно быть яснее всего, что агрессия подобного рода непродуктивна.

- Результат невозможен.

Откуда-то сверху и сбоку раздается страшный металлический шум, будто по земле волокут огромную ржавую цепь.

- Пора, - говорит тот, что сзади.

- Просто сделай то, что должен, - улыбается передний, глядя на меня своими большими, фиалкового цвета глазами.

Мы встречались раньше, он убил меня.

- Все изменится, - он оглядывается, будто ища опору, а потом прислушивается с таким почти по-человечески обеспокоенным лицом, что мне становится смешно. - Сейчас.

Я чувствую свободу. Сны оживают.

- Разнеси здесь все! Разнеси сейчас!

Никто за все эти годы не пытался?

Медленно развожу руки в стороны и раскрываю ладони. Внутри начинает гудеть, будто включается мощный двигатель. Клянусь, я чувствую, как с кончиков пальцев капает электрический ток... Мне все еще хочется думать о маме, все еще хочется верить, что хочется, ну то есть на самом деле хочется спасти ее, что все ради нее и ради папы, в его память, чтобы его спасти тоже, но ты-то, приятель, уже давно понял, о чем речь, так? Верно ведь?

Глава 9

Душно было с самого утра. Цезарь Ларин проснулся от того, что стало нечем дышать. Проснулся рано, раньше будильника, встал, открыл окно, надеясь, что комната хоть немного проветрится, но свежий воздух, кажется, вообще исчез. Походил по квартире туда-сюда, не включая нигде свет. Заныл чертов зуб. Если поедешь слишком рано, то на работе практически нечего будет делать. Ларин ненавидел свой новый кабинет, баня, а не рабочее место. Но и дома заниматься нечем, после того, как жена уехала, забрав дочку, это пространство просто перестало быть домом. Звонить рано.

Ларин прошел на кухню, поставил чайник. «Умный дом» молчал. Цифровая помощница с приятным голосом, которую Ларин с чистой совестью выключил, как только Галина ступила за порог, сейчас бы, наверное, скрасила одиночество. Некстати вспомнил, как вчера утром несколько таджиков в ярко-оранжевых безрукавках гонялись за тощим бродячим псом и загнали его в угол между двумя мусорными контейнерами как раз тогда, когда Цезарь проходил мимо. Псину стало жалко. Закипел чайник. Ларин налил себе кофе, вернулся за стол, подумал поискать в холодильнике что-нибудь сладкого, но поленился. Не хотелось вообще ничего не делать. Ни оставаться здесь, ни идти на работу, которая в последнее время стала жуткой обузой. Согласившись на повышение, Цезарь обрек себя на часы бесполезного и муторного ковыряния в бумагах, которое по договору называлось «административной работой».

Это у них там, в башнях, будущее, дополненная реальность и контроль над разумом, а в участке четыре допотопных компьютера и старая база данных. Каждый раз, думая об этом (а случалось это в последнее время часто), Цезарь приходил к выводу, что будущее уже наступило (точнее, его, наконец, размазало по всей карте мира), но это какой другой, их мир.

Вот тишину вроде нарушил тихий звон, будто колокольчики откуда-то издалека, Ларин застыл и прислушался - нет, показалось.

***

До отпуска оставалось всего четыре дня - эта мысль была самой приятной из всех возможных. Подъезжая к участку, Ларин взглянул на часы, да так, будто имело значение, десять теперь, двенадцать или четыре вечера. На парковочном месте

подполковника полиции стоял маленький баклажанного цвета «фольксваген». Ну, отлично. Парковщики едят эти свои копейки просто так. Впрочем, как и все вокруг; Ларин не смог бы объяснить это или доказать, но был уверен, что даже десять лет назад люди были другими. Хотя бы какой-то их части было не плевать на результаты своей работы, было важно не то, сколько они могут заработать, а что могут изменить. Потом пришли Сети, и смысл жизни каждого чертова человека в этом городе свелся к тому, чтобы получить новое дополнение.

Ларин кое-как припарковался и вышел из машины. Крыша участка упиралась в тусклое серо-синее небо. Цезарь прикурил, медленно выпустил султан молочного дыма. Нужно собраться, решил, расклеился, проклятый зуб не дает спать. Осталось совсем немного, и ты будешь греть свои старые кости где-нибудь на песчаном пляже в стране, где виртуальная реальность и прочая хренотень запрещена законом.

- Доброе утро, Цезарь Геннадьевич!

- Доброе.

- Доброе утро, цезарь Геннадьевич!

С другой стороны Цезарю нравилось, что есть такой вот, пусть и маленький, ограниченный стенами управления мир, в котором он может чувствовать свою силу. Подключены здесь меньше половины сотрудников, и на них (хоть где-то!) здесь чаще всего смотрят искоса. Ларин прошел в свой кабинет, сел за стол, но не успел и компьютер включить, как в дверь постучали.

- Входите!

Заглянул Климов. Высокий, плотный, черноволосый, без лишних движений. Хороший парень.

- Цезарь Геннадьевич, доброе утро! Можно?

- Что такое?

- К вам тут посетительница. Обязательно требует начальника. Мы бы это, могли, но вы же знаете сволочей скшных, потом не слезут.

- Знаю, знаю.

- Разрешите пригласить?

- Давай.

Прошло чуть больше минуты и в дверь опять постучали.

- Можно, Цезарь Геннадьевич?

- Пригласи.

В кабинет вошла страшно худая женщина с фиолетовыми кругами под глазами.

- Здравствуйте, - выдохнула, прошла и сел на стул без приглашения, будто еле стояла на ногах.

- Климов, свободен!

Когда дверь за Климовым плотно закрылась с обратной стороны, женщина пристально посмотрела на Цезаря и спросила:

- Вы здесь начальник?

- Да, что-то вроде того.

- Вы полицейский, следователь?

- Да.

- Я хочу, чтобы вы помогли мне. Я расскажу. Мой муж был болен. Он погиб недавно... ушел, в связи с медицинскими... в связи с показателями. Его с нами больше нет. Врачи ничего не могли сделать. У Максима был рак. Знаете, вот кругом прорывы в науке и технике, десятый, или уже какой там «Сокол» за океаном, мы все входим в двадцатки и десятки развитых стран, и эта штука... Эта хренотень в наших головах как бы говорит, что мы больше не должны переживать... переживать о физиологии, понимаете? Тело больше не имеет значения. Слышали?

Цезарь промолчал.

- Но с раком ничего никто сделать не смог. Рак сожрал моего Максима. Понимаете, вообще никто не мог и не смог бы ему помочь, его сожрало собственное тело. У нас... у нас сын, был сын...

Женщину трясло от подступающих слез.

- Мой сын покончил с собой.

Цезаря ситуация раздражала, с одной стороны, просто так взять и выгнать дамочку не очень прилично, но она сидит, и просто сжирает его время. Зачем, почему? Почему идиот Климов не опросил.

- Мой сыночек бросился из окна и разбился. Его больше нет со мной. Его убили!

Началось. Этого и следовало ожидать, ладно, горе и все такое, конечно, но нужно же понимать, о чем и с кем пришла разговаривать. В голове Цезаря вдруг заскулил несчастный пес, а потом схватило больной зуб. Твою мать. Он отвлекся, и, кажется, пропустил какую-то реплику гостьи.

- Что?

Та наклонилась, обдав запахом пота и слишком терпких духов, посмотрела на Ларина стеклянными от горя глазами, и выговорила:

- Икиаквиик.

Приехали.

- Так, гражданка. - Цезарь зачем-то огляделся. - Пройдите к дежурному и оставьте свое заявление.

- Что?

- Я говорю: вы свободны. До свидания. Я ничем не могу вам помочь. Климов! - Гаркнул так, что чокнутая вздрогнула. -

Климов!

- Да, Цезарь Геннадьевич.

- Проводи гражданку.

- Что… Вы… Как вы можете? Вы… Как вы можете, почему вы не хотите меня слушать? Помогите мне! Я же вас…

Климов молча взял ее по руку и повел к выходу.

- Вы же начальник! Вы же следователь! Помогите мне! Вы не понимаете, мне действительно нужна ваша помощь!

Ларин все понимал: в последнее время таких вот персонажей становится пугающе много. Проклятые чипы в головах выходят из строя, и персонажи перестают уметь нормально соображать. Плохое утро кончилось встречей с сумасшедшей бабой.

***

Душно было с самого утра. Ларин проснулся от того, что стало нечем дышать. Проснулся рано, раньше будильника, встал, открыл окно, надеясь, что комната хоть немного проветрится, но свежий воздух, кажется, вообще исчез. Походил по квартире туда-сюда, не включая нигде свет. Заныл чертов зуб. Ларин не стал ждать, когда придет время ехать на работу, быстро влил в себя полчашки кофе, оделся и вышел на улицу.

Во дворе не было ни одной живой души. Цезарь с некоторой горечью подумал, что очень давно не был в этом дворе днем, когда на детской площадке играет малышня, а кто-то о чем-то разговаривает (да и разговаривает ли теперь?), создавая иллюзию бурной кипящей жизни. Нужно приехать с работы пораньше. Ларин сел в машину, закурил и поехал на работу. Приехав, сразу пошел в спортзал в подвале отделения, размяться и поколоить грушу, да так увлекся, что провел там прокатически три часа.

- Цезарь Геннадьевич, извините, можно? - Климов. Хороший парень. Кажется, служил в Сирии в десятых, вернулся контуженным. - Там ситуация.

- Что такое? - Цезарь вытер шею полотенцем. Хотелось курить.

- Пришла гражданка, упорно просила начальника отделения. Сидит и молчит, как рыба об лед. Я не стал вас это, дергать лишний раз, но потом истерика, вот СЦ ждем. Совсем клиника.

- Что именно случилось?

Цезарю почему-то стало не по себе.

- Муж умер от рака. Сын после смерти отца выбросился из окна. Пришла сообщить, что нашла их убийцу, который… эмм… Я не совсем уверен, что правильно понял, но типа он, этот убийца, заставил ее мужа и сына умереть как-то телепатически или типа того.

- Чего?

- Ну, вот так. Я СЦ вызвал поэтому, но Гриша говорит вас нужно позвать, вдруг чего. Пока в изоляторе сидит, успокоили вроде.

- Телепатически?

- Ну, типа того...

- Ладно, упаковывайте. Я чуть позже поднимусь, хорошо? Ты все правильно сделал. Развелось сумасшедших с этим виртуальным говном.

- И не говорите...

***

Цезарь ненавидел свой новый кабинет. Солнце беспощадно печет спину даже сквозь закрытые жалюзи. Замученный жарой, Цезарь только и мог, что считать минуты до конца рабочего дня, мечтал вставать и размять ноги. Но вынужден был сидеть и делать вид, что внимательно слушает гостью. Та наклонилась, обдав запахом пота и слишком терпких духов, посмотрела на Ларина стеклянными от горя глазами, и выговорила:

- Икиаквиик. - Ларин вспотел, как боров, а окно не откроешь - рядом, через улицу, кладут асфальт и воняет так, что хоть топор вешай. - Путешествие сквозь слои, - сказала женщина.

- Икиаквиик. Взаимодействие с тонким миром.

Цезарь поерзал в кресле.

- Что вы несете?

Часть 3. Обитель.

ГЛАВА 1

Дребезжание было механическое, неживое, но все равно казалось, будто там, в темноте, рой каких-то насекомых. Уго представил себе огромных, размером со взрослого хии, мух, копошащихся на гниющем трупе. Мерзкие здоровенные мухи. Умываются.

Даже мотнул головой, отгоняя наваждение.

Вокруг не видно ни зги. Приходилось идти медленно, едва передвигая ноги. Нет-нет пробуя носком, есть ли впереди что-то, на что можно будет опереться и слепо выставив вперед руки, чтобы ненароком не наткнуться на какой-нибудь трансформатор. Или что там еще может быть? Штуки. Механизмы. Приспособления.

Уго помнил не все. Прекрасно сохранились в голове последние несколько дней перед Отправкой. Большие мокрые глаза Азури, ее неспокойные прозрачные руки. И Тхель вел себя необычно тихо, живой и приставучий, огромный и мягкий, в те дни питомец просто лежал слева от входа, будто больно ему, иногда скулил, а иногда лениво приподнимал голову и оглядывал хозяев печальными желтыми глазами.

Уго помнил слова: «корабль-колония», «межпланетное движение». Но сейчас, в этой темноте, они все разом перестали хоть что-то значить.

Они были ни зачем.

Все, кто придумал эти слова - давно мертвы.

Не о том думается. В памяти остались какие-то общие вещи. Уго помнил: «ведение Оберус», «технология Прохождения», «шестой сон». Все это походило на дребезжание из темноты. Будто люди, среди которых был и Уго, это и не люди вовсе, не Искатели, а огромные жирные мухи, копошащиеся на гниющем трупе...

Было жалко, сейчас только понял, что не попрощался с производителем... Теперь жалко, а тогда было некогда о чем-то таком думать. Хотел ведь сказать что-то... что-то теплое, правильное, без соплей, но чтобы производитель точно понял - Уго будет скучать.

В голодной мгле верхнего мира ему, маленькому человеку с Большой Целью, будет не хватать производителя. И Азури, и Тхеля. Всех, кто умер бесконечность назад. Всех, кто стал пылью за вечность до того, как машина выплюнула Уго сюда, в темноту.

...Некоторое время назад Уго выбрался из-под треснувшей твердой пленки совсем голый, мокрый и тощий, как ощипанный

цекль. Огляделся, напрягая зрение, и увидел, что в душной полутьме, едва-едва разбавленной гнилым зеленым светом, стоят, как стояли, еще несколько десятков кыим. За твердой пленкой в каждой в мерзкой жиже коричневого цвета были люди, другие Искатели, похожие на уродливые куклы пахем. Машина как будто не питала их, а наоборот - пила из них жизнь и только этим была жива сама.

Уго проснулся на самом нижнем уровне, который был предназначен для производителей. Посмотрел на свои руки, худые, как лапы голодного зверя, костлявые, обтянутые совсем белой кожей и тонкими веревками усохших черных вен. Еще раз огляделся. Увидел, что справа есть квадрат большой, выше человеческого роста двери, из-за которой тоже пробивается свет, и решил идти туда. Зачем, почему? Неважно.

Уго с большим трудом открыл дверь. Она скрипела. Нет, она кричала, выла, как воет человек, конечности которого задеревенели, съежились и отказываются работать. Уго вышел в бесконечный в обе стороны узкий коридор, и прямо перед его лицом, там, за дверью, на стене оказалось электронное табло, на котором были только помехи.

Раньше женщина из рагачи, с яркими глазами и большим ртом, часто сглатывая, вещала с этого маленького экрана о том, как правильно они сделали, что посвятили бытие Поиску.

Искатели должны искать, говорила она.

- Вы найдете Новый Дом, - так она говорила. - Вы станете Учителями, станете Водителями, вы произведете новых людей, между которыми не будет хии, рагачи или тугринов, они будут люди, а вы будете Первыми из Людей.

Было слышно, когда она говорит с большой буквы, с вдохновением, потому что, например, инструкции Хозяев он читала быстро, поедая слова, как будто спеша избавиться от их смысла.

- Помните, что, согласившись участвовать в великом ведении «Оберус», вы отказываетесь от претензий к Хозяева. Также помните, что можете прекратиться в момент Прохождения и не будете иметь возражений на этот счет.

И еще много чего: про благо Элейли, про вечное небо, шестой сон и другое. До Прохождения Уго слушал ее вполуха, а после... что после? После слушать или не слушать кого-то стало неважно.

Уго долго шел по коридору, который, кажется, сужался с каждым шагом, а потом, на выходе, обо что-то неловко споткнулся и провалился во тьму.

***

Удар лишил Уго сознания. Неясно, сколько прошло времени,

но вот он снова стал понимать, что он это он; «проснулся» неверно, потому что Уго не спал. Придя в себя на твердой и холодной, кажется, металлической поверхности, он долго лежал животом вниз, не в силах пошевелиться и постепенно начинал чувствовать боль от десятков ушибов и ссадин. Боль приходила и уходила, как ленивые небесные волны; Уго жалобно стонал, когда она возвращалась, и хотел как-нибудь прекратить свое существование. Затем привык. Попытался сесть, сел, попытался встать - получилось.

Было непонятно, где он, в какой именно части машины, куда идет и куда хочет прийти; сама необходимость куда-то зачем-то идти сомнительна; но Уго шел, слепо выставив перед собой руки, щупая ногой поверхность на предмет ям или выступов, как в глухой пещере.

Стало казаться, что он все-таки уснул - и все это сон. Сборы, три часа по жуткой жаре в противоходе. Нет, нет-нет-нет, он уснул именно там, на заднем сиденье. Рядом Хозяин, важный на вид, как старый жирный цекль. Хозяину не нравилось, что ему поручили лично сопроводить последний отряд производителей на Взлетную, и поэтому он все время молчал. Вытирал длиннющими пальцами огромный выпуклый лоб, глотал слюни, сидел с полуприкрытыми глазами, а засыпая, начинал что-то тихо бормотать. Уго решил, что тоже задремал. Но сейчас откроет глаза и окажется там, до всего этого.

Или окажется у себя дома перед коммуникатором, а через секунду в комнату для гостей войдет Азури и скажет, что принесли новости. Милая, хорошая, комфортная и правильная Азури, которая говорила: «Не нужно нам это».

Говорила: «Нет никаких других».

Уго проснется и поймет, что на самом деле послушал ее, согласился... или нет! Он откроет глаза и обнаружит себя среди тогда еще воодушевленной толпы на уровне производителей, еще тогда, когда машина кипела жизнью, все разговаривали, смеялись и были полны надежд. Уго проснется, осмотрится, найдет глазами того долговязого хии, кажется, его звали Линг, а потом, разлепив пересохшие губы, скажет: «Бежим».

Только куда?

***

Уго долго не мог сформулировать для себя, что это «самое страшное», что конкретно его больше всего беспокоит... Больше одиночества и запаха ржавчины. Куда больше, чем вопрос, работает ли или не работает машина, или живы ли все те, кто еще варится в этом коричневом дерьме шестого сна. Нет, нет и нет.

Самое страшное открытие Уго нашел внутри своей головы:

его сознание изменилось. Он изменился.

Во внутреннем монологе он легко использовал слова, значения которых не знал. Слова эти звучали криво, шершаво, непривычно. Казалось, что они как будто бы на своем месте, но... Например, хотелось сказать «электронное табло». Та штука, которая висела на стене в коридоре и показывала, скорее всего, давно мертвую женщину. Та штука не была «электронное табло». Уго не до конца понимал слово «электронное». Но это только какой-то другой, старый Уго не понимал, а новый молчал, но будто тоже был здесь, прятался, ждал.

Разбирайся сам, приятель.

Стало дико и неправильно от невозможности до конца понять поток собственных мыслей. Проклятые слова брались из ниоткуда и пытаясь на них что-то объяснить себе, Уго терялся еще больше.

В непролазной тьме внутри умирающей машины, без цели, с чужими словами в голове, шел Уго.

Шел и шел, пока не уткнулся в металлическую вертикальную поверхность. Прощупав ее, нашел панель управления. Появился оранжевый огонек: доступ разрешен. Открылась дверь. Уго выглянул, увидел, что перед ним опять коридор: гораздо шире и светлее, чем прежний. Уго вышел в этот новый коридор и пошел в одну из сторон, зачем-то разглядывая стены.

Глава 2

Темно-синее утро, химическое какое-то, будто краска. Тает, растворяются звезды. Горизонт спустя еще минуту порозовеет. Стоит только прислушаться, и звуки исчезают. Казалось, были только что: шепот ветра, какое-то гудение, шелест и треск, а теперь - ничего.

- Мы...

- Дай мне руку, ладно?

- Я...

- Просто дай мне руку.

Она дает.

- А теперь закрой глаза.

Лана повинуется.

Мне хочется, чтобы такая - раз, и случилась магия. Мы такие - хоп, разобрались на атомы, красиво, как в кино про влюбленного в обычную провинциальную девочку высокоразвитого инопланетянина. Разлетелись двумя разноцветными потоками, а потом сплелись, смешались и уплыли в небо. Было бы круто, честно. Но ничего не происходит. Совсем ничего.

Лана открывает глаза и долго смотрит на меня, не понимая, чего ждать.

Когда-то много лет спустя мы с ней зависали в фэнтезийных реконструкциях; сомноскрипты - это здорово, как будто живешь нормально, правильно, полно, но точно знаешь, что когда случится трындец, можно нажать «экскейп».

- Вернемся вниз.

Мне хочется ее обнять, прижать к себе. Она смотрит, как ребенок, не дождавшийся чуда. Я смотрю на ее ключицы.

- Что?

- Там была еда, кажется. И сигареты. Вернемся обратно.

Сигареты нашлись - целый склад, двадцать или тридцать блоков синего «Винстона». Там еще много чего было: вода, консервы, туалетная бумага, кислородные баллоны, куча лекарств, книги. Книги! Кто-то долго готовился. Только к чему? Теперь, имея память третьего себя, того Фридмана, который оказался в этом времени случайно, провалился, я знал, что никаких больших катастроф, от которых нужно было бы скрываться глубоко под землей, не случилось.

Еще у меня была память первого меня, того, что так и остался валяться на полу кухни сломанной куклой, и я знал, что Манохин

никогда и ничего не говорил мне о бункере. Или... Нет. Проклятый бункер вне плана. Никто ничего не знал о бункере.

- Осторожно, ступенька!

Лана раздраженно подала руку.

- Спасибо, - бросила.

Спустились вниз, в душную теплоту. Стали хозяйничать.

- Что это?

Лана держала в руках какое-то электронное устройство вроде читалки, которое взяла с заваленного хламом стола.

- Не знаю, электронная книга. Положи. Пойдем.

Лана положила устройство рядом с чем-то, похожим на электрический чайник. Серое конусообразное нечто с красными огоньками вертикально в ряд, как пуговицы на рубашке.

- А это что за фигня?

Осторожно, готовая резко оторвать руку, тронула «чайник» указательным пальцем.

- Не знаю.

Мы нашли еды, разложились на столе, в который Манохина втыкала свой огромный нож, поели. Я сосал сигарету, и, так как больше не был голоден, был готов продолжать.

- Нам нужно идти.

- Куда?

Лана не боялась. Порозовела, пришла в себя.

- Нам пора.

В бункере комфортно и сухо, да здесь даже можно было бы остаться: электричество, провизия, лекарства. Не хотелось подниматься наверх и тащиться куда-то по холоду. Но у меня в голове горела метка. Дразнила. Не давала сосредоточиться, не давала переключиться. «Никому не нужен никакой корабль», ага. Кто знает, что происходит в голове у этого... кто бы это ни был... Но я... что я? Я не умею летать. Никто не умеет. Мне нужна помощь.

- Куда мы пойдем?

- У меня есть друг...

Во рту стояла горечь, а еще внезапно оказался забит нос. Дышать тяжело. Голова гудела. Я давно не чувствовал такой боли: ссадины, порезы и синяки. Неприятно. И рука дрожит. Кожа стала сухой, стянулась. Поднимаю глаза на Лану.

- Он нам поможет. Мне нужно...

Не понимаю, как обо всем этом рассказывать.

- Я не пойду, - говорит она.

- Хорошо, не иди.

Лана сунула в рот вилку, на которой был кусок тушенки, и стала обстоятельно жевать, не спуская с меня глаз. Дожевала,

проглотила.

- Сядь и объясни мне, что происходит, - буднично проговорила, как будто интересуется, как прошел день или как дела на работе. - Какое, к хренам, будущее, что это все было? Я тебе зачем-то нужна, так? Потрудись объяснить зачем.

Я поджег еще одну сигарету. Не сел.

- Внутри следователя был кто-то другой. Скорее всего, хотя утверждать наверняка я не могу, это мальчишка, сын сумасшедшей, которая нас сюда притащила. Он в верхнем мире.

- Андрей?

- Да, Андрей Манохин. Так он представился, я его где-то видел раньше, только вот не помню, где и при каких обстоятельствах.

- Окей. Ладно.

По лицу видно - в том, что все «окей» она в первую очередь убеждает себя.

- Что за верхний мир?

- Коллективное бессознательное. Там живут сны. Сингулярность научит нас туда попадать. Буквально через пару десятков ваших здешних лет. Мы встретим существ, не знаю, это не моя память, но я все равно расскажу. Давай?

- Как это не твоя память?

- Мальчик кое-что дал мне, распаковал... эмм... открыл...

Звучит ужасно глупо, но назвался груздем.

- Постменто. Перспектива памяти. Так это называется. Человеческая память не умирает, подключившись к коллективному бессознательному.

Я шмыгнул носом.

- Мы создали огромный архив, там живут цифровые слепки наших близких, президенты, не знаю, актеры. Каждый видит это по-разному. Получается, что я не могу ничего забыть. Даже того, чего никогда не знал. Я помню, как умру, потому что помню, как помнил, как умру. Я помню всю свою жизнь от начала до конца. То есть могу помнить, но это риск, поэтому память можно оставить в залог, например, за дом, машину, не знаю, должность. Память нужно сливать раз в семь-восемь лет. Такие правила. А еще...

- Это ты нашел в чужой памяти?

- В своей - будущего себя. Там и ты есть.

- Неужели? - Лана изогнула бровь. - И что я там делаю?

- Мы любим друг друга. Много лет, много жизней. Всегда.

Лана отложила вилку. Лицо ее потемнело. Я растерялся. Поздно сообразил, что нужно было подготовить ее, а не вываливать это так сразу. Часто хочется забрать слова назад,

отмотать время и сказать все как-то иначе.

- Антон мне нравился, - сказала она серьезно, без тени улыбки или удивления. - Но о большой любви странно слышать. Хочешь сказать, что выбора особого у меня и нет?

- Конечно, есть.

- Но ты же помнишь, как в будущем мы вместе?

- Может, я просто чокнутый?

Помолчали. Потом мне захотелось еще что-нибудь сказать, ну, чтобы переменить тему. Единственное, что пришло в голову - время.

- Время ускорилось. - сказал я. - Все изменилось. Началось это в девяностых годах девятнадцатого века, но процесс был медленный, и исследователи вплоть до тридцатых двадцать первого говорили про экспоненту истории. Мол, прорыв, все, и стагнация. А потом опять рывок, ну, и так далее. Рывок действительно был - само время рванулось. Время - это не совсем...

Замолчал, будто пластинку зажевало. Получилась какая-то малопонятная даже мне самому каша.

- Ты много прожил? - Лана внимательно смотрела мне в лицо. - Ну, в смысле сколько? Сто, двести, триста лет?

- Смерти нет, - сказал я будто бы чужим голосом и невольно усмехнулся. - Наука не стоит на месте. В два раза быстрее, как бы это сказать... гхм... не стоит. В моем теле, в текущей конфигурации... в этом... около 60%, скажем, электроники. Нейронное кружево, наноботы, самореплицирующиеся органы. Много чего. Время не имеет значения, сто, двести, миллион.

- И все-таки?

- Около ста двадцати, если брать все вместе. Где-то так. Может, меньше или больше, но не на много, я точно сказать не могу. А здесь, в твоем времени, сейчас, где я чужой, начинка не работает или работает хуже, и это одна из главных причин, по которым мне нужно спешить.

- Куда?

- Акселерация времени - следствие воздействия гравитационного поля. Оно накрыло Землю, как большой мыльный пузырь. Я не знаю, как правильно это объяснить, но эта штука как бы...

В горле пересохло. Я отвернулся, открыл первый попавшийся шкаф, надеясь найти там выпивку, но увидел несколько пакетов с гречкой.

- Она и убивает нас, и помогает. Выйти за его пределы мы не можем, но зато можем растянуть его, проложив рельсы к другим планетам, например. Эти рельсы - гравитационные нити. Одна из

них здесь.

- Прямо тут?

- Да, в этом месте. Есть несколько аномалий. Или несколько десятков, я не знаю. Они плохо изучены, ну, или информация засекречена. Сегодня Андрей... если это действительно был он, сказал мне, что это... как каналы. Гравитационное поле раздулось, а не накрыло Землю. Кто-то опустил эти нити, как шланги, а потом подал своего рода воду - другое течение времени.

Лана хмыкнула.

- Я ничего не понимаю. Хотела бы не верить да послать тебя к такой-то бабушке, но люди просто так не растворяются в воздухе.

- Она не вернется.

- Знаю, вернулась бы, наверное, если бы собиралась... Я о другом. Что мне с этим всем делать? Звучит как хреновая фантастика, понимаешь? Гравитационные шланги надули время, а мальчик из снов, вселившийся в тело сексистской скотины следователя, открыл тебе память о будущем, в котором мы Ромео и Джульетта? Причем тут я?

- Ты моя жена. То есть ты... его жена.

Я кивнул туда, куда мы отволокли труп.

- Я пришел сюда, чтобы е... спасти вас от смерти. Но что-то пошло не так. Или, блин, я не знаю, не знаю, не могу понять, что случилось. Мне просто хотелось, чтобы моя жена и дочь были рядом.

- Это странно.

- Что именно?

Мы оба усмехнулись.

- Про жену, любовь до гроба. А что если я не хочу быть твоей женой? И еще, знаешь, ты говоришь про какие-то научные открытия, которые сделали всех бессмертными, про гравитационные поля и так далее, но мир, как я понимаю, все также принадлежит мужчинам?

Она замолчала. Я подождал немного и, не дождавшись, сказал:

- Мир на самом деле никому не принадлежит.

Я на несколько секунд задумался над тем, что она сказала, но никакого мнения на этот счет у себя в голове не нашел.

- Нам, мне, мне правда пора. У меня есть друг - Лапша, он ученый. Он сможет мне помочь. Андрей, он сказал, что можно выбраться за пределы поля. Нужно выбраться. Там ответы. Мне нужны ответы. Понимаешь?

- Какие ответы?

- Я не знаю какие. Любые. Какие-нибудь.

Что-то плохое все быстрее происходило внутри. Этот странный разговор меня убивал. Буквально.

- Лапша поможет мне. Я кое-что прикинул. Не могу сказать, сработает ли, но попробовать нужно. Мы доберемся до него, а потом вернемся сюда. Или...

Лана многозначительно изогнула бровь.

- Я, хорошо. Конечно, я доберусь. Ты можешь остаться здесь. Или давай я отвезу тебя в город.

- На чем?

Ответа у меня не было.

- Как мы, по-твоему, попадем в город, человек из будущего?

***

Шли мы дольше, чем я планировал. Ну, то есть кажется, что плевое дело - двадцать с чем-то километров до ближайших следов цивилизации. А там - раз, поднял руку, уже давно рассвело, степь морковного цвета, закурил еще походя, как в реконструкции, и перед тобой, пыхтя черными вихрами бензинового дыма, остановился огромный грузовик. За рулем окажется...

- Что дальше?

...окажется мужчина лет пятидесяти, с бородой, в засаленной кепке - типа бывший байкер, у которого в запасе отчаянно много увлекательных историй.

- Алло, Фридман?

Мы плелись по обочине широкой трассы. У меня страшно гудели ноги. В животе творилось черти что. Голос Ланы раздражал. Зачем она тогда пошла со мной, если ей трудно идти? Я, может, умираю... Господи, я умираю. Глупая затея превратится в страшную смерть: иссохший, я буду валяться здесь у дороги, среди камней и мусора, а пока кто-нибудь поймет, что это труп, бродячие собаки успеют полакомиться.

- Не знаю.

- А что ты собрался просить у этого своего Лапши?

Над нашими головами в высоковольтных проводах тихо жужжал ток. На горизонте маячила стоянка дальнобойщиков.

- Нам нужно вверх, - сказал я.

А потом важно поднял указательный палец.

- Туда.

Она не оценила.

- Ты ведешь себя как идиот. Антон таким не был.

- Технически я и не он вовсе. - обиделся я. - Знаешь про парадокс корабля Тесея?

Лана хмыкнула. (Могло означать как то, что прекрасно знает, так и то, что не знает и знать не хочет, переспрашивать я не стал). Была она бледная, с нездоровым румянцем на щеках. На виске у

нее билась тоненькая синяя венка, до которой хотелось аккуратно дотронуться.

А еще хотелось курить.

- Давай сядем? Отдохнем немного, перекурим, ноги гудят просто жуть.

- Что, прямо здесь?

- Нет, вон пройдем туда немножко, где трава. Не могу прямо.

Секунда борьбы. Кивнула.

- Ладно, пошли.

Мы уселись спиной к дороге на грязную и мокрую после дождя траву. Я закурил. Лана немного дрожала, - в степи было не так уж и холодно, но иногда дул страшно промозглый ветер, - однако обнять ее я не решился. Сидели молча. Лана посмотрела на меня и жестом попросила затянуться. Выпустила дым.

- Что там, в будущем? Даже не знаю, как спросить...

- Время - иллюзия, клетка, в которую мы сами себя загнали. Память избирательна, и потому бесполезно судить о ценности прошлого или будущего. Я помню то, что хочу помнить, и ты помнишь и будешь помнить только то, что хочешь.

- Дерьмо собачье, - сказала Лана и вернула мне сигарету.

Глава 3

Уго вышел из темноты. Он оказался в довольно большом помещении, одну из сторон которого занимал огромный прозрачный купол. Сквозь купол были видны колючие глазки звезд в черном киселе. На эти звезды с закрытыми глазами смотрели люди.

Люди сидели или, скорее, полулежали в креслах в четыре ряда. Пять рядов. Над головами людей неярко светилась безумная паутина прямых зеленых лучей. На головы людей были надеты громоздкие на вид шлемы; не видно глаз, руки и ноги пристегнуты, в рот и в зад вставлены трубки.

Стоит терпкое зловоние. Но радоваться можно как минимум тому, что здесь почти не пахнет ржавчиной. Уго немного прошел вдоль первого ряда кресел, остановился напротив одного из людей, наклонился и сказал:

- Эй!

Горло мгновенно взбунтовалось. Оно вечность не издавало никаких звуков. Уго выпрямился, стал часто дышать и почувствовал, что его сейчас вырвет. Оперся дрожащей рукой о подлокотник кресла и только потом понял, что уткнулся в сухую и горячую руку пристегнутого к креслу человека... Испуганно одернул ладонь.

Люди были обычные: высокие, крупные, худые, без растительности на теле. Уже не производитель, но еще не Хозяин. Уго едва не потерял одну странную мысль, глядя на приоткрытый рот «своего» шлема, но успел ухватиться за нее и рассмотреть.

Мысль была такая: как обычно, чуть выше среднего землянина.

Мера «средний» - это средний по отношению к чему? Как бывает «обычно» и что такое «землянин»? Такие вопросы задал себе старый Уго. Тишина. Никакого узнавания. Никакого вспоминания. Новый Уго притаился где-то глубоко в голове и, кажется, хихикал. Новый Уго, который и подсунул в голову старого все эти странные слова, знал ответы. Знал и молчал... Или... Или это была машина. Догадка пробежала по спине, как большое многоногое насекомое, но Уго решил, что вернется к ней позже, и поэтому прекратил ее думать.

Ожило вспомогательное сердце. Уго даже схватился за бок и крякнул. Кровь пошла по венам на порядок быстрее, все тело будто разом пронзили маленькими иголками. Уго гедленно

выдохнул, собираясь принять какое-то решение, но вместо этого наклонился опять и провел растопыренными основными пальцами перед лицом человека. Тот, конечно, не реагировал.

Где-то под теряющимся во тьме потолком что-то загудело, пусть и ненадолго, буквально минута, или и того меньше, но Уго даже дышать, кажется, перестал от страха. Вот гул утих, опять повисла вонючая тишина. Решив, что нельзя больше стоять здесь и пытаться что-то делать с этими трупами, Уго пошел к куполу.

Снаружи, вне уровня видящих, была обычная страшная темнота, много темноты. Бесполезные звезды, а совсем рядом с кораблем, в пустоте, висел шар синего цвета с грязно-коричневым пятнами, похожими на ржавчину или загнившие раны. Планета? Чей-то мир. Совсем рядом. «Рядом» в масштабах пустоты равно вечности, но... Мы прилетели. Я вижу планету, и планета похожа на Элейли... Неужто...

Что конкретно Уго испытал в этот момент? Что такое для него, буквально положившего существование на Поиск, увидеть, что... Ни слов, ни мыслей нет. Просто стоять и смотреть. Долго, едва дыша.

Мы и вправду не одиноки? Невероятно! Есть существа, с которыми мы можем вступить в контакт? Удивительно! А там действительно кто-то живет? Это главное. Ведь может быть, машина просто устала, у нее кончились силы, она рехнулась, она испугалась непроглядной черноты вокруг и решила погреться у маленького теплого шарика? Насколько там возможна жизнь? Есть ли кионин, которым можно дышать? Может, там одни камни и лед. Может, это не планета, а газ? Десятки таких планет видел «Оберус» за свое странствие еще до Прохождения. Сотни. Насколько велика вероятность, что на сей раз колония прибыла к цели?

Во-первых, Уго опять испугался. Но не потому что опять думал чужими словами. Пот прошиб оттого, что на сей раз он понял все, что подумал. Обернулся на замерших людей. Опять посмотрел на планету за твердой пленкой купола. Попытался думать о чем-то другом. Почему мы все еще здесь? Сколько мы здесь? Почему ничего не происходит? Почему никто еще не проснулся? Много «почему», чересчур много вопросов, задать которые некому...

Стоп. Нужно найти командный центр и поговорить с машиной. Да, мысль показалась логичной - нужно поговорить с главным на этом корабле, с тем, кто не смыкал глаз все время. Уго протянул руку, хотел осторожно коснуться пленки, но передумал - опять испугался. Повел плечами, чувствуя, как тело наливается кровью, мысли яснеют и дышать становится легче,

обернулся, постоял немного напротив людей в креслах, а потом пошел в темноту, противоположную той, из которой пришел.

***

Уго постарался прикинуть, куда именно идти, чтобы попасть в нервную систему машины, долго стоял и думал, вглядываясь во мрак, потом решил перестать это делать, так как никогда и не знал, где мозг корабля. Наверное, надеялся, что информация спряталась среди новых слов.

До Прохождения производителям настоятельно не рекомендовали покидать свой блок. Зачем нарушать пространство других групп, у которых тоже есть все, что может понадобиться человеку в таком далеком путешествии?

Кажется, тоже логично.

По внутренним ощущениям Уго прошел два или даже три коридора в неясном направлении. Открыл четыре двери. Потом услышал голос. Говорил новый Уго.

- Здравствуй, - голос звучал и снаружи, и изнутри. Отовсюду и ниоткуда.

- Здравствуй, Уго.

- Ты кто?

- Оберус. Я - вокруг. Помоги мне, Уго.

Уго успел подумать: почему машина заговорила с ним сейчас, спустя столько времени? Он так близко подошел и может чем-то угрожать? В следующее мгновенье понял, что такие мысли думать нельзя, потому что Оберус...

- Я пребываю с тобой все это время, Уго. Твое сознание было измотано и не могло тратить энергию на сознательную обработку входящих сигналов. Не бойся меня, Уго. И не бойся думать, что хочешь.

- Я не боюсь, - ответил Уго у себя в голове.

Говорить больше не рисковал.

- Я ничего не боюсь.

- Правильно, Уго. Ты прав. Помоги мне, хорошо? Ты можешь мне помочь, Уго? Можешь помочь своему дому?

Тело Уго вдруг стало похоже на маленькую куклу этпти. Крути-верти как хочешь. Тело шло само. Чья-то воля сделала его шаги крепче, увереннее. Тело теперь знало, куда идти.

- Что тебе нужно?

- На борту чужой. Посторонний. Я не могу найти его. Найди его и убей. Найди его, Уго, и убей. Ты сможешь?

- Где мы? - спросил Уго.

Машина некоторое время не отвечала, а затем Уго увидел: увидел, как конусообразное тело Оберус как будто бы медленно плывет сквозь мрак верхнего мира. От планеты к планете.

Останавливается, протягивает дрожащие полупрозрачные щупальца к новому миру и улетает, ничего не найдя.

Везде пусто, нигде нет того, что Оберус ищет. Экипаж спит. Пассажиры спят. Одинокая точка, махонькая лодочка в океане тьмы... корабль огромен; в нем несколько десятков уровней, соединенных сложной системой тоннелей; зеленые лучи, много зеленых лучей. Двери, за которыми целые механические города, постоянно воспроизводящие сами себя. «Оберус» плывет от звезды к звезде, совершая новое Прохождение, - тяжелый переход между системами, - а жуткое сердце корабля производит и производит все, что может понадобиться человеку в таком далеком путешествии.

Уго остановился.

- Уго.

Схватился за стену, заставляя тело подчиняться приказам только своего сознания.

- Отпусти.

- Уго.

- Отпусти меня.

Хватка ослабла. Откуда-то из недр корабля пришел порыв холодного ветра. Но ведь это невозможно. Здесь не бывает и не может быть ветра. Картинки в голове таяли, как будто кто-то быстро забирал воспоминания, как листочки с плохими стихами, которых не оценили.

- Почему? - Уго сказал вслух. Горло резануло, на глазах выступили слезы.

- Зачем ты это делаешь?

- Идеального дома для моих Искателей обнаружено не было, - отчиталась машина. - Как только я найду вам дом, идеальный, такой, которого вы заслуживаете, я разбужу их. Разбужу их всех, Уго. Но сейчас важно не это, Уго. На борту чужой, и я не могу найти его. Найди его. Он мешает работе великого Прохождения Оберус.

Внутри Уго было пусто. Глухо, больно и непонятно. Машина сломалась. Безумная машина тысячи лет тащила их непонятно куда, уничтожая на своем пути целые миры.

- Запусти командный режим, - сказал он, вспомнив слова первого знающего Взлетной. - Запусти командный режим, Оберус.

- Это невозможно, прости, Уго. Больше невозможно. Я не могу.

- Ты говоришь «чужой», и значит, планета населена, верно? Почему ты не выходишь на контакт с ними? Почему? Я не понимаю! Эту планету населяют разумные существа! Мы нашли дом!

- Нет, не нашли. Эти создания уничтожают все вокруг, как болезнь. Убивают себя и свой мир. Не волнуйся, пожалуйста, не волнуйся, мой Искатель, скоро существ не останется, но останется мир, и тогда вы, мой народ, спуститесь на эту твердь и воздвигнете новое. Не волнуйся, пожалуйста, не волнуйся, мой Искатель! Я не трогаю их мир, их планету, она развивается отдельно от них. Зачем воевать, если можно просто подождать немного, и они исчезнут сами? Воевать контрпродуктивно, мой Уго, мой Искатель.

- Ты уничтожишь все и двинешься дальше, - пусто подумал Уго. - Как было тысячи раз. Ты выпьешь их и полетишь искать новый неидеальный мир. Будешь искать и никогда не найдешь.

- Конечно, найду! Мы вместе отыщем! Но прежде всего нам с тобой нужно найти чужака. Он здесь, на борту. Он здесь, он быстро прыгает между ними, моими Искателями. Чужак просыпался, ты понимаешь, мой Уго, а я все никак не могу его схватить! Он был в командном пункте! Нам нужно его остановить! Быстрее, сейчас же! Он что-то сделал с моей системой управления. Что-то плохое. Раньше такого никогда не было. Найди его, Уго. Найди!

- Хочешь, чтобы я тебя защищал?

- Да, да! Мой Уго, мой верный Искатель! Защити свой дом.

В голове Уго появились картинки: кривая черная тень на стене, как бы человеческий силуэт. Тень была бы незаметна, если бы Оберус не показывал ее. Вокруг слишком много сияния: буйство зеленого и золотого цветов. Командный пункт - центр нервной системы корабля. Вот Тень исчезает, а еще спустя мгновенье Уго не видит сияния.

Только душная ржавая темнота.

- Видишь? Ты видишь, мой Уго? Чужак здесь. Я не знаю, что ему нужно. Не могу найти его. Но ты, ты можешь! Найди, найди его и убей!

Глава 4

Лапша открыл дверь. Долго и молча смотрел, будто пытаясь что-то разглядеть у меня на лице. Медленно перевел взгляд на Лану. Мы стояли и не двигались. Я тоже, если быть честным, не представлял, что говорить.

- Эдик, пусти нас.

- Входите, - бросил Лапша и сам пошел в квартиру, не закрывая двери. - Обувь снимите грязную.

Мы вошли.

- На кухню проходите.

Остановился у входа в одну из комнат, повернулся.

- Дерьмово выглядите.

И, не дождавшись ответа, нырнул в вонючую полутьму.

- На кухню!

Мы с Ланой неопределенно переглянулись и пошли по коридору к открытой двери на кухню, которую я распознал по старому низенькому холодильнику у окна. На холодильнике громоздилась микроволновая печь. Лана прошла вперед и упала на стул.

- Проклятье, как гудят ноги...

Вытянулась. Когда поднимала руки, грязная, когда-то белая майка забралась немного, и я увидел ее живот и большой фиолетовый синяк слева. Она спохватилась. (Хочется думать, что покраснела). Вошел Лапша.

- Голодные? Вижу, что голодные. Сейчас.

Он прошел к холодильнику, открыл его, выудил большую черную сковородку, накрытую стеклянной крышкой. Поднес ближе к лицу, поднял крышку второй рукой, понюхал содержимое.

- Сойдет. Макароны. Конину ешь? - это он у Ланы спросил.

- Сейчас я все ем, - честно ответила та. - Хоть конину, хоть кошатину.

- Хорошо. Рассказывайте пока.

Он оставил сковородку на столе, повернулся к кухонным шкафам, открыл один, второй, вынул две вилки. Вернулся к сковородке. Выглядел он непривычно молодо, но вел себя точно так же, как при нашей последней встрече.

- Ну?

- Мне нужна помощь, - промямлил я.

- Фридман, - Лапша усмехнулся. Закрыл глаза, заставил себя

не рассмеяться, выдохнул, - тебе всегда нужна помощь. Я знаю тебя лет семьдесят, наверное, и тебе всегда нужна помощь. Выкладывай.

Лапша задумался, взялся за ручку сковородки, отпустил, вернулся к шкафам, вынул из верхнего две глубокие тарелки. Молча набрал в каждую по несколько кусков слипшихся макарон и поставил первую тарелку в микроволновку.

- Что на этот раз? Ну что ты как воды в рот набрал? Я помню много просьб и просто запутался, очередь какой из них настала.

Не успел сесть, микроволновка пиликнула. Открыл, достал тарелку, поставил перед Ланой, вручил вилку.

- Bon appetit! А вот одежды у меня для тебя не найдется. Извини.

- Да ничего страшного!

Лана посмотрела на меня: прилично ли будет и за тем ли приехали, но голод победил. Лапша поставил вторую тарелку в микроволновку и некоторое время наблюдал за таймером.

- У меня был один знакомый, - начал я, но понял, что Лапша-отсюда знаком с Фридманом-отсюда, а значит, знает про мальчишку, может быть, даже больше моего, - Манохин. Ты его тоже, должно быть, знал.

- Слышал.

- У него был сын.

- Да, ты говорил о них.

- Он сказал мне... - в глазах на секунду потемнело. - Он мне... Он мне сказал, что нужно добраться, что можно попасть за пределы поля. Ты знаешь про поле?

- Да, знаю.

- Его нужно убрать. Иначе время сгниет.

- Это ненаучно. Но я тебя понял.

- Научно? - я прыснул.

- Что?

- Ты сказал научно?

Я улыбался. Лапша поставил перед мной тарелку с макаронами. Выглядели они отвратительно.

- Чего тебе от меня нужно? - спросил Лапша.

- У меня есть идеи, - ответил я, отправляя в рот теплый комок, - у тебя мозги и руки. Что ты знаешь про кильватерное ускорение частиц в плазме?

- Чего? - Лана едва не поперхнулась. - Ты хоть сам понял, что сказал?

- Сквозь плазму, - обиделся я, - почти со скоростью света летит компактный объект, драйвер, это может быть электронный или лазерный сгусток, он летит и расталкивает плазменные

электроны. Ионы тоже получают толчок, но остаются на своих местах, так как они тяжелые. Электроны начинают колебаться относительно положений равновесия, возникает разделение зарядов и электрическое поле. Если в это поле поместить заряженные частицы, то они будут ускоряться.

Я ждал реакции, например, восхищения или как минимум одобрения, но выражение ее лица не изменилось.

Пришлось сказать:

- Я все прекрасно понимаю.

- А я забила, - Лана истерично хмыкнула и протянула руку к открытому пакету с кетчупом. Выдавила остатки себе в тарелку, даже высунув язык от усердия. Даже грязная и замученная, она была красивой.

- У меня, - я посмотрел на Лапшу, - есть координаты гравитационной аномалии, через которую можно добраться за границу поля.

- Ты хочешь, чтобы я на коленке собрал лазерный ускоритель частиц? Типа э-хей, сейчас пойду посмотрю, что у меня там в шкафу есть такого, может, завалялись говно и палки?

- Угу, - наконец кивнул я. - Все верно, только времени у нас немного.

- А, то есть приступать прямо сейчас?

- Ну, желательно.

Лапша покачал головой. Улыбнулся. Посмотрел на Лану.

- И что ты в нем нашла-то, спрашивается?

- Ничего не находила.

- Понятно. Антон... - он тяжело вздохнул. Как будто бы не собирался ничего говорить, но все-таки вдруг решил. - Знаешь, когда я слышу рассуждения на тему искусства, и о том, как правильно его понимать. - Он посмотрел на макаронину на вилке как на какой-нибудь артефакт.

- Или рассуждения про то, как все было безвозвратно утрачено, или пространные рассуждения по поводу того, как тяжело общаться с быдлом, которое не понимает вот в этой песне... они называют их «текстами», - это он почему-то сказал Лане, - отсылки к Борхесу или еще какому-нибудь... Или вот когда начинают такие: «ах что вы, да как же вы можете не знать, ай-ай-ай, какой же пробел, давайте я вам намекну, куда надо копать». Или такое: «нет, новый альбом Пинк-Флойд - полностью проект Гилмора, пошлые спекуляции и переработка старого материала, я вам сейчас поясню, какой вы тупой, раз вам понравилось». Вот когда я все это слышу. Знаешь, что я думаю?

- Эдик, у меня нет...

- Я думаю - сраные гуманитарии.

Тут он опять поймал взгляд Ланы, улыбнулся, точно получив разрешение, и продолжил, глядя уже только на меня:

- Гуманитарий не знает, как вырабатывается электрический ток, и если спросить его, как же он вырабатывается, благодаря каким таким изобретениям? Что он скажет? Он скажет - «да мне не интересно, давайте все же поговорим о ранних текстах Велимира Хлебникова, и я вам объясню, отчего вы всю жизнь думаете, что читаете, а на самом деле жрете помои». И тут же...

Лапша бросил вилку на стол и та, отскочив от тарелки, упала на пол.

- Тут же этот гуманитарный некто включает лампочку или включает свой проигрыватель. И тот факт, что он ничего не смыслит в электромеханике, не мешает ему наслаждаться этим самым электричеством. Ему плевать, что там происходит, плевать ему на разность потенциалов и на трехфазную электросеть, срать на тлеющий и коронный разряды, плевать на квантовые эффекты в диодных лампах, совершенно ему плевать на принцип работы транзисторов, а удовольствия от потребления электричества меньше не становится. Почему так происходит, скажи?

- Лапша, я совсем не то имел в виду.

- Что не то?

- Ну в смысле. Мне нужна...

Про помощь прозвучит глупо.

- У меня, даже будь желание, нет ресурсов. Дорого обошелся твой предыдущий визит.

- И что нам делать?

- Ничего не делать. Для того, чтобы заниматься наукой, нужно не только знать несколько умных слов, Фридман.

- Стоп, - Лана взмахнула вилкой как дирижерской палочкой, - то есть мы протопали километров шестьдесят, чтобы ты попросил какого-то парня по-быстрому сделать тебе какой-то там лазерный трансформатор? Тебе нужно в космос, и ты полетишь туда на ионах?

- Не трансформатор.

- А, ну это, конечно, меняет дело. Спасибо, - это она Лапше. - И за обед спасибо. До свидания, мальчики!

- Стой!

Встала и ушла. Она просто встала и ушла.

- Как... что...

Через минуту хлопнула входная дверь. Не знаю, почему я не попытался ее остановить, пока из коридора раздавалось какое-то шуршание.

- Пусть идет, - сказал Лапша и я просто сидел, как приклеенный.

И вот мы некоторое время сидели так и ждали, хорошо, только я ждал, что она вернется.

Но она не вернулась.

***

На столе перед компьютером лежала механическая рука. Сквозь тонкое покрытие из какого-то легкого металла проглядывали схемы и провода, как кожа, кости и вены. А еще, если присмотреться, с внутренней стороны этот металл покрывали заклятья сетевого кода. Гнездо нервных окончаний, которое должно соединять протез с культей, обгорело.

- Что это?

Дотронуться бы до этой штуки, но я не решился. В комнату вошел Лапша. В руках у него была небольшая стопка бумаги.

- Садись, - велел Лапша, устраиваясь в кресле за своим электронным монстром, и усмехнулся:

- В ногах правды нет.

Поймал мой взгляд.

- В руках, впрочем, тоже. Я тебе тут кое-что принес. Да садись ты уже.

Я сел на диван. На самом краю стола возле забитой пепельницы, воющей гниющими окурками, лежала мятая белая пачка сигарет с оторванной крышкой. Из бункера я взял только две пачки и вторая кончилась на подходе к дому Лапши.

- Можно?

- Бери, конечно. Итак, - Эдик похлопал по карманам, вынул коробок спичек, поджег одну, я подкурил. Он почему-то выглядел виноватым.

- Из какого ты года?

- Семидесятые по старому - примерно, точно я не знаю. Ты ошибся в расчетах.

- Я ошибся?

- Это все ты затеял. Сказал, что нашел способ мне помочь. Слушай, - я стряхнул пепел прямо на пол, - пока мы тут разговариваем...

- Что?

- Мне нужно спешить.

- Куда?

Я замялся.

- Мне... - глаз задергался, - торопиться, я умру, если не успею выйти за пределы поля.

Лапша надолго задумался, глядя куда-то сквозь меня. Облизнул губы.

- Дело такое. У меня есть два предложения. Точнее, два шага. В первом случае мы с тобой берем за аксиому, что вся та

шизофрения, которой ты мне тут налил в голову - чистая правда. Так?

Я перестал что-нибудь понимать.

- Так.

- Хорошо. Тогда слушай. Нам нужно понять, что конкретно ты умудрился изменить. Трансформаторы, - усмехнулся, - это здорово, конечно, но у меня, если мы разыгрываем первый сценарий, есть инструкции. Ты знаешь философа Бибихина?

- Я... не...

Он послюнявил пальцы, отсчитал несколько листов и отложил.

- Слушай. Техника не хочет иметь ничего общего с грабежом. Техника никогда не притронулась бы сама разрушительно к земле. Она показала свою способность улучшить человека телесно и духовно и помочь природе. Но, может быть, сама, не будучи грабежом, она провоцирует грабеж?

- Что это?

- Вирус. Просто молчи и слушай. Сам просил.

Он огляделся, хмыкнул.

- Ладно. Слушай дальше. Откуда-то, как ледяной ветер, в современный мир просачивается уверенность, что все тихое, робкое, нежное, как ландыши: редкие птицы, мшистые луга, чистые ручьи, нетронутые чувства - обречено; что все это прекрасно и драгоценно, но беззащитно: будет растоптано силой, которая в отличие от всего беззащитного, увековечивает себя, потому что может и смеет взять и, между прочим, взятое распределить. Эта сила - она еще сильнее оттого, что смеет взять и технику, применить ее таким способом, каким сама техника, пока она остается техникой, никогда бы не посмела, - не только грабит, она умеет и награбленное поделить, раздачами привлекая миллионы. Понял да? Экзистенциальный торрент-трекер.

Лапша усмехнулся.

- Ее стиль, - вернулся к чтению. - Есть стиль как раз те высказывания с восклицательным знаком, третий тип их, никогда не встречающийся в подлинной науке и технике: повелительный императив. Эта сила еще в древнем Риме назвала себя империей.

- Лапша, - я так растерялся, что даже забыл про срочность и важность своего дела.

- Что ты несешь?

- И то, что в современном мире так часто повторяется слово с тем же корнем и в том же смысле, - не дань истории, не прихоть публицистов, не преувеличение и не иносказание. Слово грубо называет реальность, которая хозяйничает на планете, может быть еще скрытнее и глубже, чем замечают публицисты.

Империализм личности, империализм человека - за разными империализмами, надо думать, стоит какой-то один, засевший так глубоко, что наши слова его не достают, их в принципе не хватает. Действующее начало постоянно в работе - и не дает на себя действовать; пользуется наукой, само от научной хватки ускользая. Наука перед ним слепа.

И замолчал. И мы долго так сидели. До тех самых пор, пока за окном вдруг не прокатился раскат грома. Спустя еще секунду или две по стеклам забарабанил дождь. Лапша удивленно посмотрел в окно.

- Дождь? Нет, ты это видел? Ты видел? Ситуации глупее просто придумать нельзя.

Мотнул головой, будто бы не веря себе. Опять посмотрел на меня.

- Слушай, Фридман. А тебе не кажется, что это похоже на миссию в реконструкции, у которой есть определенный лимит времени на выполнение?

- Чего?

- Это вторая моя мысль. Лана встала и ушла, соображаешь? Как NPC. Не нужна - ушла. Логично и просто. А потом мы не сели собирать твой генератор Бубликова, нет, ты послушно протопал сюда и стал слушать эту вот замечательную ерунду, которую сам же и поручил мне тебе прочитать. Звучит более чем здорово, а? Ты личность впечатлительная, но я, получив память, зацепился в первую очередь. Ты прошляпил время выполнения квеста, а мир открытый, геймовера попросту нет. Ходи где хочешь, делай что хочешь. Да изредка волнуйся, что тебе все время куда-то пора.

- Я был в реконструкциях, там не так. И нельзя оказаться в реконструкции, а внутри нее войти в еще одну, а потом выйти.

- Почему?

- Не знаю.

У меня внутри зашевелилось что-то липкое.

- Давай так...

Лапша быстро провел рукой по столу, и на столе появился оранжевый голографический дисплей. Затем Лапша тронул что-то на нем, и дисплей раздвоился. На втором стали видны какие-то криптограммы и знаки.

- Я подключу тебя к своей системе и попробую подобрать стоп-слово. Не получится - имеем доказательство того, что это, - он неопределенно махнул рукой, показывая этот город, страну, планету, - не реконструкция. Получится - просыпаешься со своей женой под боком и в ус не дуешь. Может, я тоже NPC. Договорились?

Я тоже облизал пересохшие губы.

- Хорошо.
- Что ты сказал?
- Договорились. Давай попробуем.

Глава 5

Ромашка стояла на самом краю крыши. Вставало солнце. Город все еще горел. Фридман закусил кончик кальяна, услышал, как затрещало, втянул дым, сел рядом, спиной к рассвету. Вокруг валялись обрубки тел: головы, руки. Никакой крови, только вонь перегоревшей проводки.

- Когда ты в первый раз слил память?

Лана не повернулась, не двинулась с места. Так и стояла, опасно разведя руки в стороны, будто готовая прыгнуть. А там сто шестьдесят пять этажей до асфальта.

- Не помню, - Фридман хихикнул. - Кажется, году в двадцатом.

- Мы с тобой были знакомы?

- Были.

- Тебе совсем не жалко памяти?

- Ты же со мной.

Ромашка села на край, лицом к солнцу. Фридман опять затянулся. Подержал дым внутри.

- Посмотри на этот город, - в ее голосе столько отвращения, брезгливости даже, что Антону стало не по себе. - Они... они же... Как же так...

- Что они? Они как обычно...

Еще Фридман хотел сказать, что не больно-то Ромашка и отличается от «них» после всего этого, - наказать этих ублюдков, родной! - но подумал, что смысла в этом сейчас нет.

Сиренево-розовую тишину нарушил далекий звук работающих вертолетных лопастей.

- Они за нами, - выдохнула Ромашка.

- Ага.

- А что если...

Тонкие и сильные пальцы коснулись плеча Фридмана. Лана молчала. Вертолеты приближались.

- Я на геронтизацию пойду. Устала.

Фридман так устал, что не мог ничего чувствовать, хотя и знал, что должен бы.

- Я все исправлю, Ромашка. У меня напоминалки везде. У меня есть план.

- Иди ты в жопу со своим планом, ладно?

- Хорошо.

И положила голову ему на плечо.

***

...А здесь солнце вставало медленно. Фридман успел километров пять пройти, прежде чем желтый диск полностью выбрался из-за горизонта. Ночной морозец уползал, прятался в тенях, испуганно лез под тонюсенькую корку льда на небольших лужах под ногами. Фридман сверился с данными - осталось немного.

Сеть работала из рук вон, но Антон был рад, что вернулся. Сингулярность в этом времени была зародышем, ничего еще толком не работало, но без подключения он чувствовал себя оскопленным, неправильным, недоделанным.

Через тридцать или сорок изнурительно долгих минут показался нужный холм. Фридман достал сигарету, подкурил. Все-таки замечательно, что в этом времени есть настоящие сигареты с натуральным табаком. Антон сощурился, поглядев на солнце, ползущее по чистому, синему небу, и двинулся дальше. Затем, все еще попыхивая окурком, спустился по пыльным каменным ступеням в бункер. Огляделся. Поискал на кухне, пошел в большую комнату с кроватью, заглянул в чулан.

- Бедняга, - выдохнул, бросил бычок себе под ноги, присел на корточки рядом с трупом.

Подумал, встал, вернулся на кухню, обыскал помещение глазами и взял огромный нож, лежавший на краю стола. Через пять минут вышел из чулана, вошел на кухню, положил на стол нож, а рядом с ним отрубленную у трупа руку. Сел на табуретку, опять закурил. Посидел так некоторое время, обдумывая дальнейшие действия, восстановил в памяти несколько неприятных эпизодов, которые еще предстояло пережить. Успел подумать о Ромашке; о руках ее, о детских ключицах и коленках, и о родинке на шее.

Потолок дрожал так, что голая ярко-желтая лампа раскачивалась из стороны в сторону.

Фридман ждал. Вот снаружи все утихло, и лампа успокоилась, только моргнула пару раз - дождался. Встал, затушил окурок в пепельнице, потом сгреб отрубленную синюю руку и двинулся ко второму столу, заваленному электронным хламом. Взял ускоритель, приложил к нему мертвую пятерню - лампы, похожие на пуговицы на рубашке, стали зелеными. Фридман поставил ускоритель посреди кухни и стал слушать нарастающий свист.

***

...Раздался взрыв, а потом топот - отряд быстрого реагирования. Антон почувствовал, что помещение сканируют, ищут его. В подвале было темно и пахло сыростью. Нашли что же,

хорошо. Ну, давайте. Это последний бой, самый важный. Один проклятый бросок и все будет кончено.

Еще немного.

- Антон Фридман! - гавкнул мужской голос. - Все устройства связи и коммуникаций заблокированы. Выходите с поднятыми руками. Медленно. При возникновении...

Тут послышался еще один голос, скорее всего, женский. Говоривший ранее что-то ответил. Антон пытался ухватить что-то, любое слово - не вышло. Скрипнула хилая деревянная дверь, послышались шаги, на сей раз мягкие, осторожные. Солдаты остались на своих местах, в подвал спускался кто-то один.

У Антона не осталось сил; система, до того как заработали глушители, горела предупреждениями о чрезмерной нагрузке организма. Не хватало воздуха, руки дрожали, ноги подкашивались.

Фридман бежал столько, сколько мог, в мертвые районы, которые, будто в насмешку, еще не сровняли с землей. Духота, тишина, затхлый запах разложения, пыли и ржавчины. Непонятно, почему оказался Антон именно здесь... может, что-то сломалось в «шагателе». Уж где-где спасаться от Контроля, но только не здесь.

- Антон, - сказали совсем рядом. Такой знакомый, такой близкий голос, что Фридмана будто проткнули огромной ледяной иглой, - давай поговорим, хорошо?

Фридман среагировал мгновенно, не думая - просто вышел из своего укрытия. Подсознательно был готов, но все равно как будто окатили ледяной водой.

- Ро... Твою мать...

- Привет, Антон, - сказала Лана и улыбнулась, широко, красиво и немножко виновато. - Как ты?

- Идиоты, - буркнул Антон. - Какие вы все идиоты. Зачем это? Щелк, и нету проблемы. Нет, нужно надавить на больное, ты будто удовольствие от этого получаешь.

Антон думал: могли убить. Просто выключить, устранить. Деактивировать, сбросить настройки. Почему не убили, зачем цирк?

- Ну почему цирк? - спросила Лана.

Она приближалась.

Метров десять.

- Антон, какой же цирк?

Семь.

- Ты прав, хотели бы убить, убили бы, нам ничего не стоит, но если ты жив, значит, не хотим, верно?

Очень близко. Пять метров.

- Я хочу поговорить. Поговорить и все, ладно?

Полтора метра. Теперь беги не беги - прихлопнет, как комара.

- О чем мне с вами разговаривать?

Где-то над их головами что-то мерзко скрипело. А ведь раньше, подумал Антон, глядя в стеклянные глаза с белой радужной оболочкой, здесь в самом деле жили люди. Мечтали, работали, крутили соленые огурцы на зиму. Потом пришла эта дрянь - и никого не стало.

- Вы будете счастливы, - сказала Лана. - Я точно знаю, что вам нужно.

Фридман мог это придумать (просто так проще понимать, что происходит), но Сингулярности нравилось быть в человеческом теле.

- Нет, - сказала Сингулярность, - не особо, если хочешь знать.

Фридман инстинктивно пошарил по карманам в поисках сигарет, но ничего, конечно, не нашел.

- Лапшу вы убили, а?

- Нет, конечно же, нет, Антон. Я никого не хочу убивать. Смешное понятие - смерть. Вы так боитесь, что ваша оболочка, - она глянула на свои руки, сжала и разжала левую ладонь, - такая хрупкая, ненадежная, непрактичная. Вы так страшно боитесь ее потерять...

Подняла голову и посмотрела Антону в глаза.

- Вы знаете, что так или иначе все кончится, и все равно боитесь. Знаете, что ваш век короток, что за пятьдесят-шестьдесят лет ничего невозможно успеть, но... Странно. В плохом смысле. Не в смысле удивительно и непостижимо, нет, глупо, Антон. Глупо и бесполезно. А я предлагаю вашему виду шагнуть на следующий уровень. Я предлагаю вашему сознанию прекратить мыслить категориями времени. Зачем чистому сознанию время, зачем человеку белковая эволюция? Логично ведь. Но ты, конечно, начнешь сейчас про право выбора и другую фигню. Да?

- Нет. Чего тебе нужно?

- Ты.

Но тут что-то произошло: из стены слева вырвался поток бело-розового света, прошел сквозь голову Ланы и исчез в противоположной стене. Сингулярность моргнула, сделала шаг назад, будто бы теряя возможность стоять на ногах.

- Какого... - начал было Антон, но Лана упала на колени, а потом с шумом рухнула на пол лицом вниз. И все затихло.

Фридман постоял несколько минут, не зная, как можно реагировать.

- Эй!

Подошел ближе, пнул в бок.

- Эй, ты меня слышишь?

А потом, когда люди из следственного комитета при аппарате Нового Освобожденного Союза грузили Фридмана в челнок, пометив как врага народа (который все-таки может еще стать полезен обществу!), он узнал, что Ромашка выжила. Один из этих, в красном, сказал, что «твоя девка» отправится туда же.

- Вы, - сказал, а губы дрожат, глаза под цвет кителя, - вы террористы.

Антон рассудил: какая еще может быть «твоя девка», кроме Ланы, и если она куда-то отправится, то выжила. Значит, подумал Фридман и улыбнулся, мне будет куда вернуться. А солдат, напуганный мальчишка, который, как и все население проклятого города, еще не совсем понимал, что случилось и как жить дальше, ткнул Фридмана в бок дулом старого автомата.

- Вперед!

Глава 6

Уго хотел есть. Подумал вернуться и, может быть, вставить себе куда-нибудь трубку с коричневой жижей, но кто его знает, куда ее вставлять, и как потом идти назад. Ноги подкашивались, сердца бухали в голове.

- Транспортная система неисправна...

Оправдания Оберус звучали жалко и глупо. Пока шел по бесконечным темным коридорам (где освещение?), Уго успел покопаться в памяти корабля и ладно бы понял что-то полезное, но только еще больше запутался.

- ...но мы, мы с тобой, мой Искатель, вернем все назад, все снова будет работать так, как нужно! Ты можешь все изменить. Спасти всех.

Память корабля расползалась кусками ржавых газовых облаков.

Один мир - и странные существа с фасеточными глазами и тревожными хоботками бегут прочь от черной тени. Другой мир: неподвижные глыбы вечного льда. Еще один, где жизнь не видна глазу: простейшие организмы внутри зародыша звезды. А вот и люди, земляне, с телами, похожими на тела хии. Оберус пробирается им в головы, в разделяющую их бездну, из которой они на самом деле состоят, и они покоряются, становятся частью Оберус.

- Иди, иди, мой Искатель! - голос, похожий на визг древней старухи. - Ты все ближе и ближе к цели!

Уго хотел как-нибудь отключить коммуникации. Бесполезная тварь только мешала думать, перемешивала слова и мысли, путала воспоминания, заменяя их своими. Уго знал, что совсем скоро сил у него не останется, и тогда он опять перестанет принимать сигналы Оберус осознанно. Нет... Лучше уж слушать, нет уж, лучше понимать, здесь, в проклятой, зараженной безумием тьме, лучше хотя бы пытаться отделить свои мысли от чужих.

- Чужак пришел всегда, - рассказывает Оберус, отвечая на очередной невысказанный вопрос. - Я не могу отделить его от времени. Чужак пришел всегда и ничего не может кончиться, мой Искатель, пока он здесь, на борту. Ты должен размозжить его голову. Ты должен схватить его. Схвати его и убей. Уничтожь его.

...А Оберус заражен людьми. Уго не может сказать точно, но как будто бы помнил, что раньше сознание корабля было

устроено иначе. Оберус болен страхом прекращения существования, он паникует. А этого просто-напросто не может быть.

Как не может быть здесь ветра.

- Я не могу больше, - думает Уго и бессильно опирается плечом о стену.

Тяжело дышит, закрывает глаза, не хочет видеть душную темноту вокруг, проваливается в свою личную.

- Больше не могу.

Твердая поверхность начала медленно уходить из-под ног, и Уго долго стоял, расставив руки в стороны.

- Что это? Что происходит, Оберус? - напугано спросил Уго.

- Оберус! Что это?

Но никто не ответил.

- Оберус? Обе-рус!

Уго оттолкнулся от стены, но какая-то страшная сила прижала его обратно. Еле разлепив губы, он позвал вслух:

- Оберус!

Тишина. Пусто, темно и холодно. Что-то произошло. Непонятно, как именно, но Уго точно понял, что дело не в том, что его измученное сознание снова перестало слышать корабль, нет, дело вовсе не в этом. Оберус замолчал, будто хотел что-то сказать, открыл рот, но...

***

Уго чувствует движение. Корабль, накренившись, начинает свой последний путь. Машина сломалась, сломалась давно, и это начавшееся движение, прижавшее Уго к стене железной лапой, было делом времени.

Но раньше никакого времени не было; Уго лихорадочно пытается вспомнить свой родной мир и почему-то видит огромные, выше человека, скользкие бледно-коричневые грибы.

Уго видит горы до неба, будто летит над ними, видит синий огонь в серых киониновых тучах, видит живые леса, спящие, будто огромные жуткие мохнатые звери, что забыли проснуться.

Тише, не разбуди их, Уго. Пожалуйста, думай тише. Опасно, смертельно опасно, если они начнут ворочаться во сне. Они чувствуют твой страх. Они слышал твой страх.

Уго видит, как будто в живую, бесконечные извилистые тоннели и невероятные подземные города; ты все выдумал, мой друг. Прости, ты долго был здесь, с нами, и твое сознание уже попросту не способно увидеть твой мир таким, каким он был на самом деле.

Был?

Да, был, много тысяч лет назад. Раньше. И знаешь еще что?

Вспомни еще раз, прокрути в голове свои больные фантазии.

Тебе точно ничего не кажется странным?

Уго повинуется и... все понимает. А с понимаем приходит жуткий безотчетный страх.

Нужно двигаться быстрее - эта мысль режет, как острый нож. Уго, рыча, отрывается от стены и пытается идти, делает два или три больших шага, но тут верх и низ начинают менять местами, и несчастного Уго бросает обратно. Раздается хруст - кости ломаются. Уго не чувствует боли, только мягкая опасная вата теплоты. Кровь. Неужели он проснулся только для того, чтобы так умереть? Нет, нет! Нет! Нужно спастись и спасти свой дом. Осталось совсем немного, еще чуть-чуть, следующий коридор, за ним еще один, потом еще один и еще, всего миллиард коридоров и дверей во мраке, и ты окажешься там, где нужно, увидишь то, что хочешь. Там чужак. Он все устроил. Он с Земли.

В словах Оберус была правда: люди - зараза, страшная болезнь, от которой нужно освободить их несчастный, замученный мир.

Уго из последних сил бросает сознание в давно пустующий сонм. Уго исчезает. Растворяется в нигде, переставая понимать, что он это он...

***

Самоидентификация возвращается: Уго каким-то образом понимает, что пространство организовалось, но некоторое время вокруг только яркий белый свет и ничего больше. Затем свет утихает, и Уго получает возможность оглядеться. Увидеть то, что его окружает получается не сразу, потому что большинству объектов в голове Уго нет названия.

Сознание его будто бы неповоротливо подгружается до нужной конфигурации. Нелепое слово «конфигурация» расставляет все на свои места: Оберус погиб, Поиск кончился. Азури, бедная, милая, прекрасная Азури давно не существует, и ничего больше: ни тьма, ни звук в ее глубине, похожий на жужжание великанских мух, - не имеет значения.

- Пап, ты чего? - спрашивает сидящий рядом человеческий детеныш и обеспокоенно заглядывает Уго в глаза.

- С тобой все хорошо?

Уго чувствует, слышит, знает, что внутри него еще много разных существ. Они просят, зовут, кого-то в чем-то упрекают. Тело, в котором он оказался, похоже на выгребную яму. Здесь, внутри, почти не осталось того, кого зовет человеческий детеныш.

- Папа, посмотри на меня.

Уго смотрит.

- С тобой все хорошо?

Уго слышит голоса. Какие-то странные жуткие голоса зовут его по имени. В помещении пахнет хлебом и застарелой водой. Здесь много запахов, которые раньше Уго никогда не чувствовал.

- Да.

Уго делает ртом жест, который здесь призван вызывать доверие.

- Со мной все хорошо, сын. Просто задумался.

- О чем?

Детеныш взволнован, но внимателен и собран. Уго удивляется этому, но память тут же подсказывает ему, почему так происходит.

- Об истории, - вдруг честно ответил Уго, все еще не до конца понимая, что происходит.

- Какой истории?

- Всей... нашей. Земли. Людей.

- Почему вдруг?

Они сидят за столом на маленькой кухне. В доме больше никого нет. За окном идет сильный дождь; через небольшое количество времени должна вернуться самка.

- Не знаю.

- И что ты о ней думаешь?

- Ничего особенного. Смешные акценты.

- С тобой точно все хорошо?

Мальчик встал, прошел к чайнику, что стоял на подоконнике, налил себе кипятка в чашку, сунул в кипяток использованный чайный пакетик.

- Да, конечно.

Уго рассеяно оглянулся, он все ждал, когда какая-нибудь еще сила схватит его и вырвет из этого тела, но ничего не менялось. Над головой на стене негромко тикали круглые часы.

- Не переживай, солдат, все в порядке.

Глава 7

Хорошее утро, только-только светает, небо почти голубое. Прохладный легкий ветер, свежо. Ночью был дождь, день обещает быть солнечным. Середина лета. Я только проснулся, еще не ходил в ванную, стою и тру руками глаза, смотрю на папу. Тот сидит на балконе и курит. Дверь балкона закрыта, мама всегда велит плотно ее закрывать, если папа идет курить, потому что потом «эту дрянь ничем не отмоешь». Кажется, папа спокоен, не берусь сказать наверняка, но вроде бы это именно папа, а не кто-то другой, тот, что иногда смотрит на меня его глазами. Не знаю, как именно это объяснить. Мама спит, дверь в их спальню приоткрыта и, проходя мимо, я слышал, как она что-то неразборчиво говорит во сне. Папа говорит, что под утро она всегда разговаривает. А иногда, когда сильно устает и перенервничает, встает по ночам и куда-то собирается.

Нужно идти в ванную, но я боюсь сдвинуться с места. Один шаг, и эта странная, волшебная тишина рухнет, и вернется безумие. Я этого не хочу. Папа докурил, зачем-то посмотрел вниз, обернулся, будто бы ища пепельницу (мама всегда моет ее и убирает с балкона, чтобы та не воняла) и тут заметил меня. Улыбается. Стоит на фоне яркого зеленого ковра крон. Машет рукой, делает шаг вперед и влево и открывает дверь.

- Доброе утро, солдат!

- Привет, па!

- А ты чего проснулся в такую рань? - папа входит в комнату, сначала, вижу, решает сесть на диван и включить телевизор (я только ради него все еще смотрю эту плоскую фигню), но потом решает обнять. - Иди ко мне!

Мы обнимаемся, я чувствую запаха пота, одеколона, сигарет. Несколько дней назад, вспоминаю, я думал о его смерти: что будет, если папа все-таки умрет, если это дерьмо съест его? Как я буду жить? И вот теперь крепче прижимаю его к себе.

- Что такое?

- Ничего, папа. Все хорошо.

Мы идем на кухню пить чай. Папа рассказывает про свой сон.

- Представляешь, мне снилось, что твоя мама меня не послушала и подключилась к этой штуке. И в какой-то момент что-то пошло не так. Это было страшно.

Папа наливает мне чай, ставит чашку рядом со мной на стол, а рядом кладет шоколадную вафлю, смотрит в глаза.

- Этого нельзя допустить, - он предельно серьезен. - Там, во сне, я это прекрасно понимаю, но ничего, совсем ничего не могу сделать. Глаза твоей мамы становятся белыми, будто их заволакивает туманом, я трясу ее за плечи, зову по имени, но ничего не происходит, нас будто отрезает друг от друга. Но знаешь, что самое страшное?

- Что, пап?

- Я могу вспомнить, есть ли в этом сне ты.

***

К обеду стало скучно. Я предложил маме с папой пойти прогуляться. Пусть погода и начинала портиться (прогноз нагло врал, достаточно было просто взглянуть в окно), но и под дождем побегать тоже неплохая идея. Так мне казалось. В школу идти было не нужно. Вообще никому никуда не нужно, хоть и среда. Мама взяла отпуск по уходу за папой, а у меня каникулы.

- Давайте погуляем? Только до парка Ганди, туда и назад, подышим свежим воздухом, а?

Мама строго посмотрела на меня из-за папиного плеча, так строго и так стараясь, чтобы папа этого не увидел, что мне стало обидно.

- Пап, - говорю, трогаю его за плечо. - Пойдем гулять?

- Нет, - отрезает мама. - У нас много дел, а там вот-вот дождь пойдет. Нельзя, это опасно.

Мама начинает нервничать, меня это раздражает.

- Скоро лекарства принимать, дома бардак, работы куча. А твоему отцу, вообще, нужно сесть и закончить свой сценарий. Максим, ты собираешься сесть за работу? Люди ведь ждут!

Выглядит эта бравада нелепо и страшно.

- Мы пройдемся с Андреем, полчаса туда и сюда, будем до дождя и как раз к обеду.

- Я не хочу, чтобы...

- Все будет нормально, Настя. - Пауза, внимательно разглядывают друг друга, будто устав говорить намеками или недоговаривать. - Я тебе обещаю. Ничего не случится. Нельзя, чтобы мальчик сидел в четырех стенах двадцать четыре часа в сутки. А, солдат, верно я говорю?

- Верно!

Мы одеваемся и выходим. И следующие минут сорок останутся у меня в памяти, как одни из самых светлых воспоминаний. Дождь все-таки пошел, но грибной, быстро кончился, оставив в воздухе какой-то странный запах. Мы набегались, поели ваты и покатались на велосипедах.

- Тебе не кажется, что пахнет серой?

- Серой?

- Да, что-то такое. Причем так сильно...

Мы идем домой, голова у меня уже почти высохла и вот: мама была не права. Папа не какое-то животное с бешенством, которое нужно изолировать от людей. С ним все хорошо, да, иногда бывает... всякое, но ведь любую болезнь можно вылечить. Так они говорят. Нет такой болезни, лечения которой не существовало бы сегодня. Поэтому надежда есть всегда. Как парк, например. Старый парк Ганди (не помню, почему он так называется). Такой, как бы это сказать, островок прошлого, зелень, аренда велосипедов, клоуны, аттракционы. Не знаю, как были связаны эти мысли, но сравнение показалось очень точным и емким. Я как раз хотел поделиться этим с папой, повернулся и увидел, что он уже далеко впереди, бежит, размахивая руками и громко кричит.

На секунду меня парализует страх, я просто стою и смотрю, как папа бежит, орет и дергается, как мартышка. Но потом я срываюсь следом.

- Папа!

Он бежит в сторону станции метро.

- Папа!

***

Сквозь полудрему я услышал, как тихонько скрипнула дверь и в комнату кто-то вошел. На несколько секунд или минут я опять провалился в сон, - не знаю, что снилось, что-то злое и яркое, - а потом моей руки коснулась чья-то еще.

- Андрей.

Я открыл глаза и вскочил, испугавшись.

- Андрюша.

Это мама, это всего лишь мама... Моя мама... Сердце колотилось в висках. Мама сидела на краю кровати и смотрела на меня, ее лицо в темноте казалось мордой скелета - два черных провала на костлявом белом лице.

- Мам, сколько время?

- Пять утра.

Смотрю в окно - сизая темнота. Звуков нет никаких, будто все разом взяли, и вымерли, не оставив после себя и следа.

- А какой сегодня день?

- Среда.

У меня в горле встал ком.

- Что случилось, мам?

Мама некоторое время молчала, как бы собираясь с силами, а потом выпалила, быстро, не давая мне вставить и слово.

- Андрей, я знаю, что ты скажешь и знаю, что ты прав, мы можем помочь папе и должны постараться помочь, мы не можем

его предать, ты ведь так говорил, называл это предательством? Не можем и не должны, но у меня нет больше сил, сынок. Я больше не могу так жить. Я сойду с ума. Сын, прости меня, но я хочу, чтобы ты меня понял, я люблю твоего отца, хочу ему помочь, и именно прошу тебя согласиться со мной. Ему нужно на лечение в церебральный комитет.

Я молчал. Мама тоже. Мы довольно долго так сидели и смотрели друг на друга; я хотел, наверное, заорать ей в лицо, что никогда не бывать этому, нет, нет и еще раз нет - я не предам отца. Я хотел бы подраться с ней, расплакаться, разбудить папу и все ему рассказать. Я хотел ненавидеть маму в этот момент, но ничего не получалось.

- Нет, мама, - сказал я спокойно. - Если тебе действительно нужно мое мнение, если мое решение что-то да значит, то оно отрицательное. Я не хочу этого и никогда на это не пойду.

Мама молча посидела, потом молча встала и вышла из моей комнаты. Проснувшись около семи утра, я очень хотел верить, что этот мамин визит - это был сон, но по ее лицу понял, что она действительно приходила и сказала то, что сказала. Папа курил на балконе. Мама готовила завтрак.

- Доброе утро, мама.

- Доброе, солнышко. Зови своего отца, будем кушать!

Слишком радушно, на грани истерики.

***

Весь день было не по себе. Я старался не встречаться с мамой взглядом и почему-то начала чувствовать себя виноватым. Папа что-то рассказывал про свой страшный сон. Мы смотрели какое-то старое кино (я только ради папы все еще смотрю эту плоскую фигню), потом пили чай с шоколадными вафлями, а потом я не выдержал.

- Пап, слушай, может, мы с тобой пойдем погулять?

- Что?

- Пойдем гулять! Мам, можно, мы сходим в парк? Каких-нибудь сорок минут и мы обратно, соскучиться не успеешь! Мам?

Мама мыла посуду, замерла на секунду, но вот продолжила. Шумела вода.

- Да, конечно. Только возвращайтесь быстрее. Помните про лекарства.

- Конечно, мам!

Папа выглядел растерянным. Смотрел то на меня, то на мамину спину. В очередной раз нашел мой взгляд, тепло улыбнулся и подмигнул.

- Идем? - спросил я.

- Идем!

Мы довольно быстро собрались и вышли на улицу, там уже шел дождь.

- Блин, может, вернемся домой?

- Нет, солдат! То, что не убивает, делает нас сильнее! Шагом, марш!

И он огромными шагами потопал по лужам, поднимая фонтаны брызг.

- Вперед!

Сначала было здорово, я смеялся так, что, кажется, даже забыл об утреннем разговоре. Но потом я увидел, что с папой что-то не так. Не знаю, как это правильно объяснить. Это был другой. Тот, что иногда смотрит на меня его глазами. Он говорит какой-то бред про носорогов и огромные грибы, раздевается, орет, бьется головой об стену и не может сориентироваться в пространстве.

- Папа!

Как назло, мы были недалеко от станции метро и папа кинулся именно туда.

- Папа! Стой!

Я еле как догнал его уже на самой платформе (куда смотрят эти идиоты?), догнал, схватил за руку.

- Папа! Посмотри на меня! Папа!

***

Хорошее утро, только-только светает, небо почти голубое. Прохладный легкий ветер, свежо. Ночью был дождь, день обещает быть солнечным. Середина лета. Я только проснулся, еще не ходил в ванную, стою и тру руками глаза, смотрю на папу. Тот сидит на балконе и курит. Нужно идти в ванную, но я боюсь сдвинуться с места. Один шаг, и эта странная, волшебная тишина рухнет, и вернется безумие. Я этого не хочу. Вот, папа докурил, зачем-то посмотрел вниз, обернулся, будто бы ища пепельницу (мама всегда моет ее и убирает с балкона, чтобы та не воняла) и тут заметил меня. Улыбается. Стоит на фоне яркого зеленого ковра крон. Машет рукой, делает шаг вперед и влево и открывает дверь.

- Доброе утро, солдат!

Глава 8

Утро воскресенья, и нам в кои-то веки никуда не нужно. Тяжелые зеленые шторы, которые Светкина мама приволокла из Урумчи, плотно задернуты, и потому невозможно понять, сколько сейчас времени. В доме стоит запах индийских ароматических свечей, на кухне бардак; вчера приезжали Эдик, его девушка, и еще какой-то новый нервный парень: волосы, что твоя солома, тощий, носатый, неуловимо напоминающий Роберто Бениньи. Так я его и назвал про себя. Мы пили пиво и разговаривали. В последнее время Лапша зачастил, и мне не то чтобы неприятно - странно, казалось-то, что университетские помидоры безвозвратно завяли года еще четыре назад.

Я лежал и слушал, как под боком сопит Света, старался не двигаться, только в самом начале подложил руки под голову. Было ужасно жарко, и хотелось ее с себя стряхнуть, но боялся разбудить. Вечером я на ватных ногах пошел провожать гостей, вернулся да лег спать, а Света убиралась дома опять полночи...

Хотел включить телевизор - пульт оказался на кресле у двери на практически недосягаемом расстоянии, хотел посмотреть, который час - телефон взглядом найти не удалось.

Попытался вспомнить, о чем мы вчера говорили. Света, как всегда, впрочем, и особенно после пива, начала свою песню о правах женщин. Роберто в ответ на ее тираду заметил, что нельзя разделять права женщин и не-женщин, потому что звучит ровно так же, как «людей и женщин», и тоже, по сути пьесы, дискриминация. Если уж бороться за права, то за права всех, а феминистки и ЛГБТ, мол, таким образом борясь, оказывают себе медвежью услугу, потому что загоняют себя в социальное гетто. Света ответила, что «обратный сексизм» - дебильный оксюморон, потому что инструменты угнетения были и есть в руках доминирующей социальной группы.

- Конечно, - внезапно согласился Роберто. - Тебе правда кажется, что я этого не понимаю? Но оттого, что мы разберемся с тезаурусом и дадим этой тенденции какое-то другое определение, ситуация не перестанет пахнуть жареным. Хотеть угнетать потому, что угнетали тебя логично, в принципе, но контрпродуктивно.

Нельзя допускать никакой общественной цензуры, сказал он - всегда плохо кончалось. Машина в итоге сожрет всех. А Света обиделась, бросила испепеляющий взгляд на меня, потом почему-

то на подругу Эдика и парировала, что крайне удобно вспоминать о правах «всех», когда у кого-то хоть какие-то элементарные права появились всего сто с лишним лет назад.

- Что мы скажем инопланетянам? - спросил Лапша. - Подумайте. Представьте себе, что завтра прилетят братья по разуму. Что они увидят? Мы между собой две тысячи лет договориться не можем, какой уж тут контакт.

- Время не имеет значения, - продолжил Роберто (как же его звали?), игнорируя Лапшу. - Ты говоришь сто лет, но в этом нет никакого смысла. Мы придумали время. А затем придумали друг другу права.

- Нам не об этом нужно думать, - вдруг подала голос подружка Эдика. Мы все разом повернулись к ней. Она отхлебнула пива. - Вы посмотрите, что происходит. Скоро у вас в голове, и у тебя, и у тебя, вовсе не останется своих мыслей. Ничего не останется. Одна техника. Гаджеты и улучшатели. Штуки, которые будут решать за нас, что хорошо, а что плохо. Нет никаких других.

Тут она посмотрела мне в глаза.

- Только мы. И мы уничтожаем себя. Да, можно сколько угодно говорить об инфотейнменте и его влиянии на восприятие и обработку информации или, не знаю, ускорении времени. Об устаревании культурных кодов. Мы думаем иначе, конечно, все мы, никто больше не умеет думать так, как раньше, но спросите себя, что важнее, размышлять о правах, - взгляд на Лану, - говорить о диктатуре равноправия, думать о возможности контакта с другой цивилизацией или пытаться понять, что не так с нами? Что происходит с людьми? Какого рожна...

- Да, это кризис, - пьяно перебил Эдик после долгого молчания. - Но не в отрицательном смысле, а как завязка чего-то совершенно неслыханно нового. Того, чему названия еще не дано. Я абсолютно отчетливо ощущаю какие-то необычайные перспективы, которым пока еще нет имени. А ведь мы как раз больше всего боимся того, чего не умеем назвать.

- И не имеем никакого своего, - девушка, имени которой я опять отчаянно не могу вспомнить, сделала акцент на «своего», будто продолжая какой-то их разговор, - мнения на этот счет. Только мертвые философы, только хардкор.

Во втором часу ночи пришла соседка снизу. Попросила сделать музыку тише. Они, соседка, ее долговязый муж и их кудрявый сын, были милой и интеллигентной семьей, поэтому музыку мы выключили и поезд перестал быть в огне, но еще через полчаса, когда снова заговорили чересчур громко, я решил, что гостям пора и честь знать.

Эдик что-то говорил мне в коридоре, только сейчас вспомнилось, нес какую-то чушь про то, что мне нужно беречь руку, а его девушка смотрела на нас со Светкой... ну так... Непонятно, как точно. Не так чтобы доброжелательно.

Дальше, пока дежурно и без особого желания лез к Свете, я все думал о том, что Лапша рассказывал мне в самом начале, когда мы еще выходили покурить на балкон. Он-де работает в большой команде в центральном научно-исследовательском центре, и они со дня на день закончат работу над уникальной технологией, которая уничтожит наши ориентиры на время и позволит каждому стать каким, каким он хочет быть...

- Эй!

Света тронула мое лицо пальцами. Было темно, и я не мог разглядеть ее глаз. Только большие черные провалы на бледном овале лица.

- С тобой все хорошо?

Я хотел спросить, что она думает о мире, где нет стариков и никто не боится умереть, и как устройство этого мира отразится на больных для нее вопросах типа слатшейминга и другой фигни, но не придумал, как именно.

- Спокойной ночи.

Снился мне почему-то тот самый кудрявый сын соседей из квартиры прямо под нами. Угловатый парень лет тринадцати-четырнадцати. Там, во сне, он так заразительно весело улыбался, был так окрылен, что и мне стало хорошо.

Он шел по улице едва ли не вприпрыжку, будто страшно давно здесь (в городе?) не был, и наслаждался всем, что видел вокруг: небом, солнечным светом, людьми. Смотрел и никак не мог насмотреться.

***

Рука затекла («береги руку, старик, всякое может случиться»), соседи сверху включили телевизор, тот стал монотонно и непрерывно что-то бубнить. Откуда-то еще послышалось, как играют на рояле, неловко, будто в первый раз открыли крышку, фальшиво и старательно. Окно закрыто, хотя и лето, и на улице довольно тепло, даже жарко. Не помню, почему мы его вчера не открыли, хоть бы проветрили эту индийскую пакость...

Света спала нагишом. Повернулась во сне на другой бок, выговорив что-то как бы четко, но все равно непонятно, и с нее сползло легкое одеяло. Через некоторое время я отреагировал.

- Свет, ну Свет, - полез я к ней, - добро утро!

Она недовольно проворчала что-то в ответ, но через секунду обняла, повернулась и чмокнула меня в нос, едва разлепив глаза.

- Доброе, придурок. Сейчас.

Слезла с кровати и ушла. Включила воду в ванной.

- Тоша! - слышу из коридора, зовет с занятым (наверное, зубной пастой) ртом, что наводит меня на определенные фантазии. - Ты бы тоже помылся, герой-любовник! Идем!

- Потом! - громко отвечаю я.

В такие моменты я всегда вспоминаю песчаный пляж, темную, беззвездную ночь и тихий шепот большой воды, которая медленно облизывает берег. Там холодно и поэтому хорошо. Там она идет по берегу с банкой пива в руке. На ней длинная многослойная юбка и она только что с кем-то болезненно порвала.

- Света!

- Да иду!

Смеется - хорошо, гроза миновала, значит. А то иногда, бывает, неделями дуется, смотрит большими страшными глазами и молчит.

- Иду!

Пока она идет, у меня появляется отличная идея для воскресного утра.

- Ты чего?

Стоит в одних трусах в дверном проеме и смотрит на меня, как баран на новые ворота.

Я думаю: когда она успела надеть трусы?

- Зачем тебе мои туфли?

- Раздевайся. Ну, в смысле. Вот еще.

Протягиваю ей очки.

- Надень очки и туфли. У тебя есть какие-нибудь колготки в клетку?

- Ты порнушки пересмотрел?

На ее лице злость борется со смехом.

- Оденься и вставай так. - Я не знаю, как показать. - Ну так. Ну пожалуйста.

- Хрен с тобой. - Улыбается, спускает трусики и походя бросает их мне. - Идиот! - Смеется, залезает на кровать и встает в нужную мне позу.

- Так?

Вертит попкой.

- Нравится, онанист?

- Сейчас.

Тоже хватаюсь за трусы, но тут звонят в дверь.

- Блин!

- Да не открывай.

В дверь опять звонят. Начинают громко стучать.

- Дерьмо!

Подпрыгивая на одной ноге, я надел джинсы и пошел в коридор.

- Кто там? - спросил, заглянул в глазок. На лестничной клетке стоял сосед снизу.

- Добрый день, - сказал он.

Открывая дверь, я успел подумать, что у него какие-то странные глаза, фиалкового, что ли, цвета. Непонятного, раньше я никогда таких глаз не видел.

- Здравствуйте.

Увидев, что я в одних штанах, сосед немного смутился.

- Вы меня извините, - мнет в руках связку с ключами, пахнет бензином, - мне срочно отъехать нужно, а жена с сыном в супермаркете. Можно я вам ключ оставлю, у нас на этаже все будто вымерли. Они в течение часа-полутора будут, если вам не трудно, а мне бежать нужно.

- А что случилось?

Я почувствовал, что в этот момент проснулся окончательно. Стала болеть голова. Сосед вручил мне ключи и сказал:

- У меня на объекте трубы лопнули.

***

Прилично после обеда выбрались погулять. Людей в ближайшем ТРЦ тьма-тьмущая. Дети орут, убегают от родителей, мимо тащится игрушечный поезд, за которым волочится веселая песенка.

Бутики с дорогой одеждой, с косметикой, бижутерией, товарами из интернет-магазинов. Огромный баннер крупного магазина техники над эскалатором. Нам туда, вниз, мы пришли в кино.

- Блин, - ворчу я, приобняв Светку за талию, - нужно было на такси ехать, пока дошли, устал, будто мешки ворочал. Не думал, что досюда от нашего дома так далеко...

Ответа не требовалось, но Света все равно ответила. Удивленно свела брови и спросила:

- В смысле? - И как-то так неопределённо улыбнулась. - И пяти минут не прошло. Ты чего, Фридман, совсем неженкой стал?

Я решил не спорить. Нет смысла спорить. Прошли к кинотеатру, купили попкорн, подождали начала сеанса (он страшно долго не начинался), вошли в темный зал, и пока смотрели рекламу, я решил немного поесть. Сунул руку в ведерко, запихал несколько кукурузин в рот и тут же выплюнул.

- Что такое?

- Попкорн протухший у них.

Света, выражения лица которой опять не было видно из-за темноты, сунула руку в ведерко, вынула несколько кусочков

жареной кукурузы и отправила в рот.

- Ты чего? Все нормально с ним.

- Ну как нормально. Протухло все на хрен. Не ешь, с животом плохо будет.

- Фридман. С тобой все нормально?

- Да, нормально.

Я почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота.

- Нормально все. Пойду покурить, пока реклама. Ладно? Пойду покурю.

- Антон.

- Все нормально, малыш. Сиди. Я сейчас вернуть.

Вышел из душного зала, оставив Свету одну, и пока шел до эскалатора, сунул руку в карман джинсов, в тот, где лежала пачка сигарет, и вынул только труху.

- Какого...

Труха раньше была пачкой с сигаретами. Я огляделся. Вокруг ничего не изменилось, все те же люди спешат по своим, может быть важным, а может и пустяковым делам. Но сегодня ведь вторник, подумал я, и эта мысль почему-то успокоила.